

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

К.И.ПОЛЯКОВ

ИСЛАМСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ
В СУДАНЕ

МОСКВА – 2000 г.

Лицензия ЛР № 030697 от 29.07.1996 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

К.И.Поляков
ИСЛАМСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ В СУДАНЕ

Подписано в печать 18.12.2000 г.
Формат 60х90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 10,5 уч. изд. л.
Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 342

Типография ГНЦ РФ «НИОПИК»
103031 Москва, Нижний Кисельный пер., 5

Научное издание

К.И.Поляков

ИСЛАМСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ В СУДАНЕ

М., 2000, 168 стр.

Рецензенты: кандидат исторических наук **А.Ю.Умнов**

кандидат экономических наук **Г.И.Смирнова**

Ответственный редактор: доктор исторических наук **Г.В.Горячкин**

Монография посвящена зарождению и развитию исламского фундаменталистского движения в Судане на протяжении XX века. В книге рассматриваются предпосылки выдвижения исламских фундаменталистов на авансцену политической жизни Судана, особенности формирования их идеологии, основные направления практической деятельности, перспективы дальнейшей эволюции. Особое внимание уделено реакции других стран на внешнеполитическую активность суданских сторонников возрождения ислама. Исследование опирается на широкий круг источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Книга рассчитана на специалистов-востоковедов, преподавателей истории стран Ближнего Востока, студентов-арабистов и практических работников.

ISBN 5-89394-049-0

ISBN 5-89394-049-0

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА I	
ИСЛАМСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	11
1. Понятие «исламского фундаментализма» в отечественной и зарубежной науке	11
2. Социально-экономические и политические предпосылки активизации исламских движений на Ближнем и Среднем Востоке	16
3. Доктрина и политическая деятельность исламских фундаменталистов	22
ГЛАВА II	
ЗАРОЖДЕНИЕ ИСЛАМСКОГО ФУНДАМЕНТАЛИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СУДАНЕ	30
1. Социально-экономические и этно-конфессиональные условия возникновения исламского фундаменталистского движения в Судане	30
2. Политические предпосылки появления в Судане «Братьев-мусульман»	41
3. Развитие и особенности идеологии исламских фундаменталистов в Судане. Теоретическое обоснование политической власти исламских фундаменталистов Хасаном ат-Тураби	57
4. Приход к власти и политическая практика исламистов во второй половине 80-х годов	66
ГЛАВА III	
РАЗВИТИЕ ИСЛАМСКОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА В СУДАНЕ В 90-х ГОДАХ	76
1. Политическое и экономическое положение Судана в 90-х годах	76
2. Эволюция взглядов Хасана ат-Тураби в 90-х годах	80
3. Развитие партийно-политической структуры Судана. Создание и деятельность Национального конгресса	84
4. Обострение противоречий в руководстве Судана. Политический кризис в декабре 1999 года	94

ГЛАВА IV	
ВЛИЯНИЕ ИСЛАМСКОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА НА СОВРЕМЕННЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.	
МЕСТО СУДАНА В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ	98
1. Политика США и их союзников в отношении исламского фундаментализма. Проблема международного терроризма	98
2. Обострение отношений Судана со странами Восточной Африки и Египтом	104
3. Исламский фундаментализм и внешнеполитический курс России. Перспективы российско-суданских отношений	109
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	117
КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ	124
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	148
SUMMARY	161

ВВЕДЕНИЕ

Не будет большим преувеличением сказать, что исламский фундаментализм в Судане представляет собой явление, значение которого начинает в известной мере выходить за рамки этого государства. В течение последнего десятилетия во многом благодаря пропагандистским усилиям средств массовой информации отдельных западных стран, а также демонстрационно жесткому подходу их правящих кругов к режиму в Судане исламский фундаментализм в этой стране превратился в феномен международной политики.

В 90-х годах Судан стал прочно ассоциироваться на Западе с понятиями «исламский фундаментализм», «религиозный фанатизм», «мусульманский экстремизм», «исламский терроризм» и пр. Такой достаточно упрощенный подход к политико-идеологическим процессам, происходящим в Судане, вызван не только сложностью их познания и оценки. В известной мере он определяется экономическими интересами западных стран на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Реализация устремлений Запада в отношении этой стратегически важной арабо-африканской страны приходит в противоречие с проводимой правящими кругами Судана внешней и внутренней политикой.

В то же время нельзя не отметить, что на фундаменталистские устремления части мусульманского населения некоторых афро-азиатских стран оказывает прямое или косвенное влияние суданский опыт, пусть даже и в весьма ограниченных масштабах. В этой связи возникает закономерный интерес к особенностям формирования идеологии, эволюции и практической деятельности пришедших к власти в 1989 г. исламских фундаменталистов, которые наряду с армией составляют основу правящего в Судане режима.

В контексте изучения проблемы генезиса исламского фундаментализма в Судане целесообразно рассмотреть весь комплекс вопросов, связанных, в том числе, с развитием современного мусульманского движения на Ближнем и Среднем Востоке, а также с характером его влияния на зарождение исламского движения в самом Судане. Для понимания сложившейся в настоящее время общественно-политической ситуации в этой стране большое значение имеет также рассмотрение предпосылок возникновения фундаменталистских тенденций, формирования организаций, стоящих на позициях «возрождения» ислама, дальнейшего прихода к власти фундаменталистов и путей последующей трансформации их доктрин, их взаимоотношений с другими политическими силами, а также изучение их роли и места в политической структуре современного Судана.

Вместе с тем актуальность разработки темы зарождения и развития исламского фундаменталистского движения в Судане определяется не только указанными обстоятельствами. Интерес к этому исследованию обуславливается также возможностью его использования для анализа соотношения понятий исламского фундаментализма, традиционализма и экстремизма – с одной стороны, а с другой, – сути модернизации и трансформации традиционного общества, также осуществляемых под исламскими лозунгами определенными политическими силами Судана.

Методологическая основа данного исследования сводилась к применению комплексного подхода в изучении совокупности внешних и внутренних условий развития суданского общества, предпосылок и факторов идейно-политического и социально-экономического характера, вызвавших появление и определявших «поведение» сил исламской фундаменталистской направленности в Судане. При этом автор опирался на результаты исследований отечественных ученых, включающие в себя работы по исламоведению, истории, политологии, социологии и др., условно подразделяемые на две категории. Во-первых, это выдвинутые А.Б.Борисовым (См.: 48),* А.А.Игнатенко (55; 56), Р.Г.Ланда (65), А.В.Малашенко (66;67), А.Ю.Умновым (187) и другими учеными-востоковедами концептуальные положения, которые послужили основой для выработки общих методологических подходов к изучению проблемы исламского фундаментализма в мусульманских странах. Во-вторых, исторический и социально-экономический аспекты этой методики базировались на работах Г.И.Бочкарева (49), Д.Р.Вобликова (50), Ю.С.Грядунова (51; 157), В.И.Гусарова (52), В.И.Киселева (63), Ю.М.Кобищанова (64;160), С.Р.Смирнова (75), а также А.А.Сорокина (76), А.О.Филоника (78) и других специалистов по конкретным отраслям судановедения.

Исследование вопросов зарождения и развития исламского фундаментализма в Судане потребовало обращения к широкому кругу источников, при этом многие материалы впервые вводятся в научный оборот. Во-первых, это неиспользованные материалы кандидата исторических наук Полякова Ивана Мефодиевича, оказавшиеся в его распоряжении во время пребывания в Египте и Судане в 50-60-е годы, и не введенные ранее в научный оборот; во-вторых, материалы, любезно предоставленные кандидатом исторических наук Г.И.Бочкаревым, которые он собрал в Судане в конце 80-х годов; и в-третьих, материалы, полученные автором в процессе работы в Судане и других странах Ближнего Востока и Африки в период 1981-1999 г. В работе также нашли отражение основные положения защищенной в 1997 г. в ИСАА при МГУ им.М.В.Ломоносова кандидатской диссертации автора на тему «Зарождение и развитие политических партий в Судане в 40-50-е годы».

Использованные при написании данной монографии источники включают в себя во-первых: документы (программы, уставы и их проекты, заяв-

* (...) – См. Список использованных источников и литературы.

ления, обращения, а также листовки, опубликованные в виде отдельных изданий), выпускавшиеся в 40-90-е годы суданскими партиями и иными общественно-политическими объединениями, как светскими, так и религиозными. В этом же ряду следует указать на выступления партийных руководителей, предвыборные платформы и т.п. материалы, опубликованные в суданской и египетской прессе: «Ан-Ниль», «Саут ас-Судан», «Аль-Ахрам», «Аз-Заман» и др. Из последних по времени издания документов можно отметить программные и уставные материалы учредительного съезда Национального конгресса Судана, прошедшего 7-9 октября 1999 г. (27; 28; 36). Во-вторых, это изданные в разное время или позднее воспоминания современников и очевидцев, мемуары участников рассматриваемых событий, записи путешественников (главным образом египтян), посещавших различные районы и города Судана, результаты полевых исследований, проводившихся западными учеными в суданских племенах и т.п. В-третьих, были привлечены официальные издания английской администрации, суданского правительства, парламента, министерств и ведомств, а также законы и другие нормативные акты. Эта категория источников в значительной степени реально отражает позицию правящих кругов Судана, в том числе по вопросам политики в области религии и межконфессиональных отношений внутри страны и за рубежом. В частности, из последних по времени изданий были использованы проект конституции Республики Судан (12), материалы Центра стратегических исследований Республики Судан за 1997 г. (21), «Отчет национального банка Омдурмана за 1998 г.» (22) и др. Наряду с этим автор широко использовал суданскую, египетскую, западную и отечественную прессу за 50-90-е годы.

В большинстве работ отечественных и зарубежных исследователей проблема зарождения и развития исламского фундаменталистского движения в Судане не выделялась в качестве самостоятельного предмета исследования. Исключение, может быть, составляют работы самого лидера исламского фундаментализма в Судане Хасана ат-Тураби: «Обращение исламской общины к другим конфессиям» (139), статья «Будущее ислама в Судане» (200), брошюра «Диалог с Западом» (141), где он разъясняет причины, в силу которых ключом для решения социально-экономических проблем Судана и других мусульманских стран является применение исламских доктрин. В наиболее полном объеме и завершенном виде теоретические разработки были отражены ат-Тураби в одном из его главных трудов – «Проблемы обновления ислама: по пути фундаментализма» (140), который в начале 90-х годов вызвал острую полемику и даже обвинения в ереси со стороны некоторых исламских кругов. Из последних работ «шейха» – так теперь в Судане называют лидера фундаменталистов – заслуживает внимания ряд его теологических исследований, в частности, «Толкование единобожия» (142), также написанных с позиций обновления исламской теории и практики.

В этой связи работа над книгой потребовала от автора не только обращения к самому широкому кругу монографий, статей и иных публикаций

отечественных и зарубежных исламоведов, историков-востоковедов, социологов, экономистов, политологов и специалистов по отдельным отраслям судановедения, но и их комплексного использования с целью более углубленного и всестороннего изучения рассматриваемой проблемы, особенно на современном этапе. В первую очередь были привлечены труды исламоведческого характера таких теоретиков прошлого и современности, как Сейид Кутб (122), Юсеф аль-Кардави (118), Дахир Мухаммед Камиль (112), Мустафа аш-Шакка (151) и др. Важным подспорьем при работе над монографией послужила энциклопедия под редакцией Маниа бен Хаммада аль-Джихни (114). В историческом плане развитие исламского движения в Судане в определенной мере отражено в работах таких авторов, как Аун аш-Шариф Касим «Ислам и арабизм в Судане» (119), а также вышедших в 1999 г. книг Мухаммеда аль-Хейр Абд аль-Кадира «Современное исламское движение в Судане в 1946-1952 гг.» (116) и Хасана Мекки «Исламское движение в Судане в 1969-85 гг.» (126). Среди специальных исследований, посвященных деятельности фундаменталистских группировок на международном, региональном и страновом уровне, а также конкретных дервишеских орденов, можно отметить работы Абд аль-Фаттах Асакира («Документальные свидетельства о группировке «Братья-мусульмане») (101), Кемаля Джавади («Египетские «Братья-мусульмане» на карте истории: от Х.Банна до С.Кутба») (121), Мухаммеда Ахмеда («Движение «Братьев-мусульман» в Судане в 1944-1969 гг.» (102), Салеха ас-Сауи («Степень соответствия шариату принадлежности к исламским партиям и группам») (134), Фатиха ан-Нура («Тиджанийя и будущее») (131), Ахмеда Мухаммеда Джали («Секта Хатмийя») (113), Мухаммеда Хамида Хейра («Хатмийя: ее история, доктрина и метод») (149) и др.

Принимая во внимание политический и идеологический характер всех вопросов, связанных с зарождением и деятельностью суданского фундаменталистского движения, автор стремился критически воспринимать отдельные оценки и выводы, содержащиеся в работах отечественных, западных, египетских и суданских авторов, сосредотачивая свое внимание главным образом на фактической стороне дела, перепроверяя те или иные сообщения путем сравнения конкретных данных, полученных из публикаций, принадлежащих перу политических или идеологических оппонентов.

Автор выражает признательность коллективу кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА при МГУ имени М.В.Ломоносова за высказанные замечания и предложения в процессе работы над монографией.

ГЛАВА I ИСЛАМСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

1. Понятие «исламского фундаментализма» в отечественной и зарубежной науке

Вопросы, связанные с изучением различных аспектов феномена исламского фундаментализма [1]* и его влияния на социально-политическую обстановку в государствах Ближнего и Среднего Востока, уже сравнительно давно находятся в поле зрения зарубежных и отечественных исследователей. Это вызвано теоретическим и практическим интересом к прямому или косвенному воздействию процессов «возрождения» ислама на формирование региональных и международных отношений, что весьма важно с учетом значительной вовлеченности других государств в дела Ближнего и Среднего Востока. Как представляется, в средне- и долгосрочной перспективе политические отношения в этом регионе будут и дальше находиться под сильным воздействием со стороны исламских фундаменталистских движений. Кроме того, складывающаяся международная обстановка вокруг проблемы исламского экстремизма не обнаруживает пока значительного увеличения удельного веса факторов, способных в какой-то мере нейтрализовать истинные причины роста числа приверженцев радикальных мусульманских движений.

Одной из первых проблем, с которой сталкивается исследователь при рассмотрении исламского фундаментализма, является неоднозначность трактовки самого термина. Иногда даже высказывается мнение о существовании нескольких разных «фундаментализмов». В этой связи целесообразно, на наш взгляд, отметить следующее. Давая характеристику этому феномену (исламскому фундаментализму) и факторам, детерминирующим его генезис и «поведение», необходимо прежде всего исходить из того, что ислам как социальное явление есть в первую очередь модель идеальной формы организации общества [2]. В сознании членов общества данная модель может восприниматься как имеющая три разновидности: традиционалистскую, фундаменталистскую и модернистскую. Отечественные исследователи Н.В.Жданов и А.А.Игнатенко определяют их как «типы религиозного сознания в исламе», рассматривая их одновременно в качестве трех тенденций, которые присутствуют и взаимовлияют в религиозной сфере. Это – «ортодоксальная», или «традиционалистская» (носители которой оправдывают существующее положение и противодействуют каким-либо экономическим и социально-политическим переменам и в принципе возражают против изменений исламского вероучения), «воз-

* [...] – См. Примечания.

рожденческая» (ее сторонники выступают за очищение ислама и возврат к его истокам, то есть так называемые фундаменталисты) и «реформаторская», или «модернистская» (ее последователи требуют модернизации исламской практики в соответствии с изменившимися условиями реальной жизни) (55, с.16).

Другой известный политолог – специалист по проблемам ислама А.В.Малашенко считает, что «в идеологии исламского возрождения доминируют традиционалистская и возрожденческая тенденции. Обе они характерны для мусульманского мира. Они взаимопересекаются, вступают в противоречия и вместе с тем составляют единое целое» (67, с.93). В то же время А.Ю.Умнов, указывая на два основных направления – традиционализм и модернизм, выделяет в традиционной форме еще одно, нетрадиционное, содержание – исламский фундаментализм. Он считает, что «внешне традиционализм и фундаментализм схожи – и тот, и другой выступают за возрождение традиционных исламских норм поведения, обычаев, наказаний. И тот, и другой порой применяют, хотя и в разной степени, экстремистские методы. Но за общей формой существуют серьезнейшие расхождения. Традиционализм использует традиционную форму для сохранения традиционных отношений. Фундаментализм же делает то же самое, стремясь к радикальной перестройке или даже к революции». Кроме того, различие между традиционализмом и фундаментализмом этот исследователь видит в том, что традиционалисты ограничиваются территорией своей собственной страны, а фундаменталисты стремятся выйти за ее пределы (См.:187, с.237-242; 188).

Некоторые исследователи, рассматривая соотношение между традиционализмом и фундаментализмом, наряду с революционной направленностью последнего подчеркивают также его конфликтный характер. Такая методологическая позиция заметна, например, у американского ученого Юсефа Хувейри в его книге «Исламский фундаментализм». Он, в частности, считает, что «идеологическая основа фундаментализма обнаруживает неприязненное отношение как к традиционализму, так и к официальным религиозным институтам». При этом Ю.Хувейри подчеркивает, что «интеллектуально и политически он (фундаментализм – К.П.) поддерживает творческое толкование Священного писания, будь то Библия или Коран, однако такое толкование является совершенно не критическим, апологетическим (защитительным) и дидактическим (поучительным)» (85, с.11). В определенной мере такая трактовка созвучна мнению специалиста по мусульманскому праву из Кувейта Салема аль-Бахнасауи, который видит существенную разницу между христианским фундаментализмом в средневековой Европе, который ассоциируется у него прежде всего с запретами в морально-этической сфере, и современным исламским фундаментализмом, который означает для него позитивный возврат к первоисточнику мусульманского права – Корану (См.:104).

Другие авторы в известной мере скептически оценивают термин «фундаментализм». Например, политолог из США Джон Эспозито воспри-

нимает «фундаментализм» как термин, слишком перегруженный христианскими понятиями и западными стереотипами, а также как понятие, заключающее в себе как бы несуществующую «монолитную угрозу». По его мнению, понятие «исламский фундаментализм» больше соответствует общим терминам «исламское возрождение» или «исламский активизм» (activitism), которые в меньшей степени перегружены стереотипами и имеют корни в исламской традиции. Дж.Эспозито считает, что ислам имеет длительную традицию «возрождения» («таджидд») и «реформизма» («ислах»), которая включает представления о политической и социальной активности, начиная с раннеисламского периода до настоящего времени. В этой связи американский исследователь заявляет, что предпочитает больше говорить об «исламском возрождении» и «исламском активизме», чем об «исламском фундаментализме» (88, с.8). К этому следует добавить, что исламоведы выделяют суннитский и шиитский фундаментализм, которые различаются, помимо прочего, формой планируемого «идеального» государственного и общественного устройства (халифат – имамат), преимущественной социальной поддержки (городское – сельское население), а также способами деятельности (групповой – массовый) и др. [3].

Важным вопросом является также определение соотношения между понятиями исламского фундаментализма и исламизма. Здесь также существуют различные точки зрения. Например, российский исследователь В.И.Сажин на основе классификации, разработанной отечественными учеными, в частности Н.Петровым, считает возможным рассматривать исламизм как предельно политизированную составляющую религии Пророка Мухаммеда и предлагает следующую классификацию политической составляющей ислама (т.е. исламизма), выделяя четыре основных его течения. Первое он характеризует как «адаптацию и синтез», второе – как «консервативное», или «традиционалистское», третье – фундаментализм и четвертое – радикальный фундаментализм, непосредственно связанный с терроризмом. При этом введенный западными учеными и политиками термин «исламский фундаментализм» означает совокупность течений мусульманской общественной мысли, направленных на укрепление веры в основополагающие источники ислама, неукоснительное выполнение предписаний Корана и требований законов Шариата, введение традиционных мусульманских установлений в качестве **обязательных** норм всех сторон жизни (182, с.207-209). Последнее характерно не только для Ближнего и Среднего Востока, но и отчасти для других мусульманских регионов (Средней Азии, Северного Кавказа и др.). При этом следует отметить, что с учетом изменений в религиозно-политической обстановке в странах Ближнего и Среднего Востока, вызвавших в последние годы известную нивелировку различий в формах и методах действий сторонников многочисленных направлений традиционализма и фундаментализма, употребление такого универсального понятия, как «исламизм», стало более частотным. Если в середине 90-х годов «исламизм» трактовался как «новый фундаментализм» (А.Ю.Умнов) или, как уже отмечалось выше, «предель-

но политизированная составляющая часть ислама» (В.И.Сажин), то сегодня его чаще употребляют в значении «политический ислам», а «исламистами» («исламийон») на Ближнем Востоке нередко называют уже всех тех, кто активно использует исламскую религию как средство достижения политических целей.

Наличие достаточно широкого спектра подходов к определению понятия «исламский фундаментализм» в теоретическом и практическом плане оставляет проблему терминологии открытой. В данной работе, посвященной исламскому фундаментализму в Судане, в качестве рабочего будет использовано определение исламского фундаментализма как одной из трех основных разновидностей исламской модели общественных отношений (традиционалистская, фундаменталистская и модернистская), в основе которой лежит идея очищения ислама через возврат к его истокам как условия дальнейшего успешного развития «уммы» (мусульманской общины).

При таком подходе собственно исламский фундаментализм представит как явление, чаще всего возникающее на основе традиционализма в период очередной революционной (или перестроечной) фазы, когда появляется необходимость радикального возвращения к истокам по принципу: «назад – в будущее». Под таким углом зрения исламский фундаментализм имеет ряд характерных черт: а) обращение к истокам вероучения в целях перестройки общественных отношений на основе базовых религиозных ценностей (возрождение «истинного» ислама); б) активные действия по установлению исламской власти («хакимийи»), приведению законодательства в соответствие с положениями Корана и сунны («шариа»), продвижению во все сферы общественной жизни норм морали, существовавших во времена Пророка и его ближайших сподвижников; в) более или менее радикальный характер проводимых в соответствии с идеологическими установками политических, социальных и экономических преобразований («исламская революция»); г) осуществление активного внешнеполитического курса в направлении достижения единства с аналогичными движениями за рубежом; проведение международной деятельности по распространению идей «исламского возрождения». В этом контексте определение «исламизм» может быть применимо ко всем субъектам политической деятельности, использующим мусульманскую религию для реализации конкретных политических устремлений.

Значение феномена исламского фундаментализма в социальной жизни и политических отношениях на Ближнем и Среднем Востоке побуждает исследователей рассматривать его с разных точек зрения. В последнее время в отечественной востоковедной политологии в вопросах соотношения ислама и политики стали формироваться как бы два подхода к оценке идеологии и практики современных исламистов. Часть исследователей склоняется к мысли о необходимости трактовки происходящих в мусульманском мире событий с позиций «возрождения ислама». По мнению других, за активизацией исламских движений стоят конкретные эко-

номические и политические интересы. В основном, в первом подходе прослеживается идея о том, что современный исламский фундаментализм – это закономерное явление в рамках очередной волны «исламского ренессанса». Оно отражает стремление части мусульман к возрождению «истинных» исламских ценностей в условиях процесса глобализации, а также связано с сохраняющимся так называемым «цивилизационным» противостоянием.

Как считают другие исследователи, существующее несправедливое положение в международных отношениях, отсутствие реально устраивающих население развивающихся стран результатов в построении демократического (гражданского) общества, нерешенность острых социально-экономических проблем – все это выступает факторами, способствующими переходу радикальных исламистов на позиции политического экстремизма. При таком подходе проблема так называемого «исламского терроризма» в ряде случаев предстает как отражение экстремальных форм борьбы за равноправное участие в мировой политике, реакция на засилие западных стран в мировых делах, за национальный (или конфессиональный) суверенитет, иногда за сохранение права на социокультурную самобытность, но чаще всего – как стремление к решению внутренних проблем на путях установления «исламского порядка».

Политологическая оценка происходящих событий с позиций, условно говоря, концепции «возрождения ислама» дает иные, чем сквозь призму «политического ислама», результаты. Исходным пунктом этой методики, как правило, выступает анализ геополитических мотивов (нефть, сферы влияния) в международных делах. При этом сторонники такого подхода полагают, что, например, за «ваххабизмом» в России (движением «Талибан» в Афганистане, организацией «Братьев-мусульман» в Египте и т.п.) стоят конкретные политические силы, которые используют религиозный радикализм этих и подобных движений в интересах решения своих корыстных в конечном итоге задач. Под таким углом зрения исламские экстремисты предстают орудием в проведении политики отдельных западных или восточных государств, направленной на достижение конкретных геополитических целей в «жизненно» важных регионах, таких, например, как установление контроля над торговыми путями, транспортировкой энергоносителей, добычей отдельных видов минералов и т.п.

Приведенное выше схематичное и далеко не полное изложение формирующихся точек зрения на проблему соотношения ислама и политики в современном обществе все же оставляет вопрос открытым. Существуют, как представляется, некоторые дополнительные возможности для прогностического анализа дальнейшего хода распространения идеологии исламского фундаментализма и ее влияния на политические отношения на Ближнем и Среднем Востоке, которые лежат в иной плоскости. Возможно, продуктивным будет изначальный совокупный учет социально-экономических потребностей различных слоев исповедующего ислам населения. В известной мере «спрос» электоральных групп на «радикаль-

ный» ислам, который предполагает, помимо прочего, решительные шаги по установлению «исламского порядка» (социальной справедливости, равенства, введение в действие шариата – божественного, а не «людского» законодательства и т.п.), рождает соответствующее «предложение». При этом социальная база исламистов будет пополняться за счет представителей тех групп населения, которые связывают удовлетворение своих социально-экономических и соответствующих им политических интересов с установлением исламской формы правления.

2. Социально-экономические и политические предпосылки активизации исламских движений на Ближнем и Среднем Востоке

Мусульманские движения за реформы на основе «возрожденческой» модели продолжают оставаться неотъемлемым элементом политического спектра афро-азиатского общества. В этой связи многие политологи, историки, социологи и практические работники рассматривают исламский фундаментализм как относительно устойчивый и самостоятельный фактор, действующий как на страновом, так и на региональном и международном уровнях. При этом отмечается, что на характер очередного этапа в развитии исламских фундаменталистских движений повлияли главным образом следующие обстоятельства.

Во-первых, это – изменения, произошедшие в мире за последнее десятилетие, многие из которых объективно способствовали возникновению новых предпосылок для роста фундаменталистских тенденций в исламе. Среди таких изменений следует указать на фактическое создание монополярной системы международных отношений, что явилось дополнительным осложняющим фактором в контактах между «исламским» и «христианским» миром. Очевидно, что использование ООН в ходе войны в Югославии в интересах группы государств, входящих в НАТО, привело к ослаблению роли этой организации как универсального наднационального (надрелигиозного) миротворческого инструмента в международной политике. Соответственно, снизился уровень ожиданий определенной части мусульманских стран Азии и Африки в плане дальнейшего возможного использования ООН в урегулировании конфликтов, в том числе и межконфессиональных, мирным путем. В этом же ряду можно отметить утрату Россией своего былого влияния на Ближнем Востоке, что привело к ослаблению политики сдерживания в отношении некоторых национально-освободительных движений, часть из которых стоит на позициях «возрождения» ислама. Одновременно возросли претензии отдельных восточных стран на обладание ядерным оружием («исламская атомная бомба») и увеличились угрозы его применения в региональных конфликтах.

Во-вторых, в 90-х годах сохранила свою актуальность неурегулированность экономических отношений между постиндустриальными странами Запада и мусульманскими афро-азиатскими государствами. Превратившаяся уже в традиционную социально-экономическая отсталость мно-

гих стран Ближнего и Среднего Востока дополнилась кризисным состоянием экономики значительной части возникших в качестве субъектов международного права новых независимых государств с преобладающим мусульманским населением. В силу нерешенности проблем бедности и отсталости многих стран Востока наиболее политически активная часть представителей «исламского» мира будет и дальше использовать лозунги мусульманского фундаментализма, вовлекая в орбиту своего влияния все большее число ущемленных в экономическом и социальном плане слоев развивающегося общества. Не исключено также, что политика с позиции силы, проводимая США и их некоторыми союзниками в отношении отдельных афро-азиатских стран, спровоцирует в качестве ответной реакции дальнейшую радикализацию ислама и будет способствовать переходу части приверженцев идей исламского фундаментализма на позиции политического экстремизма с применением террористических методов борьбы.

В-третьих, множественные и незатухающие вооруженные конфликты на конфессиональной и этно-национальной почве и связанная с этим, в частности, проблема беженцев, сложная демографическая ситуация, порождающая массу пауперов, неустроенность и безработица молодежи – все эти и другие факторы наряду с неспособностью политиков направить разрозненное переходное общество на решение общенациональных задач обусловили поддержку населением нынешних фундаменталистов во многих исламских странах Ближнего и Среднего Востока. В этой связи современное руководство этих государств рассматривает исламский фундаментализм как идеологию, способную нейтрализовать существующий до сих пор в той или иной мере этнический, племенной и конфессиональный сепаратизм. Тем самым в странах, проводящих политику исламизации, «ислам рассматривается как мобилизационная идеология для населения, которое, по замыслу, не может не поддерживать тех, кто обращается к исламу как важному фактору национального самосознания (при том, что есть пережитки неисламского и доисламского сознания, однако и они могут населением осознаваться как исламские)»(158).

В-четвертых, в последнее десятилетие медленно, но все же продолжался процесс межисламской интеграции, который носил двусторонний характер. С одной стороны, в связи с указанными геополитическими изменениями в нем приняли участие образовавшиеся на постсоветском пространстве некоторые новые независимые государства. Прибегая в определенной мере к исламской риторике в политических целях, их лидеры стали декларировать приверженность мусульманским ценностям или включать территорию своих государств в «районы традиционного распространения ислама». С другой стороны, заинтересованность в интеграции под лозунгом «исламской солидарности» продемонстрировали наиболее мощные исламские государства Ближнего и Среднего Востока. «При этом, – пишет отечественный исследователь П.В.Чернов, – различные зарубежные исламские центры (иранский, саудовский, турецкий, пакистанский и др.) начали прилагать значительные усилия, чтобы втянуть в исламскую

орбиту (политически, экономически и даже инфраструктурно) мусульманские регионы СНГ» (192, с.71). Имевшая место в некоторых странах СНГ попытка «возрождения ислама сверху» (в том числе в интересах сотрудничества с развитыми исламскими государствами в плане получения возможных инвестиций) привела к негативным последствиям, стимулировавшим фундаменталистские настроения в мусульманских общинах. Попытки или декларации о введении шариата (тем более при содействии иностранных специалистов) не могли быть встречены с удовлетворением всем обществом, что послужило новым конфликтогенным фактором и способствовало естественному появлению групп ортодоксально настроенных лиц, видевших в своих оппонентах уже не инакомыслящих сограждан, а «врагов ислама». Кроме того, подобного рода «исламизация» в условиях общества с неустоявшимися исторически мусульманскими традициями, особенно при отсутствии сложившейся системы исламского образования и просвещения, развитого института улемов, факихов и других подготовленных священнослужителей, только способствует проявлениям «искажения» основ вероучения среди мусульман. Носители такого рода «неполноценных» религиозных взглядов, как правило, составляют наиболее активную часть исламских экстремистских движений, выступающих, в том числе, и под фундаменталистскими лозунгами [4].

В-пятых, очередной этап в развитии исламских движений фундаменталистского толка протекал на фоне нового обострения в отношениях между самими исламскими государствами. В частности, продолжало сохраняться противостояние различных зарубежных исламских «центров силы» (например, ирано-саудовские, ирано-турецкие, внутриафганские противоречия и др.). При этом в своей борьбе за сферы влияния эти силы использовали исламский ареал СНГ в качестве полигона для реализации своих весьма противоречивых интересов (192, с.71). Эти противоречия, по большей части, явились отражением нарастающей внутренней напряженности в отдельных государствах Ближнего и Среднего Востока, в том числе и в тех, которые в той или иной форме применяют исламские принципы государственного и общественного устройства. Как представляется, социально-экономические трудности, вызванные прежде всего непрогнозированными ранее результатами проводимой модернизации, оказали стимулирующее воздействие на формирование в этих странах исламской оппозиции фундаменталистской ориентации. В этой связи, например, отмечались попытки руководства отдельных арабских стран перевести деятельность национальных радикалов в русло идеологической борьбы с внешним противником, а также ориентировать лиц, принимавших участие в боевых действиях в рамках «джихада» («афганские арабы», боевики, воевавшие в Боснии, Косово, Чечне и т.п.), на новые внешние «угрозы». В целом указанные выше обстоятельства, повлиявшие в последние годы на характер очередного этапа в развитии исламского фундаментализма, могут быть дополнены и другими, сугубо внутренними факторами в каждой конкретной стране.

Проблема распространения идей исламского фундаментализма в современном мире имеет глобальный характер. Однако в конечном счете успех сторонников «чистого» ислама определяется конкретными условиями государства, избирающего исламский путь развития, или же страны, где население начинает тяготеть к лозунгам возрождения «истинного» ислама, либо активно усваивает привнесенный извне ислам, в том числе и фундаменталистской направленности. Отечественные исследователи в свое время уже дали оценку общим социально-экономическим причинам политизации ислама и развития фундаменталистских тенденций в афро-азиатских странах, которые не потеряли свою актуальность и по сей день. Здесь прежде всего следует отметить историческое несоответствие интенсивности роста товарно-денежных отношений, масштабов отделения производителя от средств производства, с одной стороны, и возможности объединения их с новыми средствами производства на капиталистической основе – с другой; более быстрый процесс политизации масс по сравнению с темпами социально-экономического развития зарубежных стран распространения ислама; отождествление ислама с национализмом, свойственное значительным массам участников национально-освободительного движения; а также крах идиллических представлений о возможности преобразования бывшего колониального или полуколониального общества на основе «западных» моделей и др. (73, с.348-250). Как показала в дальнейшем практика, «советская модель» в условиях афро-азиатских стран также не имела того успеха, на который могла рассчитывать.

В контексте анализа процессов развития исламского фундаментализма в современном мире уместно, на наш взгляд, вспомнить, что социально-экономические и политические предпосылки появления идеологии самого известного на сегодня суннитского фундаменталистского движения «Братья-мусульмане» [5] у себя на родине в Египте в целом были вызваны реакцией египетского общества на привнесение западных моделей капиталистического развития, их столкновением с местными, в том числе и капиталистическим, укладами экономики. Как отмечал в этой связи один из известных отечественных специалистов по вопросам развития ислама в Египте А.Б.Борисов, «лозунги «фундаменталистов» находили отклик по преимуществу среди мелкой буржуазии и части студенчества и интеллигенции, стихийная реакция которых на усиление капиталистической эксплуатации выливалась в стремление искать выход в возврате к идеализируемому «золотому веку» ислама» (48, с.124). Указывая на конкретные социально-экономические и политические условия в Египте во время правления Анвара Садата, на которое приходился бурный рост использовавшихся идеи Сейида Кутба радикальных исламских организаций, включая «Братьев-мусульман», отечественные исследователи отмечали, в частности, засилие западных монополий в стране, крушение надежд широких слоев населения в связи с проводившейся правительством «либерализацией» экономики, катастрофический рост имущественного неравенства, заключение сепаратного мира с Израилем и рост изоляции Египта в араб-

ском и исламском мире. За семь лет политики «открытых дверей» руководство страны отказалось едва ли не от всех социально-экономических достижений предшествующего периода. Экономическая активность ограничивалась в основном открытием новых банков (из которых более половины – иностранные), созданием предприятий в сфере услуг и т.п., т.е. ростом тех сфер, в которых возможен быстрый оборот капитала. К этому следует добавить постоянный рост инфляции, снижение доли заработной платы в расходах по государственному бюджету, уменьшение реального заработка в два раза. Около 5 % населения, оказавшись на вершине образовавшейся социальной пирамиды, присваивали 25% национального дохода, а 10% самых богатых египтян потребляли 50% всех товаров. За чертой бедности оказалось 37% населения. За счет собственного производства страна только на 40-50% удовлетворяла потребности в продуктах питания. В поисках работы и лучшей доли страну покинули 4 млн. человек (См.: 56, с.16-17). В свою очередь, арабские исследователи, описывая морально-психологическую атмосферу египетского общества того времени отмечают, что «к середине шестидесятых и в последующие годы в египетском обществе окрепли и усилились позиции паразитических прослоек и обладателей огромных доходов. Университеты страны превратились в скопище острых классовых противоречий. Дети рабочих и крестьян, у которых зачастую не было денег даже на проезд в переполненном пассажирском транспорте, сидели в аудиториях вместе с сыновьями и дочерьми новой египетской аристократии, утопающей в вызывающей роскоши и невероятном богатстве» (183, с.30-31). К этому следует добавить, что в значительной мере успеху последующей деятельности на Ближнем и Среднем Востоке фундаменталистских организаций, в том числе радикального толка, и распространению их влияния на часть мусульманской общественности способствовала также постоянная региональная политическая нестабильность, обусловленная сохраняющейся напряженностью в арабо-израильских отношениях.

В целом современный ренессанс исламского фундаментализма как в качестве государственной религии, так и в виде знамени, поднимаемого неправительственными религиозно-политическими организациями, имеет под собой вполне конкретную основу исторического характера, обусловленную традиционными социально-экономическими различиями между западным и восточным обществами. Так, по мнению некоторых политологов (См.: 180), в современных странах Запада уже давно сложилось гражданское общество, тогда как на Востоке оно отсутствует по определению. Распад социалистической системы привел к нарушению существовавшего ранее баланса сил в мировом масштабе. Оставшись таким образом один на один перед лицом мощного в экономическом, военном, технологическом отношении Запада, который проводит по отношению к развивающимся странам политику с позиции силы, последние все более остро ощущают острую необходимость в модернизации. В настоящее время афро-азиатские страны осознают историческую потребность в построении

гражданского общества, вместе с тем отсутствие необходимых экономических институтов на Востоке делает невозможным создание такого общества по западному образцу. В этой связи, в частности, в некоторых мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока исламский фундаментализм видится как единственный доступный путь к построению гражданского общества, альтернативного западному. В то же время попытки правящих кругов ряда ориентированных на Запад афро-азиатских стран навязать традиционному обществу чуждые ему и органически несовместимые западные стандарты и модели развития рожают в среде фундаменталистов тенденции к отторжению западного влияния любым путем, включая экстремизм и его крайнее проявление – терроризм. «И хотя ислам, – по мнению Г.И.Мирского, – как таковой не является в принципе религией, несовместимой с демократией и правами человека, его легко использовать именно в этом смысле, эксплуатируя гнев нищих и обездоленных народов, жаждущих торжества справедливости и склонных верить тем, кто утверждает, что весь корень зла – в отходе от «истоков», от праведного пути, в следовании чуждым нормам и ценностям, принесенным с Запада» (166, с.139).

Связанная с этим проблема так называемого «исламского терроризма» (термина, используемого главным образом представителями США и Израиля) нуждается, на наш взгляд, в серьезном критическом анализе. В частности, среди основных критериев оценки деятельности той или иной группировки исламистов, использующей методы террора, следует, по всей вероятности, выделить, во-первых, цели, для достижения которых применяется насилие, в какой форме оно применяется, а также средства его осуществления. Во-вторых, необходимо учитывать вероятность использования исламских лозунгов для прикрытия деятельности членов тех группировок, для которых терроризм стал формой существования или средством наживы. В-третьих, под знаменами ислама могут выступать различного рода сепаратистские движения. Кроме того, нельзя не отметить также и тот факт, что видимая устойчивость тех или иных радикальных исламских группировок основывается не только на определенных организационных принципах, но и в известном смысле на том, что они представляют собой скорее социально-экономические объединения, чем просто религиозные.

Таким образом, выход исламских фундаменталистов на авансцену политической жизни, увенчавшийся приобретением ключевых позиций во властных структурах ряда стран Ближнего и Среднего Востока или установлением их доминирующего идеологического влияния на общество, равно как образованием мощной оппозиции правительству в этих государствах, был обусловлен прежде всего социально-экономическими причинами. Напряженная экономическая ситуация, вызванная в известной мере подчиненным положением восточных стран западным транснациональным корпорациям, позволила радикальным исламским группировкам привлечь симпатии представителей беднейших слоев населения. Исламские

движения, основу которых изначально составляли борцы за чистоту ислама, требовавшие возвращения к временам праведных халифов, социального равенства и справедливости, приняли на себя функцию выразителей интересов части социальных слоев и групп, возникших, в том числе, и как результат колониально-капиталистической модернизации традиционного общества.

3. Доктрина и политическая деятельность исламских фундаменталистов

В последней трети XX в. исламским фундаменталистам удалось использовать недовольство части населения для реализации своих идеологических установок. Их социальная база формировалась во многом благодаря специфической роли исламской религии в политической жизни Востока. Говоря о различиях общественного устройства в «христианском» и «мусульманском» мире, некоторые политологи в этой связи отмечают, что «ислам как религиозная доктрина и форма социальной организации всегда играл на мусульманском Востоке несколько иную роль, нежели христианство в Европе. Он заполнил собой все поры мусульманского общества, определил характер экономических отношений и формы политической администрации, социальную структуру, культуру и быт правоверных. Духовная жизнь в мусульманских странах протекает в рамках ислама, является исламской как по сути, так и по форме. Для мусульманина выступить против ислама означает выступить против всего того, что есть в жизни и в обществе, т.е. противопоставить себя этому обществу, оказаться как бы вне его, вне закона» (68, с.465).

Обоснованность введения исламской формы правления, согласно представлениям исламских фундаменталистов, заключается даже не столько в универсальности норм шариатского права для значительной части афро-азиатских обществ, сколько в его альтернативности законодательству, принимаемому в соответствии с западным (изначально, в период древности, – античным) путем развития, а также в жизненности заложенных еще во времена Пророка Мухаммеда принципов конституционной слитности уммы, которая вне зависимости от национальной и культурной принадлежности объединяет всех правоверных. Вместе с тем, говоря об оживлении в 70-80-е годы многих мусульманских движений и эволюции их представлений о власти, отечественный исследователь М.Б.Пиотровский отмечал появление новых, «консервативных по сути, но умело сочетающих мусульманские политические традиции с переработанными в мусульманском духе западными принципами и идеями». В стремлении восстановить нормы правильного ислама и навязать их сегодняшнему миру большое место занимают планы и попытки восстановить единую власть, не различающую духовное и светское. В этой связи у «Братьев-мусульман» стал широко употребляться специальный термин – «шумулийя» («всеобщность»). Однако, как считает этот исследователь, «Братья-мусульмане» в своих попытках заменить светские структуры иными, якобы

чисто религиозными, пользуясь при этом традиционной мусульманской «общинностью», на самом деле ориентируются на новые политические реалии и идеи. По мнению М.Б.Пiotровского, «само предпочтение «общинной» стороны традиционного мусульманского представления о власти при сегодняшнем возрождении ислама является результатом опосредованного влияния европейского идеала демократии (167, с.17). Как представляется, указанная тенденция относится только к той части фундаменталистов, которые в силу политических причин стремятся к расширению своей социальной базы, но при этом они все же сохраняют приверженность основным положениям «возрожденческой» идеологической доктрины. В случае дальнейшей «эволюции» в сторону «европейской демократии» они рискуют подвергнуться обвинению в «неверии» и «ереси» со стороны радикалов.

Одним из основополагающих постулатов политической доктрины исламского фундаментализма выступает положение о делимости мира на общину правоверных мусульман («умму») и весь остальной мир. Радикально настроенные приверженцы фундаментализма считают при этом «неверными» исламские сообщества в тех странах, где в общественной, культурной и политической жизни в результате «вестернизации» (или влияния других факторов, например, коммунистической идеологии) были допущены отступления от норм первоначального ислама. Поскольку, по их мнению, только исламское государство может отвечать критериям цивилизованности, на первый план в политической деятельности фундаменталистов выступает практика «джихада», который иногда односторонне трактуется европейскими обозревателями как «война против неверных». В понимании умеренных фундаменталистов «джихад» – это прежде всего распространение исламского вероучения среди немусульманских народов (в первую очередь – анимистов, язычников, многобожников, идолопоклонников и т.п.). Радикально настроенные фундаменталисты подразумевают под этим также «наставление на правильный путь» отошедших от «истинного» ислама мусульман. В частности, аргументируя главную цель фундаменталистского движения – «распространение ислама и установление исламского порядка в мире», духовный лидер палестинского исламского фундаменталистского движения «ХАМАС» шейх Ахмед Ясин в одном из интервью утверждал: «Ислам побеждает и победит. Во всем мире. Потому что принципы ислама – верные. Он победит благодаря внутренней силе и тому, что обращается к разуму человека, независимо от пола и цвета кожи. Это правильный порядок, и поэтому он, конечно, победит» (202, 28.08.98 г.). Проблема насилия при осуществлении «джихада» может также решаться фундаменталистами в зависимости от конкретных социальных и политических условий их деятельности и даже совмещаться с декларациями о приоритете принципов мирного сосуществования представителей различных вероисповеданий.

Политическая практика современных исламских фундаменталистов-суннитов строится на основе ряда положений, главным из которых является

признание Аллаха в качестве единственного источника власти и законов. По их мнению, вся законодательная деятельность людей ограничивается рамками Корана и сунны, а лица, уполномоченные осуществлять управление обществом и государством, не только не могут выходить в своих решениях за эти рамки, но и должны контролироваться в этом отношении уммой и признанными религиозными авторитетами. Установление «истинного» исламского порядка в понимании мусульманских фундаменталистов означает восстановление норм, которые существовали во всех областях – социальной, экономической, политической и культурной – в эпоху основателя исламской религии Пророка Мухаммеда и его ближайших сподвижников. Вся жизнь общества, которое, по замыслу фундаменталистов, отвечает идеям социальной справедливости и гармонии, регламентируется положениями шариатского законодательства. В производственно-экономической сфере допускается как частная собственность, основанная на личном труде, так и общественная – государственная и кооперативная; средства производства используются в интересах всей общины (уммы); распределение осуществляется по принципу «от каждого – по способностям, каждому – по благочестию» (68, с.472). Для реализации модели идеального «исламского общества», историческим прообразом которого выступало бы собрание единомышленников периода Пророка Мухаммеда и последующих четырех «праведных халифов», представители уже упоминавшихся «Братьев-мусульман» предлагали халифат – выборную государственную власть, регулируемую высшим авторитетным органом, который делал бы экспертное заключение в отношении соответствия проводимых правительством мероприятий нормам ислама. В качестве такого органа «Братья-мусульмане» рассматривали свою организацию. Одновременно отвергались иные, кроме исламской, модели социально-экономического строя – коммунизм, социализм, капитализм – и доказывалась их непригодность для мусульманских стран. Идеологическая концепция египетских «Братьев-мусульман» предполагала также попытку доказать преимущество ислама над ценностями западной цивилизации, принесшей, по их мнению, народам Востока все пороки «развития». При этом заявлялось, что ислам как универсальная система, основанная на Коране и сунне, охватывает все стороны жизни всех народов во все времена. Сам родоначальник движения Хасан аль-Банна тогда же определил деятельность «Братьев-мусульман» в качестве «призыва к традиции», «пути следования сунне» и одновременно «суфийской истины» – по своей идейной сути, а по форме – как политическое движение, спортивную организацию, культурно-просветительский союз, экономическую кампанию и социальную идею (165, с.90-91). В сфере внешней политики ранние «Братья-мусульмане» выдвигали идеи панисламизма и, отчасти на первом этапе, панарабизма, однако после провала попыток арабских стран к созданию объединенного арабского государства «Братья» стали придерживаться мысли о необходимости прежде всего союза исламских государств под знаменем одной религии (См.подробнее: 48;56).

Главным идеологом египетских «Братьев-мусульман» в 50-60-е годы был Сейид Кутб [6]. Его идеи оказали заметное воздействие на взгляды многих исламских фундаменталистов почти во всех мусульманских странах (включая и с шиитским направлением ислама), а написанные им книги до сих пор пользуются популярностью среди мусульман самых различных государств, в том числе в Европе и Америке. Кроме того, произведения С.Кутба или издания, содержащие пересказ основных положений его концепции, используются функционерами радикальных исламских организаций и движений (например, «Фидаины Ислама» в Иране, «Талибан» в Афганистане и др.) в качестве учебного пособия для идеологической подготовки «муджахидинов». Помимо этого, в произведениях Сейида Кутба значительным вниманием исламистов пользуются положения, касающиеся принципов организации так называемого «секретного аппарата» в экстремистских группировках, выполняющего разведывательные и контрразведывательные функции (См.: 121, с.12-14).

Уже в 50-х годах Сейид Кутб стал проповедовать идею о том, что попытки правящих кругов Египта игнорировать принадлежность к исламскому миру ведут к глубокому национальному кризису. Став главным идеологом «Братства», он подверг резкой критике политику компромиссов с режимом короля Фарука (правил Египтом с 1936 по 1952 гг.), которую проводил родоначальник Ассоциации Хасан аль-Банна. Достижение политической власти «Братьями-мусульманами» было выдвинуто Сейидом Кутбом в качестве основной цели их движения. Прежняя половинчатая тактика «Братства» по отношению к властям была заменена призывом Сейида Кутба к борьбе с правителями и подданными общества «неверных», особенно усилившимся после антимонархической революции 1952 г. и прихода к власти организации «Свободных офицеров».

В Египте середины 60-х годов наступил очередной этап конфронтации между руководством страны и «Братьями-мусульманами». Его особенность заключалась в том, что более четко обозначилась социально-политическая ориентация Египта на некапиталистический путь развития, а президент Гамаль Абдель Насер выдвинул тезис о том, что принципы социализма в своей основе совпадают с постулатами мусульманской религии. В этот период харизма египетского лидера своей популярностью затмила влияние всех других политических сил, включая левых и «Братьев-мусульман». В то время как выпущенные из тюрем коммунисты вынуждены были снизить свою активность среди народных масс, Сейид Кутб избрал другой путь. Как отмечает египетский историк, политический деятель и публицист Рифаат Саид, С.Кутб «пошел по другому пути, по пути отвержения всего существующего, следовательно, неверного, по пути противодействия колониализму, социализму, демократии или диктатуре, которые независимо от характера то ли дружественного, то ли враждебного отношения к ним со стороны египетского режима, суть неверные. Существовавший в стране режим он отверг полностью со всеми его проявлениями, заверениями и результатами деятельности» (183, с.39). В контексте

такого подхода у С.Кутба стали отчетливо прослеживаться как бы две установки: первая – обвинение правителя в неверии и безбожии и вторая – чувство превосходства и возвышение верою. При этом обвинение правителя в неверии и безбожии основывалось на том, что его «неверный» режим осуществляет суд не в соответствии с законом, ниспосланным Богом. Поскольку люди, которые считают себя мусульманами, поддерживают этот режим, то «истинные» правоверные (то есть «Братья-мусульмане»), несмотря на свою малочисленность, предстают богоугоднее и морально значительно сильнее.

Одним из принципиальных положений среди воззрений Сейида Кутба является утверждение абсолютной власти Аллаха над всем сущим и над людьми. По мнению известного египетского теолога Мухаммеда Кутба, изданная незадолго до ареста в 1965 г. книга Сейида Кутба «Вехи на пути» «сконцентрирована вокруг истинного значения выражения «Нет бога кроме Аллаха» и представляет собой указание главного пути в жизни. Это религиозная формула способна ликвидировать «невежество» и установить правовое государство в этой земной жизни. Святой мученик (т.е. Сейид Кутб – К.П.) боролся против невежественных режимов, не принимая их, до тех пор пока они не примут этих божественных слов и не изменят что-либо в существующей реальности» (122, с.5-6). Характерно, что в отличие от ортодоксального ислама для С.Кутба «свидетельство» (слова исповедamentальности) «Нет божества кроме Аллаха и Мухаммед пророк его» – как бы ограничивается первой половиной этой религиозной формулы. Пророк Мухаммед, таким образом, выступает у С.Кутба прежде всего как передаточное звено – наиболее достойный из людей, но лишенный особой благодати.

Придавая исключительное значение принципу единобожия в вопросах, связанных с «возрождением» ислама и очищением его от ереси, в главе «Божественность и поклонение» книги «Ценности исламского представления» Сейид Кутб говорит: «Ислам рассматривает проблему веры в единого Бога как первую и самую главную, как единство божественного и отделение этой проблемы от ее частных, как признание ее в единственности Аллаха и охват служения ему всем и всеми. Вера в единого Бога – на этом уровне и в этом содержании – это «выпрямитель» первоначального ислама» (122, с.116). В соответствии с таким жестким подходом к критериям истинности веры в Бога С.Кутб приходит к обвинению в неверии общества современных мусульман. В той же главе он заявляет: «Мы видим группу людей в мусульманском обществе в исламских странах, полагающих что они уверовали в то, что было ниспослано Пророку, и то, что было ниспослано через него. Они говорят: мы свидетельствуем, что нет Бога кроме Аллаха и Мухаммед – его Пророк, и все его ниспослания – истинны, и все вытекающие из этих ниспосланий законоположения – истинны, и что ангелы – истинны, и загробная жизнь – истинна, и предопределенность добра и зла – истинна, и все это – вера в то, что было ниспослано Пророку и через него. Они заявляют, что они верят во все это.

Но Аллах – хвала ему ! – не принимает от них этих заявлений и не считает их слова верой, но удивляется и поражается таким их поступкам и заявлениям» (122, с.167). По мнению Сейида Кутба, Бог не может принять за истинную веру заверения, которые не подтверждаются действиями и конкретными делами. Следовательно, одним из главных, по существу, принципиальных положений, которые отстаивает Кутб, является требование от мусульман не только произносить «свидетельство» («шахада»), но и «нести его в своем сердце и в соответствии с ним строить свое поведение в реальной жизни» (122, с.6). Тем самым С.Кутб как бы дает возможность считать «неверными» тех мусульман, кто не отвечает его представлениям о вере.

В то время как египетская буржуазия (включая ее компрадорскую часть) в период Насера стремилась к идеологическому обеспечению процесса перехода страны на капиталистический путь ссылками на религию (сторонники «модернизма», «реформизма»), а в Судане в конце 50 – начале 60-х годов все отчетливее проявлялось противоречие между небольшой группой капиталистических элементов (поддерживавших в целом западную модель «парламентской демократии») и представителями докапиталистических укладов (стоявших на позициях, близких к исламскому «традиционализму»), «Братья-мусульмане» выдвинули концепцию общественного устройства, основанного на принципах ислама, времен идеализируемого ими докапиталистического прошлого арабских народов, рассматривая капитализм, коммунизм, «арабский социализм» как возврат к «джахилии» (доисламскому «невежеству»). Успех идей возрождения «истинного» ислама среди тех слоев суданского общества, появление которых было вызвано или связано со специфической процесса зарождения капиталистических отношений в Судане, кроется в значительной мере в особенностях мировоззрения, а также социально-психологической предрасположенности представителей этих слоев к восприятию такого рода концепций. Фактически идеологи радикального направления в исламском фундаментализме Хасан аль-Банна и Сейид Кутб предлагали массам как бы универсальный рецепт решения наиболее острых социальных, экономических и политических проблем [7].

Перечисленные выше некоторые характерные положения исламской фундаменталистской доктрины в той или иной мере присущи большинству исламских движений, исповедующих идеологию возрождения «истинного» ислама. Политическая деятельность современных исламских фундаменталистов и их организаций различается в зависимости от их положения в обществе и государстве. В странах Ближнего и Среднего Востока различные исламские фундаменталистские группировки действуют как на легальном, так и полулегальном или нелегальном положении. В шиитском Иране, где фундаменталисты находятся у власти, права «улама» и «факихов» как опоры власти, ее наставника и контролера закрепляются чисто светским институтом – конституцией. В свое время имам Хомейни в глазах масс и в своем политическом всевластии приобрел некоторое подобие

«сакрального» имама, хотя формально таковым не являлся (167, с.17). В других мусульманских странах группировки фундаменталистской ориентации, с точки зрения правящих режимов, подразделяются на умеренные, радикальные и экстремистские. Главным критерием этого разделения служит, как правило, степень их вовлеченности в оппозиционную или антиправительственную деятельность, а также готовность к применению насильственных (вооруженных) методов в достижении поставленных политических целей.

В 90-х годах на Ближнем и Среднем Востоке наметилась тенденция к увеличению числа «очагов» исламского фундаментализма. В частности, выделился ряд стран, на территории которых в силу разных причин происходил рост исламских движений, придерживающихся фундаменталистской идеологии. Это – Алжир, Египет, Судан, Палестина, Йемен, а также Иран и Афганистан (См.: 168-179). В последнее время стала отмечаться значительная активизация деятельности исламской фундаменталистской партии «Джамаат-и-ислами» и другой радикальной исламской организации «Техрик-уль-муджахедин» в Пакистане [8]. Кроме того, продолжалась деятельность исламистов в форме религиозной оппозиции в Саудовской Аравии и других мусульманских регионах Востока. Процесс этот не прекращается, и в будущем возможен перенос активности исламистов в другие страны, которые со временем могут также войти в зону влияния исламских фундаменталистских группировок, стоящих на экстремистских позициях.

Наряду с этим в афро-азиатских странах заметно влияние исламских неправительственных организаций, доктрины которых не могут быть полностью отнесены к категории фундаменталистских. Как правило, активность этих организаций носит межмусульманский характер и не имеет ярко выраженной радикальной направленности. Среди пользующихся наибольшей популярностью объединений такого рода можно выделить, например, суннитскую Ассоциацию уведомления о грядущем Страшном суде и исламского призыва («Джамаат ат-таблиг ва ад-дава аль-исламийя»), которая возникла в Индии в начале XX в. и затем распространилась в Пакистане, Бангладеш, других регионах Азии, в большинстве арабских стран, а также Европе и Америке. Главный духовный центр этой организации находится в Дели, откуда осуществляется руководство национальными ассоциациями во всем мире, финансирование производится за счет пожертвований частных лиц.

Религиозная доктрина Ассоциации, основанная на Коране и сунне, испытала на себе значительное влияние суфизма, его тарикатов Аль-Матридийя, Аль-Джаштийя, Аль-Кадирийя, Ан-Накшбандийя и др. Суфийская практика используется в религиозном воспитании и наставлении, а некоторые организационные принципы дервишеских орденов служат основой работы по привлечению новых сторонников. В своей проповеднической деятельности члены Ассоциации исходят из того, что, наставляя на путь истинный человека за человеком, они постепенно добьются устранения

греховности из общества. Они не поддерживают, хотя и не отвергают полностью идею «удаления дурных поступков» (т.е. «борьбу за нравственность» — К.П.), которой придерживаются некоторые радикальные фундаменталисты, в частности, в Саудовской Аравии. По их воззрениям, добиться отречения от «греховного» возможно путем постоянного напоминания о наказании в день Страшного суда. Их убеждения запрещают юридическо-богословские изыскания («иджтихад»), поскольку считается, что в нынешнее время утрачены условия, позволяющие такого рода творчество. Принадлежность к ханифитскому мазхабу (религиозно-правовому толку) является обязательной. Члены Ассоциации заявляют, что «не вмешиваются в политическую деятельность», утверждая, что их политика «отвергает всякую политику». Такая позиция вызывает критику со стороны радикальных фундаменталистов, в частности Исламского общества («Аль-Джамаа аль-исламийя»), которое выступает за активное противодействие «врагам ислама». Вместе с тем некоторые арабские исследователи отмечают большой вклад Ассоциации в борьбу с коммунизмом (См.:114, с.321-327).

Наряду с исламскими объединениями, придерживающимися в целом умеренно-просветительских взглядов, в последнее время отмечается появление групп, берущих на вооружение воинствующие взгляды «псевдоваххабизма», ареал распространения которых охватывает часть стран Ближнего и Среднего Востока, а также постсоветского (постсоциалистического) пространства. Эта отличная от веры «идеология» включает в себя набор исламистской риторики, имеющей в своей основе упрощенную трактовку ханбалитского мазхаба. Для нее характерны: интернациональность, политизированность, воинственность (примитивная версия «джихада»), жестокость, культ личности полевых командиров (военачальников-эмиров), враждебность «традиционному» или «национальному» исламу. Если раньше, в 70-80-х годах, радикальные исламские группировки (преимущественно суннитские) на Ближнем Востоке носили достаточно замкнутый характер, объединяя носителей «истинного» ислама, то те, кого сейчас принято называть «псевдоваххабитами», представляют собой как бы новую генерацию агрессивных исламистов.

Как представляется, идеи «псевдоваххабизма» возникают в тех местах, где изначально непрочно укоренившийся «традиционный» ислам подвергся в течение определенного времени разрушающему воздействию атеистической пропаганды, а последующая «ре-исламизация» проходила при участии сторонников «возрождения чистого ислама». Наблюдаемая в этих районах социально-экономическая «перестройка» и сопровождающая ее реконструкция родо-племенных и клановых отношений, в которые не всегда могут «вписаться» все прежние, «доперестроечные» группы населения, вызвала к жизни социальные слои маргинального типа, чьи потребности, в первую очередь, порождают «спрос» на примитивную идеологию воинствующего ислама.

ГЛАВА II

ЗАРОЖДЕНИЕ ИСЛАМСКОГО ФУНДАМЕНТАЛИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СУДАНЕ

1. Социально-экономические и этно-конфессиональные условия возникновения исламского фундаменталистского движения в Судане

Судан не является исключением из общего ряда стран, в которых возник комплекс предпосылок общего характера, определивших приход к власти представителей кругов фундаменталистской направленности и успешное распространение их идеологического влияния на мусульманскую общественность. К числу таких предпосылок может быть отнесено кризисное состояние национальной экономики, политическая нестабильность, вызванная неспособностью светских (гражданских или военных) правительств решить первоочередные социально-экономические проблемы, подчиненное положение страны транснациональным корпорациям. Вместе с тем существует, на наш взгляд, ряд особенностей, которые предопределили не только превращение этой страны в своего рода образец реализации исламской фундаменталистской концепции, но и наложили определенный отпечаток на политику, проводимую современным суданским руководством за рубежом.

Речь идет об особом географическом положении Судана и связанным с этим очень сложном этно-племенном составе населения страны. В расовом, этническом и языковом отношении страна образует как бы переходную зону от арабского мира к собственно «черному континенту», населенному негроидными народами. Почти половину населения Судана составляют арабы (49%), проживающие, главным образом, в северной и центральной частях страны (племена оседлых земледельцев и кочевников – хасания, шукрия, баккара, хомран и др.). На северо-востоке расселены кочевые и полукочевые племена беджа, на севере страны в долине Нила проживают нубийцы. Юг Судана заселен различными нилотскими племенами – динка, нуэр, лоу, бари, шиллук и др. (46, с. 58-59), составляющими в провинциях Верхний Нил 94%, Бахр аль-Газзаль 93% и Экваториальная – 56% местного населения. Основное занятие большинства их – разведение крупного рогатого скота и примитивное мотыжное земледелие. У нилотских племен сохраняются патриархально-родовые отношения и древние формы ведения натурального хозяйства, связанные с полукочевым образом жизни. Подсобное значение имеют охота и рыболовство (См.: 155, с.20-21).

С точки зрения влияния этно-племенного фактора, предпосылки распространения идей исламского фундаментализма в Судане определялись в конечном счете социально-экономическими условиями жизни племенных объединений (арабизированных и исламизированных), которые так или иначе связывали свои интересы с «возрождением» ислама. Начало процесса формирования такого рода предпосылок может быть условно отнесено к середине XX века. Именно в это время этно-племенной фактор стал наиболее заметно оказывать влияние на формирование первых политических объединений в стране. В основном это было связано с осознанием суданскими племенами и народами (во всяком случае, наиболее крупными) своих социальных интересов, и даже наметилась тенденция к появлению организаций, выражающих эти интересы. Были созданы, например, «Конгресса беджа», «Конгресса нуба» и другие объединения по племенному (этническому) признаку.

Зарождение в 30-50-е годы XX в. основных общественно-политических сил Судана, в том числе и сторонников исламского фундаментализма, происходило на фоне ряда изменений (вызванных естественными и искусственными причинами) в материальных условиях жизни суданских племен, что оказало определенное влияние на их социально-экономическую и, соответственно, политическую ориентацию, а также социальную психологию. Прежде всего следует отметить, что к этому периоду произошло общее сокращение населения оазисов пустынь северной части страны и относительное уменьшение удельного веса скотоводческих племен, часть из которых стала переселяться на плодородные земли долины Нила. Многие кочевники перешли от круглогодичного кочевания к отгонно-пастбищному и стойловому скотоводству, и поэтому сезонные перекочевки стали сокращаться. Не менее значительные изменения наметились в миграционных передвижениях полуоседлых племен скотоводов-земледельцев Юга страны, где также происходил процесс сокращения маршрутов перегонов скота и увеличивалась численность оседло-земледельческого населения (155, с.18). Кроме того, в естественной среде обитания суданских племен на Юге, а также в некоторых северных провинциях страны произошли изменения (в том числе и искусственные – например, экспроприация государством части племенных земель для создания крупных хлопководческих хозяйств «Гезира», «Манакиль», «Гаш» и др.), которые повлекли за собой деформацию родо-племенной структуры общества в отдельных районах.

Произошедшие изменения имели существенные последствия для развития в Судане исламского фундаменталистского движения. Во-первых, нарушение племенных связей вызвало соответствующие демографические изменения, которые привели к возникновению детрибализированных слоев, маргинальных групп населения, которым предстояло выступить в качестве части социальной базы исламских фундаменталистов в последующий период политической истории страны [9]. Во-вторых, динамика изменений в производительной сфере жизни суданских племен

стала все больше определяться общим развитием в суданском обществе капиталистических отношений, главным образом, привнесенных в свое время из метрополии (Англии и Египта), которые стимулировали появление в суданской социально-классовой структуре новых, капиталистических элементов, интересы которых лежали, в том числе, и в плоскости экономического освоения южных (неарабских и неисламских) районов страны.

Другим важным аспектом косвенного влияния этно-племенного фактора на создание предпосылок зарождения исламского фундаментализма в Судане выступает проблема преодоления племенной раздробленности и этно-племенного сепаратизма в интересах укрепления центральной власти. Как представляется, в этих условиях настойчивая апелляция к истокам религиозного учения использовалась суданской правящей элитой для идеологического обеспечения своего положения. В этой связи достаточно характерно высказывание одного из видных представителей политической элиты Судана, доктора филологических наук Аун аш-Шариф Касима [10], который утверждает: «Современный Судан представляет собой образец органичного соединения ислама с местными национальными особенностями. Отличительные черты суданцев ведут свое происхождение из смешения арабов с другими народами. Без сомнения, этот уникальный образец соединения людей с разным цветом кожи, хамитов с семитами, возник благодаря исламской вере» (119, с.42). Полемичность высказанной позиции не исключает, однако, что в данном вопросе суданские фундаменталисты рассматривают свою идеологию как фактор, способный обеспечить общенациональное единство. Изменения в политическом сознании северосуданских племен и части народностей Юга страны, связывавших свое экономическое и культурное будущее с тенденциями к формированию единой нации (этот процесс не завершен и по сей день), нашли в 50-60-х годах свое выражение в стремлении к консолидации разрозненного в этно-племенном отношении общества. При таком подходе наиболее приемлемой идеологической основой национального согласия теоретически может выступать фундаментализм, в данном случае исламский.

Влияние этно-племенного фактора на зарождение фундаменталистских взглядов в суданском обществе тесно связано со спецификой конфессиональной ситуации в этой стране. Выдвижение исламского фундаментализма в качестве консолидирующей для суданского общества идеологии происходило на фоне сложных межобщинных противоречий. Как и этно-племенной состав, конфессиональная структура этой страны остается очень неоднородной и по настоящее время: в Судане проживают мусульмане-сунниты, христиане различных конфессий – католики, протестанты, в том числе и англикане, копты-монофизиты, а также анимисты. Большинство племен северных провинций исповедует ислам суннитского толка (свыше 70 %), тогда как в южных районах преобладают традиционные местные верования и христианство. Исламскую религию исповедуют также некоторые негроидные группы, проживающие преимущественно в Западном и Центральном Судане, однако при этом большинство из них

сохранило свои языки и обычаи (96, с.31). На 1961 г. мусульмане составляли 72%, или более 8,7 млн. из 12,109 млн. общего числа жителей. В северных провинциях – Дарфуре, Голубом Ниле, Кассале, Кордофоне и Северной ислам исповедовали около 5,9 млн. арабов, 775 тыс. беджа, около 1 млн. нубийцев и некоторые другие. В трех южных провинциях – Бахр аль-Газзаль, Верхний Нил и Экваториальная – мусульмане составляют меньшинство (часть народов фор, шиллук, коалиб-тагой, мурле и др.) (80, с.104). Шариатский суд в Судане традиционно опирается на ханифитский толк ислама, а суданцы в большинстве своем в молитвах и образе жизни придерживаются в целом маликитского мазхаба.

Роль межконфессиональных отношений в возникновении предпосылок для распространения взглядов исламских фундаменталистов может быть рассмотрена в нескольких аспектах. Прежде всего следует подчеркнуть, что в Судане ислам, помимо всего остального, на протяжении длительного времени выполнял функцию идеологического обеспечения хозяйственно-экономического проникновения северян на Юг страны. Как отмечалось выше, движущие мотивы этого проникновения были предопределены естественными и искусственными изменениями в условиях среды обитания северосуданских племен и развитием капиталистического уклада, требовавших экстенсивного освоения богатых южносуданских природных ресурсов. Экономические цели, в свою очередь, находили свое обоснование в необходимости «нести свет истинной религии братьям-южанам» (язычникам).

Проводившаяся исламизация немусульманских районов Судана в XX веке выявила в целом две точки зрения среди идеологов этого процесса. Часть исламских идеологов, как бы заранее защищаясь от возможного «разлагающего» языческого влияния со стороны исламизируемого населения, выдвигала требование возврата к первозданной чистоте верования, фундаментальным ценностям исламской цивилизации, необходимости обращения к истокам, что сопровождалось и сопровождается до сих пор ссылками на историческую миссию, особое предназначение «исламского призыва» и т.п. Другая часть – наоборот, в целях более успешного хода исламизации и расширения ее масштабов, делала акцент на интегрирующей роли исламской религии, способной, по их мнению, «ассимилировать» местные верования, приобретая при этом национальный колорит. Так, например, египетский исследователь Абд аль-Маджид Абдин в начале 50-х годов отмечал, что «проведение исламской миссионерской деятельности среди некоторых негроидных племен на юге и западе страны, придерживавшихся различных языческих верований и культов в своем образе жизни, основанном на нормах племенного права, требовало немало усилий, умения и гибкости, а сами эти племена нуждались в такой религиозной проповеди, которая могла бы объединить их верования и учитывала, по мере возможного, их обычаи и традиции» (97, с.132). Следует отметить, что позднее вопрос «учета» исламом традиций и обычаев арабируемого и исламизируемого населения стал одной из наиболее ост-

рых проблем, с которой столкнулись суданские фундаменталисты, получив власть в свои руки.

После обретения Суданом независимости в 1956 г. проникновение северосуданского капитала на Юг усилилось при активной поддержке со стороны государственных органов. По линии частного и государственного секторов в южные районы страны направлялись чиновники, предприниматели, проповедники ислама и преподаватели. Большинство из них принимало участие в реализации сельскохозяйственных проектов на землях местных племен. Арабы-переселенцы с Севера прибывали на Юг, получив кредиты от Сельскохозяйственного банка. Некоторые из них приобретали землю у вождей племен, а другие насильственно сгоняли местных жителей с их земель, пользуясь поддержкой властей. Плодородные земли администрация объявила государственными. Многие жители местных племен были насильственно переселены в специально созданные для них деревни. Освободившиеся земли частью использовались под государственные фермы, частью были розданы арабским переселенцам и частным компаниям. Земли южносуданских племен получили крупные северосуданские сельскохозяйственные компании и государственные хозяйства. В случае обнаружения промышленных запасов полезных ископаемых правительство иногда перекраивало существовавшие ранее племенные и административные границы. Арабская администрация на Юге поощряла инициативу купцов-северян, предоставляя им торговые лицензии в ущерб торговцам-южносуданцам. Последние были вынуждены покупать товары у северян. В 1964 г. северосуданские власти запретили иностранцам торговлю на Юге за пределами административных и районных центров. Это обстоятельство существенно расширило возможности северосуданских торговцев, на которых этот запрет не распространялся (См.:50, с.127-133).

Со своей стороны, южносуданские племена уже с середины 50-х годов стали оказывать активное (вплоть до вооруженных выступлений) сопротивление проводимой в отношении них политике арабизации и исламизации [11]. В этот период США, Англия и Ватикан начали оказывать активную поддержку сепаратистскому движению на Юге Судана, направленному на отделение этого перспективного в экономическом отношении района страны, с целью установления над ним своего контроля. Были созданы политические организации южан, стоявшие на позициях сепаратизма и религиозного экстремизма. Наибольшую известность приобрела южносуданская террористическая организация «Анья-нья» (по названию мошки, укус которой смертелен). Карательные операции правительственных войск способствовали бегству из страны в соседние африканские государства значительного числа южан, активно противодействовавших северосуданскому экономическому проникновению в районы их проживания. В 60-х годах южносуданским сепаратистам удалось добиться от Хартума гарантий политических и религиозных свобод. Были приняты правительственные решения, провозглашавшие равенство южан и арабов в заработной плате, найме на работу и выдвижении на государственные

посты. Однако эти меры не могли снять остроту южносуданской проблемы в силу столкновения групповых племенных и конфессиональных интересов. Как заявил в январе 1965 г. председатель одной из ведущих «традиционных» партий Судана Аль-Умма Ас-Садык аль-Махди после очередной провалившейся попытки арабизации Юга: «Мы могли бы разрешить кочевым племенам Севера вторгнуться в более богатый Юг. Это было бы концом проблемы Юга и началом насильственной арабизации и исламизации» (Цит. по: 50, с. 188).

Значительное влияние на процесс зарождения и развития исламского фундаментализма в Судане оказало доминирующее положение дервишеских орденов в духовной, политической (и отчасти в социально-экономической) сферах жизни страны. В идейном плане мусульманский фундаментализм не приемлет по своей сути наличия каких-либо сект, тарикатов и тому подобных «отклонений» в мусульманской общине. Однако в Судане фундаменталистам приходится считаться с тем, что в стране практически нет районов, где суфийские тарикаты не имеют последователей. Характеризуя суданские дервишеские ордена, египетский исследователь-этнограф Мухаммед Аввад Мухаммед отмечал, в частности, что они «представляют собой объединяющую большое число людей систему, возглавляемую шейхом, который является руководителем и наставником своих подчиненных... Шейх ордена – почти наследуемая должность, у него есть помощники – «хуляфа», несущие его благодать и выполняющие его повеления» (128, с.18-19). Материальная база наиболее крупных дервишеских орденов строилась прежде всего на основе обширных земельных владений их лидеров, присвоения закята, поступлений от различного рода коммерческих предприятий их членов и частных пожертвований. В организационном плане ордена отличались четкой иерархической структурой и высокой степенью дисциплинированности и подчиненности нижестоящих своим руководителям, имеющим «священную благодать». В послевоенный период общее количество тарикатов и их ответвлений в стране составляло более двух десятков. Некоторые из них – Аль-Хиндийя, Аш-Шадлийя, Аль-Исмаилийя и другие – пытались время от времени влиять на ход политического процесса в стране, однако по объективным и субъективным причинам не сумели достигнуть каких-либо успехов на этом поприще и предпочитали либо блокироваться с двумя основными влиятельными орденами Аль-Ансар и Аль-Хатмийя, либо занимать нейтральную позицию.

Орден Аль-Хатмийя, основанный в конце XVIII века членами рода аль-Миргани, соединил в своем учении элементы разных тарикатов. В 1817 г. Мухаммед Осман аль-Миргани начал проповедь своего учения на территории Судана, однако популярность оно приобрело лишь при «турах» – османах, после того, как сын Мухаммеда, аль-Хасан аль-Миргани, основал вблизи города Кассала в 1843 г. селение Аль-Хатмийя и собрал здесь множество последователей, которые начали распространять влияние мирганийского тариката в городах и селениях северной части Судана среди нубийцев, а также среди арабов-бедуинов Северного Кордофана –

бени-амер, хабаб и таланка Северной Эритреи и других племен. Члены семьи аль-Миргани и последователи тариката Аль-Хатмийя были изначально лояльно настроены к турецко-египетским властям. Руководство ордена во главе с одним из видных религиозно-политических деятелей Судана Сейидом Али аль-Миргани также придерживалось проегипетской ориентации (64, с.157-158).

Орден Аль-Ансар состоял из последователей Мухаммеда Ахмеда аль-Махди – вождя национального восстания в Судане против англо-турецкого господства в конце XIX в. Его сын – Абд ар-Рахман аль-Махди был имамом и руководителем этого тариката в 40-50-е годы. Идеологическая доктрина ордена унаследовала многие положения махдизма, включая идеи джихада против «отступников от ислама» (в лице турецко-египетских завоевателей), а не против язычников Юга Судана (64, с.161). Основную массу членов ордена составляло кочевое и оседлое население западных провинций Судана – Кордофана и Дарфура, которые были исконными местами обитания племен баккара, кабабиш, хавафир и т.д. Значительное число приверженцев имама Абд ар-Рахмана аль-Махди проживало в земледельческом районе Гезира. Это были, в основном, представители племен кавахилия, хусейнат, бени салим и др., составлявших оседлое крестьянское население, экономически связанное с домом аль-Махди. Сам имам был одним из самых богатых людей в Судане: в его руках находилась почти вся торговля гумми-арабиком и значительная часть экспорта хлопка. Кроме этого, он был главой нескольких суданских национальных компаний и акционером ряда иностранных. Его сын – Ас-Сиддык аль-Махди стал председателем партии Аль-Умма. Кроме политической, орден Аль-Ансар обладал достаточной военной силой, которую неоднократно использовал Абд ар-Рахман аль-Махди для оказания давления на своих политических соперников. Основу этих военизированных формирований составляли те же кочевники племен баккара, кабабиш и др.

Политическое соперничество между орденами Аль-Хатмийя и Аль-Ансар началось еще в период турецко-египетского завоевания страны. Аль-Хатмийя была единственным суфийским орденом, пользовавшимся покровительством египетских властей, которые в обмен на его лояльность оказывали ему материальную поддержку и способствовали распространению его влияния в Судане. В период махдистского восстания семья аль-Миргани эмигрировала в Египет. В свою очередь, орден Аль-Ансар был настроен традиционно антиегипетски, поскольку во время турецко-египетского завоевания в середине XIX века иностранные власти подавляли очаги сопротивления в Судане, создаваемые вождями крупных ансаровских племен, лидерами тарикатов и «святых семейств», исповедовавших так называемый «народный ислам» (197, с.240-241). Вся последующая борьба между двумя тарикатами носила политический характер и имела в своей основе соперничество за влияние и власть в стране.

Особенности развития исламского фундаменталистского движения в Судане во многом оказались предопределены устойчивостью его идейных

и политических противников – крупных дервишеских орденов. Мощь и влияние суфийских братств в Судане во многом обусловлены тем, что суданские тарикаты представляют собой в большей степени социально-экономические группировки, чем просто религиозные. Неизбежная со временем модернизация общества, вероятнее всего, продолжит процесс размывания племенной структуры, но тарикаты, имеющие трансплеменную основу, будут, по-видимому, сохранять свое социально-политическое значение и в обозримом будущем. В настоящее время использование идей исламского фундаментализма позволяет суданским правящим кругам более или менее успешно противостоять наступлению христианства и преодолевать сопротивление представителей местного язычества. Кроме того, на фоне непрекращающегося соперничества различных суфийских орденов, прежде всего между Аль-Хатмийя и Аль-Ансар, фундаменталистская идеология используется в качестве основы для объединения самих мусульман в Судане.

В свою очередь, христиане Судана в конце 60-х годов составляли 3-4% общей численности населения страны (700-750 тысяч). Большинство из них проживало в трех южных провинциях, а остальные – в наиболее крупных городах – Хартуме, Омдурмане и др. Суданские христиане были представлены католиками (около 500 тыс.), из которых 75 % проживало в провинции Экваториальная и около 20 % в провинции Бахр эль-Газзаль; протестантами (около 200 тыс.), из них 90 % составляли англикане, остальные – пресвитериане; коптами (монофизитами) и другими представителями восточно-христианских церквей – около 20-30 тыс. человек (См.: 195, с.38-41). Общее число христиан ежегодно увеличивалось в ходе миссионерской деятельности, главным образом католической и протестантской церквей на Юге страны и обращения в лоно религии представителей местных племен и народностей. Европейские миссионеры обратили в свою веру частично племена динка, азанде, лотуко, мору-мангебету, багирми, серемунду (80, с.107). В настоящее время самая распространенная в Судане по численности христианская конфессия – англиканская, на втором месте католики, меньшинство составляют копты-монофизиты (193).

Нельзя исключить, что деятельность западнохристианских церквей в Судане во многом послужила фактором, который в конечном счете спровоцировал распространение исламской фундаменталистской идеологии и приход к власти сторонников «возрождения» ислама. Христианские миссионеры из европейских стран и США неоднократно и во многом небезосновательно подвергались обвинениям суданского правительства в пособничестве сепаратистскому движению на Юге Судана. Ликвидация condominiuma и ослабление власти местных вождей племен на Юге, назначавшихся англо-египетской колониальной администрацией, стимулировали активизацию деятельности миссионеров и рост их влияния на процесс обучения и воспитания в миссиях представителей южносуданской интеллигенции: учителей, чиновников, христианских священнослужителей [12]. По данным Д.Р.Вобликова, всего в период, предшествовавший независи-

мости, миссионеры обратили в христианство более четверти миллиона южносуданцев. Особых успехов они достигли в городах и больших деревнях, где существовала прослойка детрибализированного населения. Миссионеры оказывали влияние на местных жителей и через школы при миссиях, где детей обучали бесплатно, а также через больницы с бесплатной медицинской помощью.

В этот период в Судане действовали 8 христианских миссий с 617 миссионерами, в том числе 282 на Севере и 335 на Юге. Вместе с суданским персоналом общая численность членов миссий составляла около 2,5 тыс. человек. Обучение в средних школах велось на английском языке из-за нехватки преподавателей-суданцев и учебных пособий на арабском языке. В ходе преподавания миссионеры-европейцы стремились воспитать суданцев в духе ценностей западной цивилизации. В свою очередь национальное правительство принимало меры по «арабизации» и «исламизации» образования. В течение первых лет независимости были введены единые программы для начальных школ, обязательные как для государственных, так и для частных национальных и иностранных школ на Севере и миссионерских на Юге. В начальных школах в качестве языка обучения повсеместно объявлялся арабский. Однако случалось, что подстрекаемые миссионерами старшеклассники южносуданских школ противились замене английского языка арабским, бойкотировали занятия учителей-арабов, устраивали забастовки и демонстрации протеста. В 1959 г. на Юге была завершена национализация миссионерских школ, а в школах была введена плата за обучение, как и на Севере. Это позволило правительству унифицировать систему образования по всей стране, ослабить влияние миссионеров, воспитывавших южносуданскую молодежь в духе сепаратизма и вражды к арабам.

Национализация миссионерских школ также способствовала арабизации и исламизации молодежи Юга. В ходе ее было уволено и покинуло страну 143 преподавателя-миссионера, а освободившиеся вакансии заполнили местные преподаватели и арабы с Севера. Кроме того, миссиям предписывалось не делать ничего, что противоречило или препятствовало осуществлению конституционной, административной или исполнительной деятельности правительства, не вмешиваться во внешние отношения страны, не выступать в качестве представителя местного населения перед правительством и местной администрацией. В то же время в последующие годы центральные власти Судана продолжили поиск урегулирования южносуданской проблемы путем «южанизации» местной администрации и полиции, введения равенства при устройстве на работу и в заработной плате, свободы религии и миссионерской деятельности для граждан Судана, свободы передвижения, а также предоставления приоритета местному населению в эксплуатации земель (См.: 50, с.35-36, 41-42, 128-130, 201).

Местные традиционные верования были распространены преимущественно среди представителей трех южных провинций. В начале 60-х годов их придерживалось около 3 млн. человек, или 24% всего населения

страны – народы и племена азанде, большинство динка, нуэр, бари, лотуко, частично шиллук, бонго, мору-мади, банда, лоу, тезо, бурун и др. В течение всего новейшего периода истории Судана язычники-южане постоянно являлись объектом либо европейско-христианского, либо арабо-исламского влияния. Веражения южносуданских язычников и до настоящего времени различны и являются отражением определенных ступеней их общественного развития и социально-экономических укладов их жизни. В религиозных представлениях динка на первом месте стоит культ родовых предков. У шиллуков господствует культ обожествляемого предка вождя – Ньяканга. В религии шиллуков большую роль играет представление о том, будто благополучие всего народа связано со здоровьем вождя. У азанде широко развиты мантика – гадание и культ предков – аторо (80, с.106).

В историческом плане северяне традиционно рассматривали Юг Судана в качестве зоны своих жизненно важных интересов. Начиная с 1956 г., когда Судан получил политическую независимость, при поддержке США, Англии, а также Ватикана на Юге страны, населенном негроидными племенами, исповедующими наряду с местными традиционными верованиями христианство, развернулось сепаратистское движение, направленное на отделение этого перспективного в экономическом отношении района страны. Для более развитого в социально-экономическом отношении мусульманского Севера потеря богатого природными ресурсами Юга означала бы не только утрату стратегически важного статуса арабо-африканской страны со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями, но также серьезный экономический ущерб. Так как борьба южан за отделение шла под лозунгами либо защиты христианской религии, либо сохранения местных укладов и верований, то северяне стремились к сохранению Юга в составе страны на путях проведения политики исламизации и арабизации этих районов. В этом случае политика северосуданских властей укладывалась в рамки универсальных подходов исламистов к решению аналогичных проблем, существо которых определил стоящий на фундаменталистских позициях известный саудовский теолог Бакр бен Абдалла Абу Зейд. Он писал: «Известно, что люди, принимающие ислам, – это «капитал» каждого мусульманина, и очищение их убеждений от пороков язычества является собой сохранение капитала. Призыв язычников к исламу – это в первую очередь требование приумножения «прибыли», а сохранение капитала основано на получении прибыли» (98, с.86).

Процесс исламизации стал приобретать черты государственной политики незадолго до получения Суданом независимости, когда в 1956 г. был учрежден так называемый Департамент религиозных дел, основной целью которого являлась организация контроля за всеми вопросами, связанными с религией. В частности, в его компетенцию входил надзор за религиозными учебными заведениями, вакфами, мечетями, школами по изучению Корана, паломничеством к святым местам, проповеднической деятельностью, ликвидацией религиозной неграмотности, а также вопросами, касавшимися деятельности суфийских орденов. В конце 60-х годов

Департаменту были предоставлены самые широкие полномочия в области религиозного образования, включая: оказание помощи министерству религиозных учебных заведений и контроль за деятельностью народных школ, корректировку учебных программ по теологии и арабскому языку, совмещение религиозного и светского образования, подбор способных преподавателей и их подготовку как в стране, так и за рубежом, набор слушателей, желающих изучать теологические науки в «правильном» их понимании (20, с.39).

Учреждение такого государственного органа, как Департамент религиозных дел фактически было призвано осуществлять политику контроля за теми или иными проявлениями «религиозного диссидентства», включая и религиозный экстремизм, с одной стороны, а с другой, – последовательное проведение исламизации той части населения, которая исповедовала местные культы и верования, с одновременным оказанием латентного противодействия христианскому проникновению в Судан. Не вызывает сомнения, что данные меры являлись не столько уступкой радикально настроенным исламским деятелям в стране, сколько попыткой властей ограничить рост их влияния. Однако в конечном счете эти усилия привели к прямо противоположному результату: политикой исламизации и сопутствующей ей арабизации, а также их результатами впоследствии воспользовались фундаменталисты.

Помимо указанного Департамента по делам религии, в Судане в 60-е годы существовал ряд правительственных органов, в задачу которых входило содействие исламизации и арабизации как внутри страны, так и в сопредельных странах. Например, в это время была создана так называемая Ассоциация священного Корана. Среди ее функций значилось распространение коранических знаний путем подготовки сельских служителей культа, знающих Коран наизусть и умеющих читать его нараспев, оказание финансовой поддержки сельским шейхам и контроль за их деятельностью, учреждение в каждой провинции специального центра по изучению Корана с 4-летним сроком обучения, создание специальных учебных заведений по обучению взрослых правильному чтению Корана для лиц из разных социальных слоев, включая торговцев, рабочих и служащих (20, с.40). Кроме того, в конце 60-х годов Ассоциация совместно с Департаментом по делам религии осуществляла контроль за деятельностью официально зарегистрированных 1465 мечетей, из них: в провинции Северная – 566 мечетей, Голубой Нил – 381, Хартум – 202, Кордофан и Дарфур 149, Кассала – 117, южных провинциях – 50 (20, с.41). Установление контроля за вопросами религиозного образования и воспитания в независимом Судане со стороны государства не было случайным. Уход англичан и египтян неизбежно породил усиление сепаратистских тенденций с религиозной окраской, которые угрожали территориальной целостности страны и нарушали внутреннюю стабильность [13]. В зарубежной сфере Департамент представлял Судан на исламских конференциях, оказывал техническую, гуманитарную и финансовую помощь в распространении арабской

исламской культуры в Африке и соседних арабских странах путем предоставления учебных стипендий. Например, в 1967 г. за счет правительства Судана в религиозных учебных заведениях обучалось порядка 50 студентов-иностранцев. Департамент оказывал также материальную помощь в виде религиозной литературы исламским ассоциациям и школам в странах Африки и других государствах (20, с.40).

В настоящее время этно-конфессиональная и социально-классовая структура Судана, несмотря на некоторые изменения, осталась в целом такой же, что и в 60-е годы. Нынешнее суданское руководство продолжает рассматривать исламский фундаментализм как идеологию, способную в известной мере нейтрализовать существующий этнический, племенной и конфессиональный плюрализм. При этом некоторыми идеологами выдвигается идея своего рода «нациосального» ислама. Уже упоминавшийся Аун аш-Шариф Касим утверждает, что «допустимо говорить о суданском исламе, так же как о египетском, индонезийском, поскольку распространение этой религии означает ее взаимодействие с местной национальной средой. Проникновение ислама предполагает интеграцию всех позитивных культурных ценностей из прошлого народа, которым религия дает новую жизнь» (119, с.41).

Таким образом, в геополитическом отношении одним из наиболее важных факторов, которые прямо или косвенно способствовали превращению современного Судана в исламское фундаменталистское государство, выступают арабо-африканский характер этногеографического положения и связанная с ним мусульмано-христиано-языческая конфессиональная структура населения в этой стране и вокруг нее. В попытках преодолеть этно-племенную и религиозную раздробленность суданские власти, начиная с 50-х гг., стали принимать меры с целью консолидации общества путем арабизации и исламизации, прежде всего, Юга страны. В последующий период времени с целью обезопасить себя от афро-христианского влияния извне как фактора, разрушающего национальную и территориальную целостность страны, а также западного влияния, подрывающего традиционные интегрирующие устои общества, суданцы стали использовать идеологию исламского фундаментализма в качестве основы для проведения внутренней и внешней политики.

2. Политические предпосылки появления в Судане «Братьев-мусульман»

Продолжая рассмотрение предпосылок возникновения фундаменталистских тенденций в суданском исламе, формирования организаций, стоящих на позициях «возрождения» ислама, прихода к власти фундаменталистов и путей последующей трансформации их доктрин, их взаимоотношений с другими политическими силами, а также роли и места в политической структуре современного Судана, следует отметить, что многие факторы, способствовавшие зарождению исламского фундаменталистского движения в Судане, относятся к последней четверти XIX века. Восста-

ние махдистов, требовавших возвращения к первоначальной чистоте исламского вероучения, создало прецедент, имевший далеко идущие для Судана последствия.

Идеи «возрождения» мусульманской религии активно использовались участниками последующих национально-освободительных выступлений в Судане в прошлом веке. В частности, вслед за поражением махдистского халифата и установлением режима кондоминиума в Судане прошел ряд религиозных выступлений, имевших те же цели, что и восстание Ахмеда аль-Махди, а также кампаний вооруженного неповиновения некоторых племен Гор Нуба и южных провинций, которые не желали подчиняться центральному правительству в Хартуме (124, с.174). Позднее, в 1903 г. в Кордофане вспыхнуло восстание под предводительством шерифа Мухаммеда аль-Амина (араба несуданского происхождения, осевшего в Судане после хаджа в Мекку), а в 1908 г. в Гезире произошло выступление племени халявин во главе с Абд аль-Кадиром. Несмотря на подавление этих и других акций протеста, англо-египетская администрация, особенно после объявления состояния войны между Англией и Турцией, вынуждена была изменить свою политику в отношении исламских движений в Судане. В лице генерал-губернатора она объявила о своем уважении к исламу и мусульманам, потребовав в ответ от религиозных лидеров и вождей племен проявления лояльности к властям (153, с.330-331). Однако эпизодические выступления под исламскими лозунгами продолжались до начала 20-х годов XX века. Так, по данным английской разведки, в январе 1921 г. в различных частях Судана было отмечено распространение листовок от имени тайной организации, называвшей себя Ассоциацией улемов («Джамият аль-уляма»), которая призывала суданцев к союзу с египтянами для «изгнания врагов ислама» (то есть, англичан) из Судана и Египта. Тогда же заявила о себе Ассоциация защиты религии в Судане («Джамият ад-дифаа ан ад-дин фи ас-Судан»), распространявшая листовки антианглийского содержания. В них выражался протест против «враждебной исламу политики Великобритании на Ближнем Востоке», в том числе и в Судане, а также призыв к мусульманам объявить джихад против англичан (152, с.370). Позднее, в 20-30-х годах, некоторые элементы идеологии «возрождения» ислама можно было отметить во взглядах членов клубов выпускников учебных заведений, литературно-просветительских кружков, ассоциаций («Аби Руф», «Вад Мадани», общество журнала «Аль-Фаджр» и др.).

Впервые суданские исламисты заявили открыто о себе вскоре после того, как в феврале 1949 г. в Египте при выходе из здания Ассоциации молодых мусульман был застрелен родоначальник движения «Братьев-мусульман» шейх Хасан аль-Банна. Тогда в Судане, в котором разворачивалось национально-патриотическое движение за освобождение страны от англо-египетского кондоминиума, в марте 1949 г. возникло общественно-политическое объединение под названием Исламское движение за освобождение. Его сторонники выступали с позиций панисламизма и панарабизма, а также рассматривали коммунистическую идею в качестве главного

препятствия на пути распространения ислама как «основы правления и идеологии» (49, с.149). Как организованная сила суданские фундаменталисты встали на путь активной политической деятельности в 50-х годах, объединившись в ассоциацию «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-муслимун») под руководством шейха Али Османа Мухаммеда Таха. Эта религиозно-политическая ассоциация возникла в 1952 г. среди студентов Хартумского университета и являлась отделением египетской организации «Братьев-мусульман». Часть суданской молодежи, получившей образование в учебных заведениях Египта после второй мировой войны, присоединилась к египетской ассоциации, и по возвращении на родину они создали ячейки в национальных учебных заведениях. Ранние суданские фундаменталисты призывали к возрождению исламских ценностей и образованию исламского государства во всех странах, религией которых является ислам, а также к единству всего мусульманского мира (106, с.241).

Среди факторов, в значительной степени прямо или опосредованно способствовавших в 40-50-е годы возникновению первых суданских политических группировок (включая «Братьев-мусульман»), следует выделить внешнее идейное и культурное влияние, а также привнесение в Судан опыта современной политической деятельности из стран Запада и уже использовавшихся к тому времени в некоторых колониальных и зависимых странах Востока формах и методах политической организации. Вместе с тем необходимо учитывать и то, что именно факт привнесения и заимствования чужого опыта в значительной степени обусловил неустойчивость европейских форм партийно-политической деятельности на суданской почве.

С точки зрения зарождения фундаменталистских тенденций в исламском движении в Судане, влияние внешнего фактора следует рассматривать, главным образом, в двух аспектах. Во-первых, не подлежит сомнению, что идеология современного исламского фундаментализма (в частности, доктрина «Братьев-мусульман»), являясь трансмусульманской, была привнесена в Судан извне. В этом смысле заслуживают внимания попытки самих суданцев не только заимствовать «иностранные» исламские концепции, но и осмыслить их с учетом национального духовного опыта и местной традиции, а также с точки зрения возможности их практического претворения в жизнь. Во-вторых, возникает необходимость проанализировать степень «усвоения» суданцами других внешних идейных влияний и их реакцию на заимствование чужого идеологического опыта. Как показывает сегодняшняя практика, развитие исламского фундаментализма в Судане явилось в определенной мере своеобразной реакцией суданцев на различного рода «иностранные» теории, главным образом европейского происхождения (либерализма, многопартийной демократии и т.п.).

Нужно отметить, что повышение влияния внешнего фактора на формирование основных политических сил в Судане объективно было вызвано усилением уже после второй мировой войны процессов интернационализации общественного производства, экономической интеграцией различных звеньев международного хозяйства, повышением степени взаимо-

связи и взаимозависимости различных стран мира в экономической, политической, социальной и культурной областях. Из этого следует, что экономические причины появления новых внешних факторов и степень их воздействия на идейно-политическое становление первых суданских партий надо искать в изменившихся после второй мировой войны условиях классовообразования в «третьем мире», страны которого, являясь периферией капиталистического хозяйства, испытали на себе влияние перемен, происходивших в центре. По сути дела, процесс формирования современных классов в колониальных и зависимых странах совпал по времени с новой фазой социально-классовой дифференциации в развитых капиталистических странах, новыми тенденциями в изменении их социальной структуры, где правящие круги не только в центре создавали резервы для стабилизации, модернизации и дальнейшего развития капиталистического способа производства, но и начинали «экспортировать» его новый вариант в колонию. Иными словами, метрополия (то есть Англия), применяя экономические, политические и другие рычаги, пыталась способствовать созданию в колониях таких социальных структур, которые бы отвечали долгосрочным интересам монополистической буржуазии.

В политической области следует особо отметить стремление правящих кругов Великобритании создать соответствующие политические структуры в Судане, способствовать развитию парламентской демократии, привнести политические традиции метрополии. Как и в других англоязычных афро-азиатских странах, это выражалось в распространении концепций многопартийной демократии, права на организованную оппозицию и т.п., что на практике своеобразно соединялось с местной «плюралистической традицией», сформировавшейся под влиянием религиозного и этносоциального факторов. Со своей стороны национальные политики Судана в эти годы продемонстрировали определенную восприимчивость к либеральной, лейбористской, демократической и т.п. фразеологии, что нашло свое отражение в названиях ряда партий – Либеральная партия [14], Демократическая партия Юга [15], Лейбористская демократическая партия [16] др.

Приобщение суданцев к ценностям мировой культуры, знакомство с достижениями современной науки, передовыми социально-экономическими, политическими и философскими теориями в 20-50-е годы происходило не только во время обучения за рубежом (в Египте, Англии, Германии и Франции), но и в национальных учебных заведениях, где преподавали иностранные специалисты – англичане, египтяне и др. Вместе с тем, на наш взгляд, нельзя преувеличивать значение внешнего культурного влияния на формирование менталитета рекрутируемых в политическую элиту Судана молодых людей ввиду того, что, во-первых, число обучавшихся за рубежом было невелико, а во-вторых, суданцы все-таки воспринимали иностранные теории через призму традиционного сознания.

Начало этого процесса восходит к периоду первой мировой войны и после ее окончания. В это время, по мнению египетского историка Рашида аль-Барави, заметную роль в формировании идейно-политической ориен-

тации первых суданских выпускников зарубежных учебных заведений сыграли, в частности, принципы, провозглашенные американским президентом Вильсоном, создание Лиги наций, революция в Египте в 1919 г., а также антиимпериалистическое движение в Турции, Индии и на Ближнем Востоке в целом (83, с.14). Под воздействием этих и других факторов происходила постепенная политизация национального самосознания суданцев, прежде всего интеллигенции. Национальная самоидентификация суданцев побуждала их активно заимствовать опыт деятельности политических институтов развитых стран. Кроме того, политическая деятельность, проводимая ими в соответствии с общепринятыми нормами, должна была быть оправдана, в том числе в глазах мирового сообщества, ведение национально-освободительной борьбы, помогала ощутить себя на равных с представителями развитых политических структур метрополии.

В организационном отношении первые суданские политические группировки стали возникать на основе общественных организаций, объединявших лиц, получивших высшее и среднее образование. Начало этого процесса восходит к 20-м годам XX века, когда выпускники учебных заведений Судана и в первую очередь Мемориального колледжа Гордона стали создавать клубы выпускников. Первый из них был открыт в Омдурмане в 1918 г., затем последовало создание подобных заведений в других крупных городах страны. Среди задач, которые решались клубами выпускников, на первых порах было решение общих для молодых интеллигентов проблем: содействие ликвидации неграмотности, благотворительность, защита интересов служащих и т.п.

По мере увеличения числа лиц, окончивших учебные заведения, осознания ими политической ситуации в Судане и вокруг него постепенно стало возрастать стремление выпускников к объединению не по формальному признаку образованности, а по интересам и общности понимания стоящих перед ними задач. Эта тенденция привела к учреждению в 1938 г. общественно-политической организации общесуданского масштаба – Генерального конгресса выпускников учебных заведений («Муатамар аль-хариджийин аль-аам»), который объединил в своих рядах правительственных служащих, преподавателей, журналистов, адвокатов, военных, медиков и других лиц, получивших образование в национальных учебных заведениях (Колледже Гордона, колледжах права, сельского хозяйства, искусств и др.), а также за рубежом, главным образом в Египте. В его уставе было оговорено, что Конгресс «должен рассматривать себя как общественную организацию, заинтересованную в филантропической деятельности и компетентную выражать свое мнение лишь в этих определенных границах» (89, с.536).

В то же время суданские политические партии и предшествовавшие им общественно-политические организации – клубы выпускников в Омдурмане и других городах, а также Генеральный конгресс выпускников в своей деятельности не могли обходить вопросы религиозной ситуации в стране. Так или иначе, они выражали отношение нарождающейся судан-

ской интеллигенции к проблеме исламизации и сопутствующей ей арабизации общества. В первую очередь это касалось политики, проводившейся англичанами в отношении так называемых «закрытых» (для арабомусульманского проникновения) районах на Юге страны. В частности, еще в июле 1939 г. в адрес англо-египетской администрации в Судане «выпускниками» был направлен меморандум, в котором Конгресс критиковал существовавшую систему образования и доказывал непригодность учебных методик. Одновременно «выпускники» предлагали принять меры для того, чтобы «впредь образование в Судане носило исламский, восточный характер, а не характер африканского язычества, причем арабский язык и исламская теология должны находить широкое отражение в учебниках» (106, с.204). Такая постановка вопроса отражала позицию, которую в тот период занимало руководство Конгресса по вопросам исламизации и арабизации образования, что, по его мнению, отвечало национальным интересам суданцев.

К началу второй мировой войны руководство Конгресса во главе с Исмаилом аль-Азхари стало склоняться к отходу от сотрудничества с суданской администрацией и сближению с Египтом в противовес Англии. В феврале 1941 г., во время визита в Судан египетского премьер-министра Али Махира Конгресс направил ему послание, где, в частности, высказывалась поддержка созданию египетских благотворительных ассоциаций и религиозных представительств на Юге Судана, которые бы «не ограничивались только обращением язычников в лоно религии, но и занимались распространением знаний и медицинского обслуживания». Одновременно они призывали «поощрять египетских предпринимателей к инвестициям в экономику Судана» (106, с.207). Постепенно из филантропического, во многом подконтрольного англо-египетской администрации объединения Конгресс стал превращаться в общенациональную организацию, выдвинув в 1942 г. требование о самоопределении Судана.

Особое значение конфессиональный фактор стал приобретать в процессе организационной работы по формированию политических объединений, в котором главную роль стремились играть религиозные лидеры страны. Дело в том, что к началу появления в Судане первых политических группировок (40-50-е годы) руководители двух основных тарикатов (Аль-Хатмийя и Аль-Ансар) Али аль-Миргани и Абд ар-Рахман аль-Махди стали приходить к пониманию необходимости реорганизации методов и форм своей борьбы ввиду изменившейся политической ситуации в стране. Речь шла, в частности, о возросшей активности Конгресса выпускников, взаимоотношения которого с религиозными лидерами также складывались неоднозначно. Так, среди целей, которые ставились еще предшественником Конгресса – Клубом выпускников в Омдурмане, созданном в 1918 г., – было «освобождение сознания от старых традиций, религиозных предрассудков, прекращение религиозного сектантства, лишение религиозных лидеров власти, которой они располагали в течение долгого времени» (83, с.15). Наряду с этим по мере становления Конгресса выпускников

как политической организации участились попытки руководителей Аль-Хатмийя и Аль-Ансар укрепить свои идейные и политические позиции в этом влиятельном объединении. К началу второй мировой войны лидеры Конгресса стали проявлять известную осторожность в своих отношениях с дервишескими орденами. Серьезные разногласия среди членов исполкома Конгресса вызвал, например, вопрос о почетном председательстве или членстве Абд ар-Рахмана аль-Махди и Али аль-Миргани в Конгрессе (127, с.104). Со своей стороны, руководители дервишеских орденов, способствуя становлению арабоязычной интеллигенции, стремились держать этот процесс под своим контролем и вначале даже находили возможность объединять для этого свои усилия. В частности, еще в 1920 г. лидеры трех дервишеских орденов Али аль-Миргани, Абд ар-Рахман аль-Махди и шериф Юсеф аль-Хинди (тарикат Аль-Хиндийя) совместно основали газету «Аль-Хадара» («Цивилизация»), издававшуюся на арабском языке, на страницах которой пробовали свои силы суданские интеллектуалы.

Процесс образования первых суданских партий и оказания им поддержки лидерами дервишеских орденов протекал в ходе ежегодных выборов в руководящий орган Конгресса – «Комитет 60-ти» (избираемый в количестве 60 человек). Он носил сложный характер по причине разногласий между группами интеллигенции, принадлежащими к различным «идейным школам», которые возникали в 20-30-е годы в виде культурно-просветительских кружков суданских интеллигентов («Аби Руф», «Вад Мадани» и др.), а также в силу соперничества между различными группировками в среде лиц, получивших образование, принадлежавших к разным дервишеским орденам. К такого рода группировкам можно отнести, в частности, ориентировавшуюся на Аль-Ансар Националистическую партию [17] и опиравшийся на Аль-Хатмийю Национальный фронт [18], равно как и группировки так называемых «либералов-сепаратистов» [19] и «либералов-юнионистов» [20]. Необходимо отметить также, что интеллигенция этого поколения была прочно связана с обоими суфийскими тарикатами и большинство студентов открытого еще в 1902 г. Колледжа Гордона (позднее – Хартумский университет) были детьми махдистских эмиров и вождей племен. В отдельных случаях лидерам того или иного братства удавалось создавать партии только из членов одного ордена. Например, Партия юнионистов («Хизб аль-иттихадийин») – сторонников объединения с Египтом была образована в 1942 г. членами ордена Аль-Хатмийя, которые издавна находились в оппозиции к приверженцам Абд ар-Рахмана аль-Махди [21]. Партия Аль-Ашикка пользовалась вначале поддержкой Абд ар-Рахмана аль-Махди, но в 1945 г., не поддержав меморандум Конгресса, в котором содержался призыв к отделению от Египта, стала искать поддержку у Али аль-Миргани, выступавшего за сближение с Египтом [22].

Политическое размежевание среди суданских группировок, не прекращавшееся в 50-60-х годах, также зависело от борьбы между дервишескими братствами. В частности, лидер третьего по значению в стране ордена Аль-Хиндийя Абд ар-Рахман Юсеф аль-Хинди предпринял в 1952 г. попытку

основать Национальную партию («Аль-Хизб аль-ватаний») только из числа своих последователей [23]. Однако эта партия не смогла долго конкурировать с сильными группировками – Аль-Умма и Аль-Ашикка, созданными лидерами более могущественных орденов. К этому времени партия Аль-Умма стала считаться одним из самых влиятельных суданских политических образований благодаря поддержке ордена Аль-Ансар [24]. Она выступала за полную независимость Судана под лозунгом «Судан – для суданцев». Несмотря на имевшуюся формальную обособленность, партия и орден представляли собой в течение длительного времени (примерно до второй половины 60-х годов) единое целое как в организационном, так и в идейно-политическом отношении. Уже с 50-х годов Абд ар-Рахман аль-Махди и Аль-Умма выступали с совместными декларациями. Массовая поддержка на выборах и голоса избирателей обеспечивались за счет фанатично настроенного населения западных провинций, которые слепо шли за своим лидером-имамом. Официальных данных о своей численности суданские партии не публиковали, однако еще в 1945 г. представители Аль-Уммы утверждали, что число примкнувших к партии составляет 100 тысяч человек, и полагали, что в ближайшее время к ним присоединятся сотни тысяч (146, с.37). Немалую роль играла и экономическая зависимость избирателей от верхушки ордена Аль-Ансар. Сознательные члены партии были, в основном, представлены вождями племен, шейхами, деревенскими старостами, религиозными деятелями и т.п., благополучие которых также зависело от Абд ар-Рахмана аль-Махди. Часть таких «активистов» принимала участие в деятельности зависимых от Аль-Уммы партий-«сателлитов», таких, например, как Политическая национальная партия [25], Партия Родины [26] и ряд других.

С самого начала процесса образования партий можно отметить различия в форме покровительства, оказываемого лидерами братств партиям, и принятия этой помощи самими политическими объединениями. Например, Аль-Умма практически никогда не скрывала идейного и духовного патронажа со стороны лидера Аль-Ансар Абд ар-Рахмана аль-Махди, тем более, что председателем партии был его сын – Ас-Сиддык аль-Махди. В программе и уставе партии Аль-Умма от 1964 г. вторым пунктом было записано: «покровительство партии оказывает Имам» (т.е. лидер Аль-Ансар К.П.) (31, с.1). В то же время другая крупная партия – Аль-Ашикка – с определенной осторожностью принимала помощь руководства Аль-Хатмийи. Несмотря на то, что Али аль-Миргани не заявлял открыто о своей поддержке партии Аль-Ашикка, будучи религиозным лидером, противники отмечали его помощь партии Аль-Ашикка, а также многочисленное членство «хатмийцев» в этой партии (110, с.259). Партия выступала под лозунгом «Единство стран долины Нила», подразумевавшим тесное сотрудничество с Египтом вплоть до объединения. Дальнейшая судьба Аль-Ашикка в значительной степени стала заложницей взаимоотношений ее лидеров с орденом Аль-Хатмийя. В свою очередь, партия Аль-Умма, состоявшая из «ансаровцев», оказалась более устойчива к внутренним

разногласиям и длительное время сохраняла организационное единство. Это наводит на мысль о том, что в суданском обществе с его специфическими социально-политическими традициями жизнеспособность той или иной крупной партии во многом зависела от степени слияния с тем или иным дервишеским орденом.

На основе партии Аль-Ашикка в 1952 г. была образована Национально-юнионистская партия (НЮП) («Аль-Хизб аль-ватаний аль-иттихадий»), которая объединила большинство суданских группировок, выступавших за союз с Египтом [27], в том числе, одну из наиболее влиятельных юнионистских партий – Партию единства долины Нила [28]. В идеологическом отношении к НЮП примыкали более мелкие объединения, в частности, образованная в 1956 г. Народно-юнионистская партия [29]. Основной контингент НЮП составляли последователи ордена Аль-Хатмийя. Как уже отмечалось выше, в отличие от лидеров Аль-Ансар руководство ордена Аль-Хатмийя не имело столь значительного влияния на свою партию. Большая часть последователей Аль-Хатмийи, признавая авторитет главы ордена Али аль-Миргани в религиозных вопросах, в политических делах отдавала предпочтение светским лидерам и иногда отказывалась следовать указаниям Али аль-Миргани. Другая ее часть сохраняла лояльность религиозному авторитету и выступала с оппозицией Аль-Азхари и его сторонникам. В частности, в 1954 г. несколько деятелей (Аль-Хамза Миргани, Халифалла Халед и Ахмед Халяби), заручившись поддержкой лидера Аль-Хатмийи, который не достиг соглашения с Национально-юнионистской партией по поводу его приоритета в решении вопроса о будущем отношений между Суданом и Египтом, вышли из НЮП и образовали Партию республиканской независимости [30]. Однако главным ударом для аль-Миргани стало «предательство» в 1956 г. председателя НЮП Исмаила аль-Азхари, отступившегося от лозунга объединения Судана с Египтом и поддержавшего провозглашение Судана независимым государством. Попытки лидера Аль-Хатмийи воздействовать на руководителей юнионистской партии угрозой отказа от поддержки НЮП окончились провалом. В результате было создано новое объединение – Народно-демократическая партия [31], которая в своей политической борьбе за власть опиралась на авторитет Али аль-Миргани, во время выборов располагала голосами последователей его ордена и считалась как бы «партией ордена Аль-Хатмийя». В свою очередь, НЮП стала выступать против вмешательства лидеров дервишеских орденов в политическую борьбу, а на выборах за нее голосовали избиратели, порвавшие в силу своей политической ориентации с суфийскими орденами Аль-Ансар и Аль-Хатмийя.

Вопрос о степени и формах отражения политическими партиями интересов дервишеских братств и взглядов их руководителей заслуживает специального внимания. Несомненно то, что требование «полной независимости Судана в его географических границах», которое выдвигала партия Аль-Умма, или требование «единства стран долины Нила», которое отстаивала партия Аль-Ашикка и ее преемница Национально-юнионистская партия,

отвечали устремлениям руководителей Аль-Ансар и Аль-Хатмийи, соответственно по-разному понимавших пути развития страны и пытавшихся сохранить интересы своих братств и личные привилегии в новых условиях. Одновременно следует отметить, что лежащее на поверхности противоречие между сторонниками независимости и приверженцами идеи объединения долины Нила в нужный момент легко удавалось преодолеть в пользу решения о самостоятельном пути развития Судана. Несмотря на то, что сторонники двух лагерей – сепаратисты и юнионисты – отражали, а иногда и просто спекулировали интересами определенных социальных групп, декларируемая полярность их позиций позволяла вырабатывать необходимый вектор политического ориентирования.

В то же время взаимоотношения дервишеских орденов и политических партий в идеологической сфере, в том числе и по вопросу о роли религии в общественно-политической жизни страны, складывались неоднозначно. Даже в программных документах такой партии, как Аль-Умма (традиционно считавшейся подконтрольной Аль-Ансар), можно встретить положение о том, что «в суданском обществе имеются различия, которые являются отражением племенного и религиозного сознания, что препятствует установлению братских отношений между населением страны и объединением его в национальный союз... Именно поэтому наше социальное планирование имеет целью уничтожение этих различий и слияние суданской нации» (35, с.11-12). Существовали и более радикальные взгляды на необходимость дистанцироваться от влияния «традиционных» лидеров в интересах борьбы за голоса потенциальных избирателей. В программе небольшой Партии национального освобождения [32] было записано, что она в своей политике «отстоит от суфизма и не делает различия между сейидом и подвластным ему» (32, с.4). Однако в условиях Судана такого рода заявления могли быть сделаны только в том случае, если группировка негласно поддерживалась каким-либо влиятельным «традиционным» лидером.

Следует отметить, что попытки представителей отдельных суданских партий руководствоваться лишь заимствованными теориями, отрицая местную культурную традицию, включая ее религиозную составляющую, как правило, не способствовали росту числа их последователей. В качестве примера можно привести уже упоминавшуюся Партию юнионистов, которая, по свидетельству Джалаля ад-Дина аль-Хамамсы, первоначально была образована только из членов ордена Аль-Хатмийя. Позднее она сделала попытку выйти из-под влияния главы ордена, чтобы действовать, согласно характеристике египетского исследователя 40-50-х годов Таха Мухаммеда Хусейна, «на основе принципов современных идейных школ. Она призывала покончить в стране с трибализмом и требовала устранения дервишеских орденов от политической деятельности, так как считала, что религия не терпит демократической дискуссии, которая необходима политике. Несмотря на малочисленность сторонников партии, она объединяла лучших представителей интеллигенции, свободомыслящих и придерживающихся новых научных концепций» (150, с.51-52). В условиях Судана такая «рафиниро-

ванность» партийных рядов заранее обрекала политическую группировку на третьестепенные роли, хотя и позволяла какое-то время существовать за счет имиджа «цивилизованной оппозиции».

Распространение идей исламского фундаментализма в Судане происходило также как альтернатива проникновению социал-демократической и коммунистической идеологии и их носителям в стране в лице представителей таких объединений как Антиимпериалистический фронт [33], Национальная ассоциация [34], Суданская коммунистическая партия [35], Суданская коммунистическая партия – Революционное командование [36] и др. Необходимо в целом признать, что возросшее после второй мировой войны влияние Советского Союза и создание новой геополитической системы оказали определенное воздействие на поиски национальными политиками Судана оптимальной модели общественно-политического устройства. Часть из них проявляла интерес к достижениям социалистического строя, который импонировал им социальной защищенностью, опорой на собственные силы, быстрым ходом индустриализации, оборонным потенциалом и т.п. Следует упомянуть также ту роль, которую сыграли западные социалистические и социал-демократические движения в распространении идей социализма в Африке, что также находило отражение (хотя бы на уровне фразеологии) в программных установках суданских партий. Например, среди целей, выдвигавшихся Партией национального освобождения, было установление формы правления в виде «независимой республики парламентского типа, следующей путем демократического социализма» (32, с.6). Даже политические группировки, связанные с суфийскими орденами Аль-Хатмийя и Аль-Ансар, включали положения о социализме в свои документы. Еще в 1957 г. партия Аль-Умма заявляла, что «социалистическое планирование может использовать все виды естественных ресурсов и экономики страны на пользу обществу без лишения какого-либо лица права прилагать усилия к накоплению своего личного богатства» (245, 17.11.1957 г.). В последующие годы, как показывают документы этой партии, она не отказалась от попыток использовать социалистическую риторику. Например, в программе партии Аль-Умма от 1964 г. в качестве одного из «принципов» партии упоминается «социализм, имеющий целью обеспечение всего необходимого в достаточном количестве, справедливое распределение, а также развитие страны на плановой экономической основе» (31, с.2).

Другие суданские партии также часто прибегали к использованию социалистической фразеологии. В частности, в программе Национально-юнионистской партии говорилось, что она опирается на представителей «народного большинства, которое не является сторонником феодализма, а по своему положению и убеждениям разделяет демократические и социалистические взгляды» (30, с.1). Среди политических группировок этого ряда следует выделить и Социалистическую республиканскую партию [37]. По свидетельству современников, эта «партия является республиканской, так как сущность ее принципов отрицает любой монархический

строй, и она выступает против установления любого вида монархии. Партия является социалистической, поскольку противодействует тенденции к монополизму на аграрные и ирригационные проекты, которыми владеет небольшая группа лиц, и испытывает опасения в отношении феодализма того рода, который развивался в Египте в прошедшее время» (150, с.50-51). Наряду с указанными, существовали и другие партии, пытавшиеся по-своему трактовать социалистические идеи, например, Социалистическая партия [38], программа которой несла на себе отпечаток идей африканской социал-демократии (42, с.2-6), а также Республиканская партия [39], руководитель которой – известный суданский религиозный «диссидент» Махмуд Мухаммед Таха призывал в 1945 году к установлению республики на основе «исламского социализма» (150, с.55).

В то же время суданские политики, отвергая в той или иной степени «традиционную» модель европейского капитализма, ориентировались на поиск варианта «капитализма без эксплуатации», что отражалось в программных документах ряда суданских партий в 40-50-е годы и более поздние периоды. В частности, Партия национального освобождения намеревалась вести «работу по созданию положения, которое гарантирует рабочим их право на борьбу против эксплуатации со стороны работодателей» (32, с.9), среди положений программы партии Аль-Умма можно найти «борьбу с эксплуатацией, унижением и дискриминацией во всех видах и проявлениях» (31, с.2) и т.п. Даже допуская, что эти заявления в определенной степени носили декларативный и лозунговый характер, тем не менее, можно предположить, что их включение в программы было рассчитано на определенные слои в суданском обществе, интересам которых, по замыслу суданских политиков, они должны были отвечать.

Возникшие в этот период и позднее суданские политические партии (как правые – Аль-Умма, Национально-юнионистская партия и др., так и левые – суданская компартия, маоисты, социалисты и др.), претендуя на роль выразителей интересов большинства населения, с начала 60-х годов уже не могли игнорировать нарастающую тенденцию к усилению влияния фундаменталистов. В борьбе за голоса избирателей эти партии с разной степенью активности использовали исламскую риторику в своих программных документах. Например, Национально-юнионистская партия в программе от 1964 г. декларировала необходимость «строительства социализма в соответствии с исламским шариатом» (Цит. по: 157, с.302). Другая влиятельная партия, имевшая прочные связи с египетскими правящими кругами и тарикатом Аль-Хатмийя, – Народно-демократическая партия – в своей программе, принятой в январе 1965 г., заявила, что «партия стремится к осуществлению социалистических принципов, не противоречащих духу ислама», который в соответствии с установками НДП должен стать официальной государственной религией (157, с.299).

В свою очередь, левые также не могли пройти мимо усиления позиций фундаменталистов в суданском обществе и в выступлениях своих руководителей заявляли о поддержке религии. К примеру, один из лиде-

ров СКП того периода времени Ат-Тайеб Абу Гидери на одном из форумов коммунистических партий, проходившем в 1969 г. в Алма-Ате, подчеркивал, что «коммунистическая идеология учитывает реальность, уважает святыни народа, его обычаи, культурное наследие. Партия поддерживает все, что является на данном этапе позитивным в религии, но она решительно противостоит тем, кто использует религию для обмана и эксплуатации бедняков» (74, с.188-189). В то же время политический анализ, проведенный суданскими коммунистами в отношении процессов, ведущих к усилению влияния радикальных исламских сил, свидетельствовал, что в суданском обществе «буржуазные элементы начали группироваться вокруг религиозных общин, объединяться под руководством арабских националистических лидеров, представителей арабского национализма и ислама» (74, с.190). Под последними подразумевались активизировавшиеся в конце 60-х годов исламисты.

Политическая программа суданских «Братьев-мусульман», которые в 1964 г. возглавили более 50 других более мелких фундаменталистских группировок и образовали так называемый Фронт исламской хартии («Джабхат аль-мисак аль-исламий»), требовавший принятия «исламской конституции», продолжала формироваться на основе отрицания европейских идеологических влияний в качестве ответной реакции на их проникновение в Судан. «Возрожденцы» заявляли также, что Юг страны не имеет своей культуры и этот вакуум должен быть заполнен арабско-исламскими ценностями. Нынешний лидер суданских фундаменталистов Хасан ат-Тураби говорил в то время: «Если западноевропейские государства до сих пор господствовали в Африке, почему теперь мусульманские страны не могут попробовать осуществить свои идеи, заменить западные идеи и религию?» (Цит. по: 50, с.238).

Выигрышность позиции «Братьев-мусульман» по сравнению с положением национальных суданских партий или «филиалов» (скорее, идейных, чем организационных) зарубежных политических организаций предопределялась следующими обстоятельствами.

Во-первых, переходная экономика Судана порождала определенное количество ущемленных в экономическом, а значит – в политическом и моральном отношении социальных, социально-профессиональных, этнонациональных и иных групп населения, с одной стороны, а с другой – обеспечивала достаточно успешное существование за счет последних суданской элиты, нуждавшейся в религиозно-идеологическом обеспечении своего привилегированного положения. Вместе с тем было бы не совсем корректно причислять к сторонникам «Братьев-мусульман» только обездоленных и власть имущих. Проведенные автором исследования подсчеты позволяют судить о том, что к периоду 50-60-х гг. социальная база этой ассоциации в Судане включала и представителей таких социально-профессиональных групп, как, например, в хлопководческой сфере производства – служащих крупных государственно-капиталистических хозяйств (Гезира, Гаш, Манакиль), мелких и отчасти средних арендаторов, а также рабочих, трудив-

шихся по договору с арендаторами. В промышленности сторонниками «Братьев-мусульман» в рассматриваемый период могли быть представители группы служащих госсектора, главным образом, среднего и низшего звена и часть промышленных рабочих. Среди приверженцев идеологии этой организации можно также отметить значительный слой мелких торговцев и владельцев небольших предприятий услуг.

Во-вторых, «Братья» с начала их проникновения в Судан играли роль представителей транснациональной религиозно-политической ассоциации, пользующейся поддержкой своих единомышленников как в странах мусульманского мира, так и за его пределами. Это давало возможность членам организации выступать в качестве выразителей общемусульманской фундаменталистской традиции, идейных наследников всех ранее существовавших «борцов за чистоту ислама».

В-третьих, конфессиональная раздробленность страны не только на общенациональном уровне, но и в рамках мусульманской общины на враждующие лагеря дервишеских орденов уже в 50-60-х годах давала «Братьям-мусульманам» возможность предложить себя суданскому обществу в роли объединительного фактора, сплачивающего правоверных перед лицом африканско-анимистской и западнохристианской идеологической экспансии. Такая постановка вопроса особенно импонировала тем социальным группам на Севере страны, материальное благополучие которых прямо или косвенно зависело от экономического освоения Юга Судана с использованием исламизации и арабизации.

В-четвертых, проповедуемая «Братьями» идея построения «общеисламского дома», возвращаясь к принципам равенства, справедливости и т.п. базировалась на системе шариатского законодательства, которая сочеталась с реалиями северосуданского общества. Кроме того, ислам был уже много десятилетий был известен в большей или меньшей степени многим неарабским племенам и народам на Юге страны и отвечал интересам отдельных социально-профессиональных групп в немусульманских районах: принявшим ислам местным торговцам, служащим государственно-капиталистических хозяйств (типа проекта «Экваториальный») и чиновникам в органах администрации, равно как и иным категориям лиц, интересы которых совпадали с дальнейшим арабо-исламским проникновением в южные провинции.

В-пятых, суданские политические группировки, особенно те из них, которые напрямую были связаны с наиболее крупными суфийскими орденами (Аль-Хатмийя, Аль-Ансар), в разные моменты своей политической истории, особенно в тех случаях, когда возникала необходимость противостоять усилению влияния «прокоммунистических» или «прозападных» сил в стране, оказывали поддержку суданским фундаменталистам как их наиболее существенной альтернативе.

В-шестых, сложные межпартийные отношения, обусловленные зачастую конъюнктурными соображениями в борьбе за власть, неспособность коалиционных правительств в том или ином партийном составе решить

насуточные проблемы страны время от времени приводили к установлению режима военной диктатуры, вслед за которым следовал период демократизации и новый виток межпартийной борьбы. По всей видимости, необходимость преодоления многопартийной разногласности явилась еще одним фактором, способствовавшим приходу к власти в Судане фундаменталистов, резко выступавших в соответствии с предписаниями Корана против любых форм «партийности».

Сложившаяся в 50-60-е годы в Судане партийно-политическая система во многом зависела от меж- и внутриконфессиональных отношений, поскольку северосуданские политические группировки изначально, как правило, возникали на базе наиболее влиятельных суфийских тарикатов или при их непосредственной поддержке. Что же касается других конфессий, в частности, христианства, распространенного на Юге, то здесь менее четко прослеживалась связь «конфессия – партия». Это объясняется, на наш взгляд, тем, что социально-экономические условия жизни населения южного Судана существенно отличались от Севера, и там процесс идейно-политической детерминации партий обуславливался в большей степени этносоциальными особенностями. Помимо наиболее влиятельной в тот период Либеральной партии Юга [40], в 50-е годы возник целый ряд партий, пытавшихся отражать интересы населения трех южных провинций. Среди них можно отметить прошедшую в первый суданский парламент еще во времена кондоминиума Южную политическую ассоциацию [41], внутрипарламентский Федеральный блок [42], созданную при поддержке США и Англии Федеральную партию [43], а также карликовые партии типа уже упоминавшейся Демократической партии Юга, Партии мира [44], Партии Нила [45] и т.п.

В 60-е годы на основе указанных партий в южных районах страны стали возникать новые политические объединения, часть из которых в борьбе за самоопределение стала прибегать к методам насилия. Наибольшую известность приобрела террористическая организация «Анья-нья» [46], имевшая связи с различными террористическими организациями в соседних с Суданом странах, а также спецслужбами западных государств. На другом полюсе стояли партии южан, склонные к достижению соглашения с правительством в вопросе о самоопределении, в частности, Суданская партия единства [47], Свободный Южный фронт [48], которые осуждали сепаратизм и экстремизм. Некоторые южносуданские партии провозглашали социализм основой своей идеологии, например возникшая в конце 1966 г. Демократическая партия Юга [49], однако большинство – Суданская христианская ассоциация [50], Судано-африканский союз закрытых районов [51], Южный фронт и другие, созданные при активном участии западных миссионеров, стояли на позициях борьбы за отделение Юга от Севера. Самой крупной сепаратистской организацией в 60-х годах стал Судано-африканский национальный союз [52], который послужил основой для формирования в последующие годы новой южносуданской оппозиции, ведущей сегодня борьбу против центрального правительства. Кроме ор-

ганизаций южан, в Судане имелись также организации, выражавшие сепаратистские устремления других районов страны – такие как Организация свободных негров [53], «Горы Нуба» [54] и некоторые другие.

Кризис многопартийной системы в независимом Судане, во многом обусловивший приход к власти нынешних фундаменталистов, был, на наш взгляд, закономерен. В течение длительного времени суданские партии изменяли свои программные установки, стремясь максимально учесть потребности избирателей, в частности, из числа представителей социально-профессиональных групп населения Судана. Если проанализировать особенности развития лозунгов и требований суданских политических группировок, то становится заметным следующее. С одной стороны, суданские партии в своих попытках отразить требования как можно большей части электората, заявить о себе как о «всенародных» (поскольку мозаичная структура суданского общества не оставляла им другого выбора), становились беспомощными, когда речь заходила о реализации заявленного ранее курса, что через определенный промежуток времени закономерно приводило их к политическому банкротству. С другой стороны, в 50-60-е годы начался процесс узконаправленной «специализации» некоторых группировок на отражении интересов определенных социальных (в частности, социально-профессиональных) групп населения. В результате наиболее активными сторонниками таких партий становились, как правило, представители только отдельных социально-профессиональных групп, которые в структуре суданского общества были либо крайне малочисленны (например, управляющие в инофирмах), либо слабы (владельцы мелких предприятий торговли и услуг, сезонники), либо аполитичны (животноводы), либо следовали установкам своих традиционных религиозных и племенных лидеров (мелкие арендаторы, владельцы малых предприятий услуг) и т.д. Не имели также широкой политической востребованности мелкие и мельчайшие партии, которые возникали как отражение локальных потребностей и интересов и исчезали по мере их удовлетворения или видоизменения, или же в силу неспособности этих партий достичь поставленных целей. При этом в случае сохранения прежних устремлений тех же социальных групп, на месте отмерших партий возникали аналогичные, под обновленными лозунгами, но зачастую с теми же лидерами.

Таким образом, можно констатировать, что попытки реализовать на суданской почве иностранные (главным образом западные) концепции потерпели неудачу, хотя несомненно и то, что внешние идеологические влияния способствовали выбору суданцами ориентиров социально-политического развития. В конечном счете, все свелось к известному принципу, что «отрицательный результат – тоже результат». Пытаясь воплотить заимствованные модели переустройства общества, суданцы убедились в их нежизнеспособности по своей сути для проведения действенных реформ и модернизации, но в какой-то мере пригодных (по форме) для интеграции в развитое мировое сообщество. В этой ситуации фундаменталистская концепция исламского государственного и общественного устройства стала

выглядеть наиболее приемлемой не только для правящих кругов Судана, но и на уровне массового сознания граждан страны.

3. Развитие и особенности идеологии исламских фундаменталистов в Судане. Теоретическое обоснование политической власти исламских фундаменталистов Хасаном ат-Тураби

Формирование взглядов исламских фундаменталистов в Судане следует рассматривать как в исторической ретроспективе, так и с точки зрения характера идейных источников, прямо или косвенно питавших процесс постепенного становления идеологии исламского фундаментализма в этой стране. Как уже отмечалось ранее, среди таких источников необходимо отметить махдизм в Судане – одно из исламских движений реформаторского типа, получившее всемирную известность благодаря вспыхнувшему в 1881 г. национальному восстанию против англо-египетского управления. Его возглавил сын плотника с одного из нильских островов – Дарар, странствующий дервиш Мухаммед Ахмед ибн Абдалла (1834-1885 гг.), объявивший себя «махди» (ведомый Аллахом) [55]. Суданский махди выступил с призывом «очистить религию», вернуться к исламу времен Мухаммеда, «освободить мир от алчности и коррупции». В его проповеди сочетались шиитское учение о махди (в понимании шиитов, махди – не последний халиф, как у суннитов, а последний имам) с «возрожденческими» идеями, мистицизм с эгалитаристскими требованиями всеобщего равенства и братства. Последователи Мухаммеда Ахмеда отвергали сунну и считали истинным лишь Коран, а также прокламации своего руководителя. Они не признавали авторитета мазхабов (религиозно-правовых школ), допуская тем самым новое толкование мусульманского законодательства, и, подобно ваххабитам, запрещали культ святых, призывали к строгой простоте нравов, граничащей с аскетизмом (См.: 77, с.20-23).

Созданное на основе махдистской доктрины независимое государство по типу халифата в восточной части страны на раннем этапе своего развития носило достаточно демократичный характер (упрощение фискальной системы и снижение налогового бремени, введение племенного и этнического равенства, попытки установления экономических отношений на основе требования социальной справедливости, исключение проявлений роскоши в поведении государственных чиновников и т.д.). Идеи Мухаммеда Ахмеда имели не только большой успех среди арабоязычных суданских племен, но и вызвали широкий межарабский и международный резонанс, повлияв, в частности, на развитие мусульманской богословской мысли, в том числе и в африканских странах (например, в Нигерии, Чаде).

Как уже отмечалось, в современном Судане махдисты представлены одним из двух влиятельных дервишеских орденов – Аль-Ансар, который, по заявлениям его лидеров, унаследовал основные идеи махдистского движения конца прошлого века. В контексте подобных утверждений прослеживается стремление к сохранению своего рода преемственности замысла воз-

вращения к «золотому веку», предстающему в исторической памяти суданцев не в качестве теоретической абстракции, а как реальный и сравнительно недавний прецедент, почти состоявшийся социальный эксперимент, который был насильственно прерван англо-египетскими войсками. Победа завоевателей тогда была достигнута применением пулеметов «Максим» против махдистской конницы в ходе трагической для суданцев битвы в сентябре 1898 г. на поле около селения Керери под Омдурманом (124, с.154-156). Пустующая сегодня усыпальница махди (по преданию, англичане сожгли тело вождя, прах выстрелили из пушки вдоль Нила, а из ногтей святого мученика английские офицеры сделали брелки для часов) превратилась в место поклонения суданских мусульман, хотя сам Мухаммед Ахмед боролся против всяческих культов и обожествления святых.

Другим источником формирования мировоззрения исламских фундаменталистов в Судане следует признать идеи крупнейших мусульманских теоретиков, в частности египетского религиозного деятеля Мухаммеда аль-Газали, пакистанского муллы, основателя партии «Джамаат-и-ислами» Абу аль-Аля аль-Маудуди, а также улема Малика бен Наби (См. подробнее: 143, с. 15-18). Вместе с тем главное влияние на построение идеологической платформы суданских фундаменталистов, особенно на первом этапе, оказала доктрина движения «Братьев-мусульман», возникшего первоначально в Египте и привнесенного оттуда в Судан, как уже отмечалось, в 40-х годах суданскими студентами-выпускниками египетских вузов. Формирование мировоззрения части представителей исламского фундаментализма в Судане происходило под определенным влиянием главного идеолога египетских «Братьев-мусульман» в 50-60-е годы Сейида Кутба, а также под воздействием идейно-политической борьбы между руководством страны и «Братьями-мусульманами», происходившей в это время в Египте. Тем самым современные «возрожденцы» в Судане получили возможность на практике реализовать многие теоретические положения египетских основателей и идеологов «мусульманского братства», внося в них определенные коррективы, подсказанные жизнью. В частности, суданцы не разделяют в полной мере мысль о том, что в практическом плане строительство нового справедливого общества (по теории Кутба), предполагает в первую очередь возрождение «истинного ислама», которое должно начаться с «ухода из общества» («хиджры») небольшой группы единомышленников, верующих в свое особое предназначение как ниспровергателей «власти людей над людьми», порывающих при этом с любыми привязанностями – к родине, семье и т.п. и не скованных лояльностью к «безбожной власти». При этом представители этой группы не должны быть отягощены законопослушанием к существующим правовым нормам или общественной морали и способны выполнить (в том числе и путем применения насилия) свою разрушительную миссию для того, чтобы расчистить место для установления «истинного исламского правления». Особенности суданских условий (сложная этно-конфессиональная ситуация, мозаичная социально-классовая структура, специфика национальной психологии и т.п.) заранее обрекают на неудачу попытки реализации «Братьями-мусульманами» на

практике выдвинутого Кутбом принципа: «Приоритет – лучшим, а не массам, центральное место – избранным, а не народу», так как почти автоматически лишают их поддержки у населения.

Кроме того, суданские фундаменталисты имели возможность учесть опыт и результаты деятельности (в том числе и негативные) своих единомышленников в других странах – Алжире, Сирии, Тунисе, но главным образом – в соседнем Египте. В частности, суданцы отвергли линию египетских «Братьев-мусульман», для которой во второй половине 60 – начале 70-х годов стала характерна ставка на насилие. При этом последние опирались на теоретическое наследие С.Кутба. Так, отдавая приоритет агитационной деятельности путем проповеди, Кутб в то же время утверждал, что попытки противодействовать «исламскому призыву» «Братьев-мусульман» должны быть подавлены силой, а с теми, кто противится исламу, следует вести борьбу до тех пор, пока они не будут уничтожены или не сдадутся. Результатом такого подхода стал перманентный конфликт между египетскими властями и исламистами, в котором стороны до настоящего времени не могут достичь компромисса, что ведет дальнейшему росту экстремизма и терроризма в АРЕ.

Часть суданских фундаменталистов, особенно наиболее последовательные приверженцы взглядов Сейида Кутба, настаивают на неприемлемости для арабского (восточного) менталитета системы западной демократии, предполагающей наличие многопартийности. Поскольку власть над людьми только в руках Аллаха, – считают они, – то руководить обществом должен избранный всей уммой (мусульманской общиной) наиболее достойный и отвечающий строгим требованиям мусульманской морали человек, в функции которого входит не управление людьми, а побуждение их (и в первую очередь своим собственным примером) к выполнению норм шариатского законодательства. Только такое государственное устройство, полагают «кутбисты», способно дать возможность индивиду полноту личной свободы по принципу: свободное развитие всех – есть свободное развитие каждого [56].

Вместе с тем было бы неправильно считать всех прежних и нынешних сторонников идей радикального исламского фундаментализма в Судане приверженцами только концепции Сейида Кутба [57]. Даже в рамках общемусульманского движения «Братьев-мусульман» некоторая часть его адептов отдает предпочтение (как образцу для подражания, или же в силу особенностей мировоззрения, или личных морально-психологических установок конкретного «муджахида») основателю движения шейху Хасану аль-Банна, другие более склонны симпатизировать родоначальнику вахабизма шейху Мухаммеду бен Абд аль-Ваххабу, третьи – пакистанскому имаму аль-Маудуди, четвертые – Сейиду Кутбу (114, с.207).

Помимо этого, в Судане издавна существовали исламские группировки, стоявшие на умеренных фундаменталистских или традиционалистских позициях. Значительной популярностью в стране, например, пользуются до настоящего времени идеи представителей мусульманского дви-

жения Приверженцы мухаммеданской сунны («Ансар ас-сунна аль-мухаммадийя») [58]. О масштабах влияния этого объединения говорит география распространения его представителей в различных регионах мира: в странах Магриба, Мавритании, Либерии, Гане, Эфиопии, Гвинее, Нигерии, Кении, Индонезии, Тайланде, Бангладеш, а также в некоторых европейских странах, в частности, в Голландии.

В Судане небольшая группа Приверженцев мухаммеданской сунны была создана в 1935 году шейхом Ахмедом Хасуном, который воспринял это учение от марокканского шейха Абд ар-Рахмана бен Хаджара, основавшего в 1917 году образовательный кружок в городе Ан-Нухуд на юго-западе Судана. Суданская группа «мухаммедан» получала религиозную литературу от своих единомышленников из Египта, в том числе и журнал «Аль-Хади ан-набауйя», поддерживала тесные отношения с центром этого движения в Египте, во главе которого стоял шейх Мухаммед аль-Фадыль ат-Тикляви. В свою очередь, египетские улемы-«мухаммедане» часто посещали хартумское отделение своих единомышленников, выступая по вопросам пропаганды ислама. Члены суданского отделения сыграли заметную роль в проводившихся в период правления Джаафара Нимейри кампаниях по дискредитации суфийской идеологии. Кроме того, группа получила известность, выступая с предостережением мусульман от различных видов «мусульманского сектантства»: муатазилизма, хариджизма, движения «батынийи» (религиозно-философского направления, ищущего скрытый смысл в Священном писании).

К числу своих теоретических источников Приверженцы мухаммеданской сунны в Судане относят мировоззренческий опыт суннизма, концепции выдающихся исламских деятелей и мыслителей – Ибн Таймийи, Ибн аль-Кайима, Мухаммеда бен Абд аль-Ваххаба и др., а также теологические изыскания собственных улемов-традиционалистов. Программные документы «мухаммедан» провозглашают ряд основных принципов, на основе которых строится идеологическая доктрина группы. Это – признание того, что основой религии является Священное писание (Коран) и сунна (в «правильном салафитском понимании»). Ислам, считают сторонники «мухаммедан», – это религия и государство, культ и правление, пригодные для любого места и времени. Вера подтверждается послушанием, а воспитание уммы видится «мухаммеданам» как «следование правильной традиции» на основе очищения ислама от «новшеств», отклонений в вере, убеждениях, поведении и культе. В то же время настоящий «исламский призыв», по мнению суданских идеологов «мухаммедан», предполагает обновление религии в рамках традиционализма на основе сунны, а также юридическо-богословских изысканий (иджтихад) с целью «определения границ дозволенного Аллахом в части возможных новшеств и их трактовок в соответствии с принципами шариата». При этом роль улемов и других религиозных деятелей ограничивается просвещением и распространением коранических знаний. Их мнение, однако, не является догмой и может быть оспорено в рамках дискуссии (См. подробнее: 114, с. 196-197; 199).

В 1989 г. в Хартуме движение «мухаммедан» провело большой съезд, посвященный обсуждению ряда идейно-политических проблем под названием «Значение традиционализма для исламской деятельности», на котором были сформулированы их главные политические установки. Они сводились, в частности, к признанию того, что «демократия – нечестивый и безбожный строй, поскольку дает человеку право законодательства, а это право является священным и принадлежит только Аллаху» («Нет власти кроме Аллаха»). По их мнению, выборы путем выдвижения кандидатов и голосования представляют сами по себе средства, имеющие преходящий и относительный характер. Кроме того, суданские традиционалисты считают, что «исламский политический строй не является демократическим по определению, он во многом отличается от демократии по своей основе и принципам». В этой связи «мухаммедане» видят «необходимость в «вытеснении» демократов из общественно-политической сферы в целях уменьшения вреда от них», поскольку, по их мнению, только применение «механизма шариатского регулирования» способно противостоять на всеобщих выборах «переменчивости интересов, колеблющихся между дурными делами» (114, с. 198).

Нетрудно заметить, что эти идейные установки в известной мере созвучны положениям, выдвинутым лидером ливийской революции Муаммаром Каддафи в его «Зеленой книге», который считает, что «парламенты составляют основу существующей традиционной современной демократии, но представительство народа в парламентах является обманом, а парламентаризм – это порочное решение проблемы демократии» (61, с.21). При этом идеологические и философские взгляды М.Каддафи, провозгласившего в 70-е годы построение «подлинного социалистического общества на основе принципов ислама», включали в себя и некоторые исламские традиционалистские подходы к решению, в частности, вопросов законодательства [59].

Суданские сторонники исламского традиционализма в лице «мухаммедан», как и фундаменталисты, но в более умеренных формах, в области организационной деятельности по обеспечению проведения «исламского призыва» считали приемлемой и законной «групповую деятельность», но «не признавали создание партий под другими лозунгами, кроме лозунгов сунны или лозунгов групп, признающих главенство шариата». Они осуждали все иные формы организации мусульман, в том числе и по профессиональному признаку, утверждая, что «профсоюзная система объединения рабочих или представителей иных профессий, а также студенческие союзы – не имеют никакого отношения к божественным законоустановлениям, а участие в них вызвано материальным интересом и является дурным поступком с точки зрения положений шариата» (114, с. 198).

Группа «Приверженцев мухаммеданской сунны» активно участвовала в общественно-политической жизни суданского общества. В 1957 г. она входила в Исламский фронт за принятие исламской конституции, в 1964 г. вступила во Фронт исламской хартии, в ходе парламентских выборов 1986 г.

поддерживала общих исламских кандидатов. Кроме того, «мухаммедане» проводили широкую агитацию с призывами принять шариат в качестве основы правления, а также выступали против «вестернизации», «греховности» и «ереси». Кроме того, они вели активную миссионерскую деятельность среди южносуданских анимистов, занимались строительством мечетей на Юге страны и распространением коранических знаний. В качестве своего печатного органа эта группа суданских традиционалистов издаёт журнал «Аль-Истиджаба» («Отзвук»).

Одним из основных направлений деятельности «мухаммедан» является идейное противостояние влиянию дервишеских орденов. Например, в 1977 г. по суданскому телевидению была показана трансляция дискуссии между одним из видных идеологов группы шейхом Абу Зейдом Мухаммедом Хамзой, проповедовавшим в г.Вади-Хальфа (рядом с границей с Египтом) и соседних районах, и шейхом Али Зин аль-Абдином – известным деятелем тариката Аль-Хатмийя, в ходе которой, по мнению части зрителей, была продемонстрирована полемическая несостоятельность представителя наиболее влиятельного дервишеского ордена в Судане.

В известном смысле последовательное взаимодействие в политической сфере у суданских фундаменталистов было налажено с другими своими идейными «попутчиками-оппонентами» – махдистами – в лице партии Аль-Умма и ордена Аль-Ансар, которые, как правило, благодаря схожей исламской риторике, «отбирали» в ходе выборов у «возрожденцев» часть электората, связывавшего реализацию своих устремлений с установлением исламского правления. Периодические блокировки радикальных фундаменталистов с наследниками учения аль-Махди случались чаще всего в кризисные для большинства исламистов моменты, вызванные, главным образом, усилением в стране позиций левых сил. Однако, идеологическая основа такого сотрудничества была на практике не столь очевидна, как это в принципе могло бы быть между «возрожденцами» и последователями махдизма, который в трактовке Аль-Уммы на отдельных этапах начинал в определенной мере приобретать черты, свойственные то «реформаторству», то «исламскому модернизму», но чаще – суданскому исламскому традиционализму – течению, зачастую весьма близкому по сути к идеологии борцов за установление «истинного исламского правления» на основе возрождения фундаментальных исламских ценностей [60].

Среди особенностей условий формирования взглядов исламских фундаменталистов в Судане следует отметить значительную конкуренцию со стороны коммунистической идеологии в лице Суданской компартии – одной из самых крупных и влиятельных на африканском континенте во второй половине нынешнего столетия. Несмотря на то, что в разные периоды истории суданские фундаменталисты и коммунисты перед лицом общей угрозы или из тактических соображений находили возможным иногда блокироваться в рамках политических коалиций, например, в период противостояния военной диктатуре генерала Ибрагима Аббуда (1958-1964 гг.), в целом суданские «возрожденцы» отдавали себе отчет в том, что, с

одной стороны, коммунисты – их главные идеологические противники, а с другой, что лозунги коммунистов пользуются значительной популярностью среди суданцев. Следуя скорее логике политической борьбы, чем идеологическим расхождениям с коммунистами, в конце 1965 г. по предложению лидера Фронта исламской хартии Хасана ат-Тураби большинство Учредительного собрания (законодательного органа) приняло решение о лишении депутатских мандатов восьми членов парламента, избранных по официальному списку СКП (51, с.147-148), а также о введении в действие антикоммунистического закона [61].

Провозглашенная исламскими фундаменталистами борьба с «ересью» имела в Судане адресный характер, поскольку в идеологической сфере жизни суданского общества соседствуют или противоборствуют разнообразные идейные и религиозные концепции, часть из которых приобретает формы религиозного диссидентства. Отдельные теории, несмотря на видимую эклектичность, имеют своих сторонников и пользуются поддержкой определенных групп населения, главным образом, из среды интеллигенции. В качестве примера можно привести некоторые положения идейной доктрины уже упоминавшейся ранее Республиканской партии («Аль-Хизб аль-джумхурий») Судана, которая призывала к установлению «социалистического демократического федеративного правления, осуществляющего власть на основе гуманистического законодательства» (См.: примечание 39).

Программа партии предусматривала строительство «правильного общества, основанного на социальном, политическом и экономическом равенстве». Экономическое равенство предполагалось достичь «на пути социализма в направлении коммунистического развития»; политическое равенство – «на пути прямой представительной демократии, который оканчивается достижением абсолютной свободы индивидуума», означающей «наличие у каждого человека своего индивидуального законодательства». Социальное равенство, по мнению лидера Республиканской партии Махмуда Мухаммеда Таха, обеспечивалось стиранием религиозных, расовых и классовых различий. В своей книге «Второе послание» он также отстаивал идею о том, что религия была создана человеком как реакция на страх перед опасностями, окружавшими человека с момента его создания Богом. При этом сам лидер партии утверждал, что получил послание (рисалю) о своем высоком предназначении непосредственно от Бога. Вместе с тем религия, по убеждению М.М.Таха, – это «ржавчина и скверна, которая скрывает путь человеку к его душе, к Богу и обществу», а «Коран – учит всему и ничему». Вера в единого Бога (таухид) – считал суданский религиозный диссидент – достигается соединением «разума сознания» и «скрытого разума» (114, с. 425-429). С точки зрения даже умеренных сторонников «истинного» ислама, такого рода высказывания, а тем более их распространение были недопустимы и подлежали «устранению».

Следует отметить, что будучи первоначально привнесенной идеологической концепцией (египетские «Братья-мусульмане»), суданский ис-

ламский фундаментализм развивался на национальной почве, впитывая в себя как достижения национальной исламской мысли, так и уже апробированные на практике (халифат махдистов) положения «истинного» ислама. Результатом этого развития в современных условиях доктрина суданского фундаментализма приобрела тенденцию к утрате своего радикального характера, сближаясь в известном смысле с ортодоксальными течениями в исламе. Значительную роль в создании современной идеологии суданских фундаменталистов продолжает играть ведущий теоретик и практик исламского движения в Судане Хасан Абдалла ат-Тураби, с именем которого связывается выход на авансцену политической жизни Судана в конце 80-х – начале 90-х годов сторонников «возрождения ислама».

Хасан ат-Тураби считается одним из видных теоретиков современной исламской богословской мысли. Лидер суданских фундаменталистов является автором целого ряда произведений по проблемам религии и священнослужения, женскому вопросу, общественной жизни, «обновлению ислама», конституционному строительству, а также проблеме власти и соотношения ислама и политики. Наибольшую известность ему принесли книги: «Молитва как основа веры и религии. Вера и ее влияние на жизнь человека» (1974 г.) и «Исламское движение в Судане» (1989 г.). При этом взгляды и юридическо-богословские подходы Хасана ат-Тураби к трактовке отдельных спорных исламских теологических положений вызывают критику в его адрес со стороны консервативных религиозных авторитетов. Главным объектом нападок идейных противников ат-Тураби в исламских кругах, обвиняющих его в религиозном оппортунизме и даже чуть ли не в ереси, стала книга «Проблемы обновления ислама: по пути фундаментализма» (1990 г.) (См.:140). В ней ат-Тураби предстает как сторонник «возрождения» исламской модели общественного устройства в духе фундаментальных ценностей. В то же время он выступает за «обновление» исламской законотворческой практики, ее развитие через взаимодействие с «новшествами» современности. Если «раннего» ат-Тураби все же можно было отнести к добросовестным последователям идеологов-основателей египетского движения «Братьев-мусульман» Хасана аль-Банни и Сейида Кутба, то поздние работы лидера суданских фундаменталистов свидетельствуют об известном изменении взглядов автора в сторону исламского «модернизма» и «реформизма».

В основе религиозной доктрины Хасана ат-Тураби лежит идея о существенном различии между религией (исповеданием веры) и религиозной практикой (благодетельством). Религия – считает ат-Тураби – это установленные Аллахом законоположения, которые заключены в Коране и сунне (шариат). Являясь главным проявлением религиозности, практика применения канонов ислама (юридическо-богословское наследие) выступает как результат деятельности мусульман в области осмысления первоисточников – текста Священного писания (Корана) и жития Пророка (сунны), а также трактовки их положений. Такой подход позволяет ат-Тураби обосновать необходимость соблюдения меры в применении традиционного ис-

ламского законодательства и его критического осмысления в свете актуальных проблем [62]. Кроме того, для расширения основы достижения консенсуса мнений разных исламских богословов ат-Тураби предлагает взять все лучшее из старого юридическо-богословского фундамента и многообразия современного исламского религиозного служения и использовать новейшие методы в анализе направлений развития общественной мысли.

Однако было бы неправильно связывать эволюцию взглядов Хасана ат-Тураби только с потребностью адаптации радикальной исламской концепции египетских «Братьев-мусульман» к суданским условиям. Следует учесть, что уже на ранних этапах своего зарождения идеология исламских фундаменталистов в Судане исходила из выдвинутого ат-Тураби положения о необходимости «возрождения славы и величия мусульманской религии путем доведения до конца дела ислама и восстановления тех частей религиозной доктрины, которые со временем были утрачены или ослаблены». Тем самым последователи ат-Тураби как бы изначально ориентировались не столько на «возврат к истокам», сколько на «реконструкцию», предполагающую известный элемент религиозного творчества. Некоторые исламские исследователи, например аль-Джихни, особо выделяют в этой связи «господствовавший в Национальном исламском фронте дух «иджитхада» (религиозно-юридических изысканий – К.П.), имевший целью «обновление ислама» (114, с.238).

Идейное противостояние суданских фундаменталистов своим достаточно многочисленным и разнообразным религиозным и идеологическим оппонентам в лице христиан, язычников-многобожников, мусульманских еретиков, суфиев (дервишей), представителей других течений и сект в исламе определило их особую тактику поведения. Еще в конце 80-х годов ат-Тураби писал: «Преобладающее влияние принадлежности к суфийским орденам и утрата общественного значения религии, вызванные политической борьбой, могут привести к тому, что личная религиозность членов общества будет существовать вне коллективного религиозного чувства, которое должно наполнять энергией общество и делать его жизнь соответствующей исламским представлениям» (200, с.430). Однако конфессиональный плюрализм суданского общества не позволил «возрожденцам» занять ультрарадикальные позиции и идти по предложенному египетским исламским экстремистом 60-70-х годов Мустафой Шукри пути создания изолированной от общества «группы мусульман», обвиняя всех остальных правоверных в «ереси» (183, с.39), допуская тем самым превращение их в объект «джихада». В условиях Судана избрание такого подхода означало бы для «Братьев-мусульман» немедленную политическую гибель.

Реалии общественной жизни потребовали от суданских «возрожденцев» отказа от использования в качестве главного метода реализации своих исламистских устремлений «такфир» (обвинение мусульман в ереси) и «хиджру» (уход из погрязшего в греховности общества). Более того, они избрали путь относительно широкой консолидации не только со свои-

ми сторонниками и единомышленниками, но, временами, даже с идейными попутчиками. Утрачивая таким образом свой радикализм с точки зрения чистоты идеологической доктрины фундаментализма, сторонники НИФ уже не могли быть полностью отождествляемы, например, с теми же «Братьями-мусульманами» в Египте.

Среди некоторых достижений теологических изысканий современных фундаменталистов в Судане можно отметить разработанное ими (главным образом самим Хасаном ат-Тураби) понятие «исламской личности». По их мнению, это определение исключает для истинного мусульманина возможность любого другого «религиозного угодничества» и «духовной лояльности», нарушающих основополагающий принцип единобожия. Смысл данного требования к мусульманам Судана постоянно сохраняет свою актуальность в виду традиционной для этой страны проблемы этно-конфессиональной полифонии (в Судане проживает около 600 племен, говорящих более чем на 100 языках и исповедующих различные религии и верования). Даже вновь принявшие ислам язычники-южане, многие из которых не владеют к тому же в необходимом для чтения религиозной литературы (или просто понимания на слух проповедей) объеме арабским языком, продолжают частично в той или иной форме поклоняться традиционным божествам и идолам.

Однако не только сложная этно-национальная и межобщинная ситуация в суданском обществе обусловили известную толерантность современных представителей исламского фундаменталистского движения. Переход суданских «возрожденцев» с радикальных на сравнительно умеренные позиции диктовался также соображениями прагматического характера с точки зрения борьбы за политическую власть в рамках установленных (привнесенных в период кондоминиума из Англии и Египта, или местного происхождения) демократических норм и институтов. При этом мотивы политической конъюнктуры играли не последнюю роль и иногда способствовали принятию руководством Национального исламского фронта (НИФ) во главе с Хасаном ат-Тураби неординарных решений в интересах более успешной конкуренции с другими политическими силами.

4. Приход к власти и политическая практика исламистов во второй половине 80-х годов

Постепенное выдвижение во второй половине 80-х годов на авансцену политической жизни Судана исламских фундаменталистов, возглавляемых ведущим идеологом и фактическим лидером национальной ассоциации «Братьев-мусульман» Хасаном Абдаллой ат-Тураби, стал закономерным продолжением предшествующего социально-экономического и политического развития страны. Предпринимавшиеся в течение всего периода независимости (с 1956 г.) попытки суданцев построить многопартийную систему по западноевропейскому образцу в условиях переходного общества с преобладающим влиянием родо-племенных, клановых и межконфессиональных противоречий неоднократно приводили в итоге к пере-

воротам и установлению на какое-то время режима военного правления (1958, 1969, 1985, 1989 гг.). Однако сменявшие друг друга военные и гражданские (представители «традиционных партий») политики так и не смогли предложить действенную программу решения главных проблем страны.

В этих условиях к власти в Хартуме пришли сторонники сравнительно небольшой, к тому же нетрадиционной для суданского общества религиозно-политической группировки «Братьев-мусульман». Приобретение исламскими фундаменталистами политически важных позиций в органах государственного управления сопровождалось установлением их доминирующей идеологической влияния в стране. Осуществление исламистами социально-экономических и политических преобразований происходило в соответствии с доктриной, опирающейся на разработанные видными исламскими теоретиками прошлого и современности принципы, позволяющие, как они считают, построить «истинно исламское общество». Их лидеру – Хасану ат-Тураби – принадлежит не только значительный вклад в теорию исламского движения, но и большая роль в практической реализации фундаменталистской концепции в Судане. Кроме того, наблюдаемые сегодня эволюционные изменения в стратегии и тактике суданских приверженцев «возрождения ислама» также во многом связываются с именем этого человека.

Хасан Абдалла ат-Тураби родился в 1932 г. в селении Вад ат-Тураби в развитом хлопководческом районе аль-Гезира в религиозной консервативной семье. Его отец был шариатским судьей и считался одним из признанных знатоков в богословии и мусульманском праве. С самого начала он поощрял сына к получению двойного образования. Хасан параллельно учился светским наукам в начальной и средней школе, одновременно посещая занятия в религиозном учебном заведении при местной мечети. Сверх того, отец много занимался с ним факультативно – обучал арабской филологии, юридическо-богословским наукам, светской юриспруденции, политическим наукам, а также чтению Корана наизусть и знанию комментариев к нему [63].

Получив такую подготовку, в 1951 г. Хасан ат-Тураби поступил на юридический факультет Хартумского университета, который раньше назывался Мемориальным колледжем Гордона в честь памяти британского колониального военачальника, погибшего в 1885 г. от рук боровшихся за независимость суданцев в ходе известного восстания махдистов. По окончании учебы в 1955 г. ат-Тураби была присвоена степень бакалавра. В том же году он выехал в Великобританию, где спустя два года стал магистром юридических наук в Лондонском университете, после чего в 1957 г. вернулся на родину в качестве младшего преподавателя на юридический факультет Хартумского университета. После непродолжительного периода педагогической работы ат-Тураби в 1959 г. снова отправился в Европу продолжать образование, теперь уже в знаменитую Сорбонну. Будущий лидер суданских фундаменталистов расширяет свои познания в

западной культуре не только на примере достопримечательностей Франции. В этот период он в первый раз посетил США, где ознакомился с деятельностью исламских организаций и центров. Совмещая научную работу с адвокатской практикой в Швейцарии (См.:193), ат-Тураби через четыре года с успехом написал (на французском языке) и защитил докторскую диссертацию по теме «Конституционное понимание чрезвычайного положения».

Проблематика диссертации оказалась актуальной для политических реалий Судана, где в это время ширилось движение против диктатуры генерала Ибрагима Аббуда, который в ходе военного переворота 1958 г. захватил власть, ликвидировав все демократические завоевания. Вернувшись накануне революционного выступления в 1964 г., ат-Тураби сразу включился в политический процесс, войдя в контакт с лидерами крупнейших традиционных партий и влиятельных суфийских орденов. В определенной мере этому способствовала его женитьба на родной сестре Ас-Садыка аль-Махди – председателя партии Аль-Умма. Кроме личных мотивов для молодоженов, этот союз имел целью сближение между сторонниками суданских «Братьев-мусульман» и крылом Ас-Садыка аль-Махди среди воинственных «ансаровцев» [64]. К этому времени ат-Тураби уже давно являлся активистом суданской ассоциации движения «Братьев-мусульман».

Впервые интерес к исламскому движению проявился у Хасана ат-Тураби во время обучения на юридическом факультете в Хартумском университете. В 1955 г. он стал одним из активных участников учредительного съезда ассоциации суданских «Братьев-мусульман». На руководящие посты ат-Тураби начал выдвигаться еще во время учебы в магистратуре в Англии, где он в течение двух лет избирался на должность генерального секретаря Союза суданских студентов в Соединенном королевстве («Иттихад ат-туллаб ас-суданийин») и генеральным секретарем Исламской лиги помощи в решении алжирских проблем («Аль-Джамийя аль-исламия ли нусрат аль-кадая аль-джазаирийя») [65], в создании которой в 1956 г. он принимал участие с другими студентами-мусульманами. Политическая активность ат-Тураби нашла свое проявление также в участии в акциях протеста против тройственной агрессии против Египта и организации помощи палестинским арабам.

После падения в 1964 году режима военного правления в результате общенационального выступления суданская ассоциация «Братьев-мусульман» с целью расширения масштабов своей деятельности и придания ей более светского характера создала политическую организацию под названием Фронт исламской хартии («Джабхат аль-мисак аль-ислами»), куда вошло около 50 мусульманских политических группировок. Новую организацию, сторонники которой выступали с требованиями принятия исламской конституции, возглавил Хасан ат-Тураби. Основной контингент членов организации приходился на студентов младших курсов Хартумского университета, особенно на выходцев из сельской местности

[66]. Завоевав значительный авторитет в процессе подготовки революции 1964 г., которая способствовала рождению ат-Тураби как политического деятеля, он был в первый раз избран в суданский парламент, получив большинство голосов в «образованных округах».

Начиная с 60-х годов нынешний лидер исламских фундаменталистов руководил движением «Братьев-мусульман» в Судане в качестве «генерального инспектора» ассоциации. В период с 1964 по 1969 гг. он избирался генеральным секретарем Фронта исламской хартии, требовавшего принятия исламской конституции. В это время суданские «Братья-мусульмане» вели активную пропагандистскую деятельность против режима Гамалья Абдель Насера в Египте, были организаторами антинасеровских выступлений в Хартуме в поддержку египетских «Братьев», подвергавшихся репрессиям. Однако позднее ат-Тураби и его сторонники оказали решительное противодействие планам вступления суданской ассоциации в международную организацию «Братьев-мусульман», над восстановлением которой в 70-х годах усиленно работали их египетские единомышленники, после того как от них отошел Анвар Садат. С 1968 г. суданские «Братья-мусульмане» совместно с другими оппозиционными группировками участвовали в организации антиправительственных выступлений. В это время под их эгидой в Хартуме состоялась очередная конференция исламистов, потребовавших введения в Судане законов шариата. После государственного переворота (так называемой «майской революции» 25 мая 1969 г.), в ходе которого к власти пришли военные во главе с Джаафаром Нимейри, все политические партии были запрещены. Хасан ат-Тураби, Али Осман Мухаммед Таха и ряд других руководителей «Братьев-мусульман» подверглись аресту.

В рамках борьбы с коммунизмом и силами арабского национализма в период с 1969 по 1977 годы режим Нимейри осуществлял активное подавление всех оппозиционных сил внутри страны, в том числе и движения «Братьев-мусульман», сторонники которого подверглись арестам и казням. Однако в условиях репрессий движение продолжило деятельность по распространению своего идеологического влияния, а также в сфере организационного строительства (114, 236). Поражение арабских стран в войне с Израилем в 1967 г. способствовало усилению роли «Братьев-мусульман» в политической жизни Судана. Ряды организации пополнились студентами, представителями интеллигенции и армейских кругов. Основным спонсором «Братьев-мусульман» в тот период являлась Саудовская Аравия. В свою очередь, США, опасавшиеся расширения коммунистического влияния на Судан и другие арабские страны, рассматривали «Братьев-мусульман» как фактор, противодействующий упрочению советско-суданских отношений.

Находясь в заключении, Хасан ат-Тураби продолжал контролировать деятельность «Братьев-мусульман», которые в середине 70-х годов наряду с другими политическими партиями вошли в нелегальный Оппозиционный фронт («Джабхат аль-муарада»). При этом до конца 70-х годов организация

«Братьев-мусульман» находилась в блоке с партией Аль-Умма. В 1977 г. суданская ассоциация «Братьев-мусульман» снова открыто заявила о своем существовании и перешла на полулегальное положение. Она формально отказалась от антиправительственной политической деятельности, заявив о самороспуске и вхождении в проправительственный Суданский социалистический союз (ССС), а также стала взаимодействовать с режимом в противодействии левым элементам, для чего, в частности, широко использовала подконтрольную прессу. В тот период «Братья-мусульмане» выпускали свой печатный орган «Арабское сообщество», издаваемый в Кувейте, и контролировали суданскую газету «Аль-Айям» («Дни»).

Заметная активизация суданских фундаменталистов, их успехи в захвате позиций в различного рода общественных объединениях и государственных организациях побудили Джаафара Нимейри принять меры, направленные на ослабление их влияния как оппозиционной силы в суданском обществе. В качестве наиболее эффективного средства была избрана так называемая «исламизация» органов власти. Значительное число представителей организации «Братьев-мусульман» было назначено на ответственные должности в системе госаппарата, армии, полиции и в региональных органах власти [67]. В рамках политики «национального примирения» Дж.Нимейри освободил ат-Тураби, и в марте 1978 г. лидер фундаменталистов был введен в состав политбюро Центрального комитета Суданского социалистического союза. В августе 1979 г. Дж.Нимейри назначил его генеральным прокурором Демократической Республики Судан с поручением подготовить предложения по реорганизации судопроизводства на основе шариата. Перехватывая инициативу у исламистов в свои руки, в сентябре 1983 г. Джаафар Нимейри объявил о введении шариатских законов, в соответствии с которыми было разрешено создание исламских банков, началась «борьба с незаконным обогащением», запрещены производство и оборот спиртных напитков. Кроме того, было объявлено о планах введения исламской конституции, что означало провозглашение Судана «исламской республикой».

Стремясь к укреплению личной власти, Джаафар Нимейри в своей борьбе с мусульманской оппозицией во многом исходил из тактических соображений, которых придерживались в 70-80-е годы многие секуляризированные политические элиты арабских стран. Их основная идея сводилась к тому, что «в условиях мусульманских стран, где религиозное мировоззрение является господствующим, политическую борьбу с улемами можно вести лишь при условии все большего вовлечения исламской идеологии в политику. Результаты такой тактики со временем, однако, начинают противоречить стратегическим задачам правящей элиты, поскольку тактическое использование ислама в качестве политического оружия усиливает его роль, что приводит к укреплению позиций клерикальной элиты» (191, с.117). В Судане на роль такой «элиты» в существовавших в то время условиях уже уверенно претендовали исламские фундаменталисты в лице «Братьев-мусульман», лидер которых Хасан ат-

Тураби мотивировал свое сотрудничество с властью намерением «реформировать режим изнутри» (56, с.168).

Однако политика «исламизации», которую провозгласил Дж. Нимейри, достигла своей цели: в организации «Братьев-мусульман» наметился раскол. Часть ее членов, возглавляемая Садыком Абдаллой Абд аль-Маджидом, в знак протеста против поддержки Хасаном ат-Тураби курса президента заявила о своем неповиновении руководству организации. Более того, позднее, накануне выступления в марте-апреле 1985 г., в ходе которого был свергнут режим Дж.Нимейри, эта группировка нашла возможным координировать свою деятельность с суданскими коммунистами. Это дало повод члену экономической комиссии ЦК Суданской Компартии Ахмеду Салему впоследствии заявить: «С резкими нападкамии в адрес президента выступили даже такие, казалось бы, верные союзники, как представители реакционной организации «Братья-мусульмане». Они подвергли уничтожающей критике Суданский социалистический союз – единственную легальную политическую организацию страны и даже весь политический строй Судана, который, по их словам, «не отражает воли народа» (184, с.67).

В свою очередь исламские фундаменталисты во главе с Хасаном ат-Тураби использовали создавшиеся легальные возможности для активизации усилий по распространению своего влияния и придания ему международного характера. В частности, в своем послании к участникам состоявшегося в Хартуме в 1981 г. съезда Всемирной конференции исламского призыва («Аль-Муатамар аль-алямий ли ад-даава аль-исламийя») ат-Тураби заявлял: «Находясь на границе исламского мира в окружении других конфессий, мы подвергаемся агрессивному влиянию извне. На созванном по призыву наших братьев из других стран форуме мы должны организовать миссионерскую деятельность с учетом необходимости обновления ислама в современном мире, в котором происходит борьба религий и культур» (139, с.3). Следует отметить, что главе суданских исламистов на протяжении всего периода его религиозно-политической деятельности было характерно, в том числе и сегодня, стремление не ограничиваться лишь Суданом при проведении масштабных агитационно-пропагандистских акций.

Во первой половине 80-х годов в рамках разработанной ат-Тураби стратегии суданские исламисты укрепили свои позиции в Организации исламского призыва («Муназзамат ад-даава аль-исламийя»), Африканском исламском агентстве помощи («Аль-Викаля аль-исламийя аль-ифрикийя ли аль-игаса»), а также приняли активное участие в учреждении ряда исламских банков и крупных торговых компаний. Кроме того, ими были установлены тесные связи с идеологически близкими международными организациями: Международным центром «Братьев-мусульман» в Женеве, Всемирной исламской лигой в Эр-Рияде, «Черными мусульманами» в США. Открылись их представительства в Женеве, Лондоне, Бейруте и Эр-Рияде. В это время суданские «Братья-мусульмане» получали финансовую поддержку со стороны частных и государственных организаций

некоторых монархических арабских государств Персидского залива, а также из фондов международных организаций, с которыми она поддерживала отношения сотрудничества.

Со своей стороны Дж.Нимейри понимал, что «Братья-мусульмане» осуществили лишь видимый самороспуск, заявив, что вошли в проправительственный Суданский социалистический союз, а на самом деле их организационная структура осталась в неприкосновенности, продолжая использоваться в интересах дальнейшего проникновения в государственный аппарат и силовые структуры. Весной 1985 г. Нимейри перешел к решительным мерам по пресечению деятельности фундаменталистов и развернул широкую кампанию арестов «Братьев», которых он обвинил в подготовке к захвату власти в Судане. В марте 1985 г. Хасан ат-Тураби, занимавший в то время пост советника главы государства по юридическим вопросам, был арестован. За исключением короткого периода пребывания на свободе с 1972 по 1973 гг. ат-Тураби находился в заключении семь лет, которые он провел за написанием религиозных сочинений, изучением иностранных языков, а также заучиванием семи способов чтения Корана нараспев.

Восхождение ат-Тураби к вершинам политической власти происходило на фоне ослабления влияния традиционных политических партий в Судане, нараставших трудностей в экономике. Для социально-экономического положения Судана в период, предшествовавший приходу во второй половине 80-х годов к власти нынешних сторонников «исламского возрождения», в целом было характерно «рахитичное состояние национального частнохозяйственного предпринимательства, отсутствие разработанных минеральных ресурсов, дефицит финансовых средств и избыток неквалифицированной рабочей силы» (186, с.18). Экономическая ситуация в стране значительно усугублялась зависимостью Судана от помощи международных финансовых организаций. В частности, Международный валютный фонд, а также США и некоторые западноевропейские государства, оказывавшие помощь, требовали от суданцев четкого выполнения экономических схем развития, которые оказались фактически непригодными для реализации в условиях переходного общества. В результате, к началу 80-х годов объем национального производства сократился вдвое по сравнению с 1971 г. Дефицит платежного баланса достиг 1 млрд. долларов, а внешняя задолженность – 4 млрд. долларов. Как писал английский журнал «Экономист», Судан «вчистую разорился, не в состоянии платить по счетам и некредитоспособен» (216, 1982 Febr. 20, p.55). К середине 80-х годов продолжился рост негативных тенденций в суданской экономике, что существенно осложняло социально-политическую обстановку в стране.

В этих условиях возглавляемое ат-Тураби движение фундаменталистов в Судане попыталось выполнить функцию выразителя интересов социальных групп, возникших из представителей дезинтегрированных слоев переходного суданского общества, со свойственным ему сложным перепле-

тением противоречий. Характер этих противоречий кроется в совокупности воздействия острых проблем экономической отсталости и протеста против буржуазной модернизации, который исходит из докапиталистических прослоек общества [68]. Кроме того, незатухающий конфликт на Юге, вынудивший эмигрировать и осесть в центральных районах страны многочисленных беженцев, хроническая экономическая отсталость и регулярные кризисы, порождающие массу пауперов, а также неустроенность и безработица молодежи – все эти и другие факторы наряду с неспособностью военных или гражданских политиков мобилизовать разрозненное суданское общество на решение общенациональных задач обеспечили поддержку населением идей нынешних исламских фундаменталистов.

Приход исламистов во власть осуществлялся в Судане постепенно, с использованием ставших уже традиционными для страны методов политических решений с участием военных, которые через некоторое время передавали власть гражданским политикам. Так, 6 апреля 1985 года министр обороны генерал Абд ар-Рахман Сивар ад-Дахаб совершил государственный переворот и по требованию исламистов освободил их лидера из тюрьмы. Выйдя из заключения, Хасан ат-Тураби на базе ассоциации «Братьев-мусульман» создал Национальный исламский фронт (НИФ) («Аль-Джабха аль-исламийя аль-кауумийя»), который включился в предвыборную борьбу за места в новом парламенте. Фронт был создан не только для консолидации рядов исламистов накануне проведения в том же году парламентских выборов, но и для объединения их усилий в целях подрыва влияния других политических партий и дервишеских орденов. В новой организации ат-Тураби удалось объединить не только разрозненные исламские группировки, но и привлечь в него вождей некоторых крупных племенных союзов. В результате на прошедших в том же году всеобщих парламентских выборах руководимый ат-Тураби НИФ занял третье место. В начале 1988 г. мусульманские фундаменталисты одержали в Судане новую важную победу. Они не только победоносно вступили в правительство «национального единства», но и добились решения о скорейшем восстановлении исламских законов. Премьер-министр Ас-Садык аль-Махди (лидер партии Аль-Умма), вначале решительно выступавший против «Братьев-мусульман» из Национального исламского фронта и обещавший даже отменить шариат, капитулировал перед требованиями лидера исламистов Хасана ат-Тураби, назначенного на пост министра юстиции. Партия Аль-Умма и Юнионистско-демократическая партия пытались устранить НИФ от власти, но без успеха. В 1988 г. НИФ вошел вместе с ними в тройственную коалицию, приобретя несколько мест в министерствах и парламенте. Однако до конца этого года ЮДП вышла из правительства по причине разногласий с премьером, после чего Ас-Садык аль-Махди сформировал двухпартийное правительство с участием НИФ, в котором ат-Тураби получил уже пост вице-премьера и министра иностранных дел.

Вслед за падением режима Дж.Нимейри центральные власти вновь выразили желание положить конец кровопролитному конфликту с населе-

нием южных провинций, которое взялось за оружие в 1983 году для того, чтобы бороться с исламизацией. Тогда бывший диктатор нарушил аддис-абеебское соглашение 1972 г., положившее конец первому периоду войны на Юге. Когда после 11-летнего затишья гражданская война в Судане в 1983 году вспыхнула с новой силой, руководство Национально-освободительной армии Судана (НОАС) потребовало отмены законов шариата и расширения экономической и политической самостоятельности Юга. Лидер южносуданских сепаратистов Джон Гаранг заявлял в 1985 г., что контролирует около 90% территории трех южных провинций (Верхний Нил, Экваториальная и Бахр-эль-Газзаль). Перед новым суданским руководством встала сложная проблема, суть которой, по мнению «Жен Африк», сводилась тогда к тому, что «свобода маневра между мощным исламским движением на севере и требованием Юга отменить шариат остается очень небольшой» (219, 27.01.1988 г.).

В декабре 1987 года правительство Судана провело в Лондоне переговоры о мире с представителями НОАС, но стороны так и не пришли к соглашению о прекращении гражданской войны, поскольку Национальный исламский фронт не соглашался на требования южносуданских сепаратистов еще до начала переговоров провести отмену законов шариата. В то же время позиции главнокомандующего НОАС Джона Гаранга и премьер-министра Судана Ас-Садыка аль-Махди сходились на необходимости отмены действующих «сентябрьских исламских законов», принятых при бывшем президенте Джаафаре Нимейри. Однако при этом премьер-министр выступал за замену их другими исламскими законами, а Дж.Гаранг требовал, чтобы вместо них был принят всеобщий кодекс исламского права. В этой ситуации Дж.Гаранг обвинил аль-Махди в желании «арабизировать» Южный Судан, сославшись на ранние труды премьер-министра, в которых тот призывал к созданию «исламской арабской республики в Судане» (212, 1988, № 1).

Новому суданскому гражданскому правительству с участием фундаменталистов приходилось также учитывать все большую вовлеченность иностранных государств в конфликт на Юге Судана. Лондонская «Файненшл таймс» в марте 1988 года писала: «Война, судя по всему, вызывает все больший интерес арабских государств, готовых помочь мусульманскому Северу, и африканских лидеров, которые стремятся оказать поддержку своим братьям-африканцам на Юге страны» (218, 25.03.1988 г.). Несмотря на военную помощь Эфиопии и поддержку Кении, НОАС временно отступила в результате массированного контрнаступления суданских войск, финансируемых и снаряжаемых арабскими государствами, в том числе Ираком и Саудовской Аравией.

Реакцией на усиление позиций исламистов в правительстве стало также обострение обстановки на Западе страны. В результате столкновений между арабскими племенами и племенами народности фура в этом районе погибло по меньшей мере 1500 человек (228, 23.05.1989 г.). Как сообщала в это время газета «Аль-Майдан», 20 тысяч вооруженных лю-

дей с обеих сторон готовились к военным действиям в районе города Заланджи в Дарфуре. По мнению суданских коммунистов, стычки провоцировали функционеры Национального исламского фронта (242, 23.05.1989 г.). Со своей стороны, заместитель генерального секретаря НИФ Али Осман Мухаммед Таха заявил, что «переговоры с мятежниками закончились провалом после того, как они в качестве предварительного условия для созыва конференции поставили отмену шариата». В этих обстоятельствах НИФ выступил против решения парламента отложить до конституционной конференции обсуждение проекта исламского уголовного кодекса, который был принят в апреле 1989 г. (249, 13.06.1989 г.).

Новое обострение ситуации на Юге Судана, вызванное неприятием шариата, и возникновение угрозы нападения на Хартум сил Джона Гаранга подтолкнули военные круги к очередному перевороту. Как обычно, армейское руководство обвинило политические партии в неспособности договориться между собой в интересах национальной безопасности. 30 июня 1989 г. радио Омдурмана объявило о возвращении армии к власти и о «революции национального спасения» под руководством генерала Омара Хасана Ахмеда аль-Башира, который возглавил Совет командования революции национального спасения (СКРНС). Несмотря на то, что новый суданский руководитель симпатизировал исламским фундаменталистам, тем не менее под давлением общественности, обвинявшей прежнее правительство в экономическом развале и угрозе голода, генерал отправил под арест всех видных политических деятелей, включая Хасана ат-Тураби. Однако уже вскоре исламским фундаменталистам были предложены ответственные посты в правительственных структурах, спецслужбах и армии. В новом правительстве из 13 вошедших в него гражданских деятелей с Севера только двое не являлись членами «Братьев-мусульман». По информации западных обозревателей, сам генерал Омар аль-Башир являлся выходцем из семьи, члены которой были сторонниками «Братьев-мусульман», а сам он был известен в свое время как один из функционеров военной организации Национального исламского фронта (222, 23.07.1989 г.). Таким образом, придя к власти в результате очередного в истории Судана военного переворота, исламские фундаменталисты получили новые возможности для реализации своих идей на практике.

ГЛАВА III РАЗВИТИЕ ИСЛАМСКОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА В СУДАНЕ В 90-Х ГОДАХ

1. Политическое и экономическое положение Судана в 90-х годах

В феврале 1992 г. декретом Совета командования революции национального спасения (СКРНС) была сформирована Переходная национальная ассамблея, призванная функционировать до избрания постоянно действующего парламента. 16 октября 1993 г. СКРНС принял решение о самороспуске и назначении Омара аль-Башира президентом Судана. В марте 1996 г. в Судане состоялись президентские и парламентские выборы, в ходе которых главой государства снова был избран Омар аль-Башир, а председателем парламента – Хасан Абдалла ат-Тураби. В то же время руководство Судана продолжало испытывать давление со стороны политических оппонентов – представителей «традиционных» партий и южносуданских сепаратистов. В апреле 1996 г. в Судане произошла попытка смены власти, предпринятая оппозиционными силами во главе с лидером партии Аль-Умма Ас-Садыком аль-Махди. В нейтрализации выступления оппозиции на стороне правительства выступил Национальный исламский фронт (НИФ), руководители которого были встревожены возможностью изменения политического режима в Судане. В 1998 г. была принята новая конституция, в разработку текста которой большой вклад внес лично ат-Тураби, являясь специалистом по конституционному праву. Анализ проекта этого документа показывает, что несмотря на исламскую риторику, новая конституция Республики Судан 1998 г. по основным положениям в целом соответствует общепризнанным стандартам [69].

С учетом складывавшейся во второй половине 90-х годов внутренней и международной обстановки перед суданскими фундаменталистами во главе с Хасаном ат-Тураби встала задача, с одной стороны, сохранения своих идеологических и политических позиций внутри страны, а с другой – проведения линии на создание своего приемлемого для стран Запада имиджа. В этой связи приоритет был отдан осуществлению экономических преобразований как основы социальной политики. Помимо традиционных для Судана проблем экономической отсталости, значительное влияние на социально-экономическое положение оказывает демографический фактор. Население страны, согласно оценочным данным на 1997 год, достигает почти 29 млн. человек, а среднегодовой прирост населения в последние годы составляет примерно 2,73 % (21, с.186; 95, с.21). Определенное улучшение экономического развития страны стало заметно уже после 1992 года, когда в Судане были предприняты энергичные шаги по рефор-

мированию национальной экономики. Их суть сводилась к переходу от жесткой плановой экономики к модели свободного рынка. Вместе с тем в нынешних условиях внутреннего и внешнеполитического положения страны нельзя говорить о снижении роли государства, прежде всего его бюрократического административного аппарата, в хозяйственной жизни Судана. В последние годы все более заметна линия руководства страны на изыскание, главным образом, внутренних ресурсов развития. В частности, планом экономических реформ на 1998 г. предусматривалось «продолжение работы по увеличению экономических мощностей путем проведения комплексной политики в отношении всех секторов национальной экономики в направлении накопления возможно больших ресурсов для программ и проектов развития». Такая политика привела к росту валового национального продукта в среднем на 6,1 % по сравнению с 5,5 % в 1997 г. Инфляция снизилась и достигла 8,9 % по сравнению с 31,9 % в 1997 г. и 114 % в 1996 г., что положительно сказалось на стабилизации экономики (22, с.10).

Позитивное влияние на финансовое положение Судана оказало также содействие ряда арабских стран и некоторых международных организаций. В частности, в 1999 г. были достигнуты следующие договоренности о предоставлении финансовой помощи. 27 июня 1999 года Исламский банк развития (штаб-квартира в Саудовской Аравии) подписал с Суданом соглашение о выделении кредита на сумму 9,5 млн.долл. для преодоления последствий прошлогоднего наводнения в Судане (всего для преодоления последствий требуется 230 млн.долл.). Всемирная продовольственная организация (ФАО) при ООН заявила, что предоставила продовольствия Судану в мае 1999 г. на сумму 1,5 млн. долл. 19 июля 1999 г. Ливия объявила о списании 300 млн. долларов долга Судану. 14 июля 1999 г. Международный фонд сельскохозяйственного развития при ООН объявил о выделении Судану кредита в 10,5 млн. долл. на сельскохозяйственный проект, общая сумма которого Национальный 23,7 млн. долл. Проект должен обеспечить продовольствием 700 тыс. человек в провинциях Умм Рувваба и Бара (северный Кордофан). Кредит предоставлен на 40 лет с отсрочкой выплаты на первые 10 лет (232, 06.07.99 г.; 14.07.99 г.; 231, 14.07.99 г.; 19.06.99 г.; 29.06.99 г.).

Несмотря на то, что суданцы продолжают рассматривать возможность получения иностранных инвестиций в качестве одного из приоритетных источников финансирования, наметилась тенденция более осторожного подхода к взаимодействию с международными финансовыми организациями. Еще в 1956 г. Судан стал членом Международного валютного фонда (МВФ) и Международного банка реконструкции и развития. В 1957 г. в страну была приглашена группа финансовых экспертов из Федерального резервного банка США для оказания помощи в создании Национального банка Судана. Кроме того, при содействии Арабского фонда экономического и социального развития в 70-х годах осуществлялась 10-летняя программа перспективного экономического развития, однако серьезного успеха достигнуто не было. В 1986 г. МВФ объявил Судан непла-

тежеспособным. Внешний долг Судана в это время составил 11 млрд. долларов США, а в 1989 году он достиг 13 млрд. долл.(95, с.24). Согласно сведениям на 30 июня 1997 года, этот показатель существенно возрос и достиг 19,7 млрд. долларов США. При этом можно отметить, что основными кредиторами Судана являются: государства-члены Парижского клуба – 28,7% от общей суммы внешнего долга Судана; национальные арабские фонды и фонды сотрудничества – 22,2%; Всемирный банк и Международный Валютный Фонд – 14,8%; коммерческие банки – 14, 7%; государства, не являющиеся членами Парижского клуба – 13% и пр. (21, с. 101-102). Учитывая огромную для Судана задолженность, руководство соответствующих министерств и ведомств страны, в первую очередь Национального банка Судана, в последнее время придерживается политики поиска внешних источников финансирования под конкретные проекты в сфере строительства новых производственных мощностей (заводы по переработке сырья), объектов транспорта, а также туризма.

В настоящее время сельскохозяйственное производство, включая лесоводство и рыбную ловлю, является основой экономики Судана. Продукция сельского хозяйства достигает более 90% стоимости национального экспорта. Основной технической культурой Судана является длинноволокнистый хлопок, который составляет 80% от выращиваемой в стране этой технической культуры. Остальные площади используются для выращивания сорго, пшеницы, сахарного тростника и арахиса, а также гуммиарабика (камеди), по экспорту которого Судан стоит на первом месте в мире [70]. Собираемые в Судане урожаи подвержены сильному влиянию со стороны климатических условий, прежде всего засухи. Это объясняет тот факт, что продовольственная проблема отнесена к разряду вопросов, затрагивающих национальную безопасность страны.

Важным направлением суданского сельского хозяйства является животноводство [71]. В 1997 году доля сельскохозяйственного производства в валовом национальном продукте составила 47,4% (в 1996 году этот показатель равнялся 45%). Удельный вес промышленной продукции в ВВП Судана достиг лишь 15% (в 1996 году – 14,5%). Остальная часть ВВП страны произведена в сфере услуг. При этом следует обратить внимание на то, что ежегодные темпы роста сельскохозяйственного производства в 1997 году превысили 13% (в 1996 году – 9,7%), а промышленного производства – 10,6% (в 1996 году – чуть более 7%) (21, с.87). Значительная часть промышленного производства приходится на частный сектор. Государственный сектор включает в себя ряд сравнительно крупных промышленных предприятий, транспорт.

В промышленности занято 4 % самодеятельного населения, ее доля в ВВП – 9 %. За первую половину 1999 г. сумма инвестиций в промышленность Судана достигла 26,3 млрд. динар в госсектор и 392,6 млрд.динар в частный сектор (234, 06.06.1999 г.). Обработывающая промышленность представлена легкой и пищевой, главным образом переработкой сельскохозяйственного сырья: заводами по консервированию ово-

щей и фруктов, кожевенно-обувными предприятиями, хлопчатобумажными и швейными фабриками, сахарными заводами, лесопильными и спичечными фабриками [72]. Развивается производство цемента, бумаги и картона.

Большое внимание правительство уделяет горнодобывающей промышленности: налажена добыча железной руды, хрома, марганцевой руды. Перспективной отраслью экономики Судана становится нефтедобыча. В 1979 г. компания «Шеврон» (США) заявила об открытии нефтяных залежей в центральных районах страны. По данным на август 1997 года, запасы этого сырья оцениваются в 20 млрд.т. В начале 1999 г. завершено строительство подземного нефтепровода протяженностью 1500 км, который соединил суданские месторождения нефти с Порт-Суданом на побережье Красного моря. Реализацией этого проекта занимается созданный в ноябре 1996 года международный консорциум, в состав которого входят китайская Национальная нефтяная компания (ей принадлежит 40% капитала консорциума), малайзийская компания «Петронас» (30%), канадская компания «Стейт Петролеум» (25%) и суданская государственная компания «Судапет» (5%). С 1977 г. функционирует нефтетрубопровод между Порт-Суданом и Хартумом, пропускной способностью 660 тыс.т. в год (216, 1999 г., vol.350, № 8108, с.43; 52, с.66; 210, 1997 г., № 35, с.27; 21, с.160-161). Развитию нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслей суданской экономики руководством страны придается особо важное значение. Обеспечение безопасности нефтяных проектов осуществляет специальная «Дивизия по защите нефтяных проектов», которая была сформирована из 2500 добровольцев, набранных из всех районов страны (241, 29.05.99 г.). Это связано с тем, что значительная часть трубопровода протекает в районах, примыкающих к зонам, которые контролируют южносуданские сепаратисты.

Несмотря на сложное международное положение Судана, его бойкот, суданская внешняя торговля ориентирована на ведущие западные страны. До настоящего времени крупнейшими импортерами суданских товаров являются: страны ЕС (в 1996 году на их долю пришлось 37% суданского экспорта), Саудовская Аравия (20,6%), Япония (5,8%), Египет (4,3%) и США (3,3%). Среди основных товаров, экспортируемых Суданом, следует выделить хлопок (в 1996 году суммарный экспорт хлопка в ценовом выражении составил 128,2 млн. долл. США), арахис (1,3 млн. долл. США), кунжут (141,1 млн. долл. США), гуммиарабик (29,5 млн. долл. США), сорго (2,6 млн. долл. США), скот (81,4 млн. долл. США), кожа (28,8 млн. долл. США), мясо (28,3 млн. долл. США), золото (53,6 млн. долл. США), сахар (33,3 млн. долл. США). В целом в 1996 году Судан экспортировал товаров на общую сумму 620,2 млн. долларов США [73]. Привлечению дополнительных инвестиций и оживлению внешнеторговых связей должна, по мнению руководства страны, послужить первая в стране свободная экономическая зона (СЭЗ), расположенная на побережье Красного моря в провинции Аль-Бахр аль-Ахмар (генеральный директор Суданской компа-

нии свободных зон и рынков Мухаммед Аббас Мухаммед Ахмед). На территории СЭЗ проложены шоссейные дороги, построены водоопреснительная станция и электростанция, служебные административные здания и таможенный терминал. Ряд иностранных инвесторов арендовал помещения еще до открытия СЭЗ (234, 30.05.1999 г.).

Развитие суданской экономики во второй половине 90-х годов сопровождалось соответствующими изменениями в социальной структуре суданского общества, появлением социальных групп, экономические интересы которых могут стать определяющими для дальнейшего общественно-политического развития Судана. В настоящее время в стране наблюдается процесс выдвижения на политическую авансцену представителей нового поколения суданской экономической элиты, стоящих, главным образом, на позициях политического прагматизма. В основном, это дети «исламских разnochинцев» – фундаменталистов, пришедших к власти в середине-конце 80-х годов на волне отрицания реакционной, в их понимании, роли традиционного ислама (тарикатов). Это новое поколение, получившее образование в странах Европы и США, активно занимается бизнесом, в основном со странами Запада и ведущими арабскими государствами и заинтересовано в установлении стабильности в стране [74]. Осознавая, что для Судана в сложившихся условиях был бы крайне опасен отказ от уже устоявшейся социально-политической системы, «новые суданцы» предпочитают использовать исламскую модель для продвижения своих интересов. Однако их идеологические установки не сводятся только к использованию исламской риторики для прикрытия экономических и политических целей. Рассматривая исламскую модель развития как наиболее перспективную в социально-экономическом и политическом отношении, новая элита Судана придерживается взглядов сторонников концепции неизбежности глобального кризиса «западной модели развития», который должен последовать за крахом коммунистического атеизма. По их мнению, в рамках противостояния с западной цивилизацией Россия, обладающая мощным интеллектуальным и технологическим потенциалом, выступает как вероятный союзник располагающих значительными финансовыми средствами нефтедобывающих стран исламского мира.

2. Эволюция взглядов Хасана ат-Тураби в 90-х годах

Выйдя из-под ареста в начале 1990 г., Хасан ат-Тураби вновь вошел в активную политическую деятельность по дальнейшему укреплению влияния исламистов. Восстановленный под его руководством НИФ быстро превратился в наиболее влиятельную политическую организацию в стране, оттеснив традиционные политические силы. Высшим органом Фронта являлась Генеральная ассамблея («Аль-Джамийя аль-амма»), состоявшая из 250 депутатов, представляющих все районы Судана. Она избирала Главный консультативный совет («Маджлис аш-шура аль-ам») в количестве 60 членов, который формировал руководящие органы НИФ – политбюро и секретариат [75]. Количество членов Фронта в середине 90-х годов можно

приблизительно оценить в пределах от 80 до 100 тысяч человек. Большое значение руководство НИФ придавало работе среди офицерского корпуса. Все члены Фронта проходили общеобразовательную, религиозную и военную подготовку. НИФ имел собственные военизированные и разведывательные структуры, которые подчинялись секретариату, а также подразделение, занимающееся выявлением в зарубежных странах группировок и организаций, проводящих враждебную в отношении к Фронту деятельность. Заграничный аппарат Фронта состоял из официальных представительств и нелегальных ячеек этой организации.

Характеризуя место исламских фундаменталистов в политической системе Судана, следует учитывать, что взаимоотношения между НИФ и руководством Судана во главе с Омаром аль-Баширом складывались во второй половине 90-х годов неоднозначно. С одной стороны, многие активисты, бывшие функционеры и некоторые руководители Фронта занимали или занимают важные посты в органах представительной и исполнительной власти и оказывают доминирующее влияние на формирование внешней и внутренней политики Судана. С другой стороны, секуляризированная политическая элита и связанные с ней группировки технократической направленности проявляют недовольство влиянием фундаменталистов, которое, по их мнению, не позволяет наладить нормальные отношения с западными странами и с северным соседом – Египтом. Последний, в свою очередь, продолжает обвинять суданских исламистов в поддержке египетских «Братьев-мусульман», недовольных прозападной политикой Хосни Мубарака. Однако, несмотря на определенный рост оппозиционных настроений в обществе, суданское правительство во второй половине 90-х годов сумело удержать ситуацию под контролем.

В то же время политическая практика показала, что попытки современных идеологов «исламского возрождения» в Судане самим следовать положениям концепции основателя движения «Братьев-мусульман» Хасана аль-Банни, выдвигавшего, в частности, требование о роспуске всех существующих партий и «объединения всех сил нации в единую партию» (то есть «Братьев-мусульман», – К.П.) (103, с.373), не адекватны существующей специфике суданских условий политической деятельности, имеющих институтов и сложившихся политических традиций. В силу указанных обстоятельств даже наиболее радикально настроенные силы в исламском фундаменталистском движении вынуждены были внести коррективы в свою политическую практику. Так, в середине 90-х годов руководство НИФ изменило условия членства в этой организации, преодолев тем самым существовавший ранее у «Братьев-мусульман» жесткий подход к сохранению «чистоты рядов». Теперь вступить в эту организацию могло племя, дервишеский орден или группа людей, так же как и отдельные лица, даже если они раньше имели какую-либо религиозно-общинную или племенную принадлежность, или же являлись сторонниками политических партий. Главным условием при вступлении в членство стало признание ими приоритета своей лояльности к Национальному исламскому фронту (114, с.237).

Суданское руководство в середине 90-х годов пришло к пониманию, что продолжавшееся относительно ухудшение положения страны на международной арене чревато серьезными экономическими последствиями. Поэтому правительство Судана стало прилагать все возможные усилия для создания благоприятного образа своего государства в глазах мировой общественности, прежде всего, в целях налаживания экономических связей. Теоретическое обоснование такого курса находит выражение в работах ат-Тураби, который отмечает, что «самой главной обязанностью современного исламского движения сегодня является его открытость всему миру» (141, с.5). В частности, рассуждая о проблеме определения роли и места ислама в современных условиях, ат-Тураби развивает мысль о необходимости «обновленческого» подхода к реализации фундаменталистской доктрины. Это предполагает, помимо прочего, признание существующего порядка в международных делах, а также поиск основы для достижения взаимопонимания с представителями других конфессий. По его мнению, «реалии современного взаимосвязанного и взаимозависимого мира, основанного на взаимовлиянии и общности судеб наций, народов, групп и движений, делают актуальной для нас необходимость искать и создавать почву для диалога (с Западом – К.П.). Действительность побуждает нас к пониманию других, их истории, условий их жизни и возможностей, что в свою очередь заставляет стремиться к взаимному сближению и обучению» (141, с.4). Таким образом, прежние акценты ат-Тураби начала 80-х годов на «борьбе религий и культур» смещаются в сторону их мирного сосуществования.

Однако эта эволюция взглядов Хасана ат-Тураби не означает коренного пересмотра прежних позиций, а скорее их адаптацию к новым условиям, как бы в духе известного «нового политического мышления». Во-первых, обращает на себя внимание, что, являясь идеологом «исламского возрождения» и одновременно прагматиком в политических вопросах, ат-Тураби не может не видеть границ возможностей для такого межконфессионального сосуществования. Поэтому он предлагает пойти по пути «создания прочной основы истинного сотрудничества в понимании природы многих проблем, которые ставит перед нами наша эпоха, осуществления попыток сплочения вокруг общих аспектов в наших правах и обязанностях, а также проведения интеграционной работы таким образом, чтобы не нанести ущерба совместному стратегическому взаимодействию» (141, с.5). Во-вторых, ат-Тураби в то же время не скрывает активной миссионерской направленности во внешней политике возглавляемого им суданского фундаменталистского движения. Он считает, что после долгого периода замкнутости сторонникам «традиционного исламского наследия» предстоит культурно обогатить остальной мир, которому они «адресуют свое послание и несут ему свое духовное богатство как непреходящую ценность» (141, с.4). Такая постановка вопроса означает не только своеобразный дуализм идеологической концепции ат-Тураби, о котором говорилось ранее. Стремление обновить исламскую теорию и практику в по-

лигиозном и многоконфессиональном Судане в сочетании с попытками проведения независимой внешней политики характеризуют безусловную личную смелость и убежденность суданского лидера.

Демонстрируемая сегодня суданскими руководителями готовность развивать широкие международные отношения по межгосударственной линии во многом обусловлена ухудшением отношений Судана с западными странами после прихода к власти в стране исламских фундаменталистов, которых правящие круги на Западе обвиняют в поддержке «исламского терроризма» и экспорте идей исламской революции. При этом суть противоречий между Суданом и западными странами зарубежные политики (на Западе) иногда представляют либо как продолжение противостояния по оси «Север-Юг», либо как отражение конфликта между христианским и исламским миром, либо же в контексте противодействия процессу распространения норм демократии западного типа в странах Востока. Со своей стороны, некоторые ведущие суданские исследователи также не склонны в полной мере принимать первую половину дуалистичного подхода ат-Тураби в части «консенсуса» с неисламским миром по главным проблемам современности. Например, Аун аш-Шариф Касим, считает, что «это согласие в некоторых областях представителей двух цивилизаций не ликвидирует основного различия между ними, которое делает одну из них – западную – распадающейся цивилизацией индивидуализма, а вторую – исламскую – универсальной интегристской цивилизацией» (119, с.139). Это различие, по мнению бывшего министра по делам религии Судана, заключается в огромном внутреннем потенциале ислама, который «в современном качестве преодолевает свое традиционное значение и приобретает новую форму для людей и их связей с обществом. В силу гуманизма, возможности объяснения всего сущего, опоры на Создателя, ислам стал первой универсальной идеологией, способной не только организовать духовную и общественную жизнь людей, но и воздействовать на существовавшие до него религии» (119, с.37).

В значительной мере секрет нынешних политических успехов суданских «возрожденцев» кроется в дуализме идеологической доктрины ат-Тураби, как бы соединяющей западный прагматизм и исламский фундаментализм. С одной стороны, возникнув как религиозно-политическая группировка, суданские фундаменталисты под эгидой ассоциации «Братьев-мусульман» принимали активное участие в политической жизни страны наряду с другими партиями, боровшимися за голоса электората. Они проводили мощные избирательные кампании, получали депутатские мандаты в представительных органах власти, вступали в правительственные коалиции, блокировались с теми или иными политическими силами – от традиционных партий, основанных на базе дервишеских орденов, до суданских коммунистов – в зависимости от складывающейся политической конъюнктуры. С другой стороны, выигрышность места «возрожденцев» на политической арене Судана изначально определялась их установками на «антипартийность», которая заключалась в отрицании права на существование партий в «умме» (мусульманской об-

щине). При необходимости это давало им возможность выступать против других партий («европейского типа») как явления, в принципе не соответствующего традиционным исламским представлениям.

После принятия новой конституции в 1998 году ат-Тураби значительно укрепил свои позиции в политической системе Судана. В настоящее время он является генеральным секретарем Национального конгресса Судана («Аль-Муатамар аль-ватаний»), который считается правящей партией. Одновременно он возглавляет созданный по новой конституции парламент – Национальный совет («Аль-Маджлис аль-ватаний»), а также Народную исламскую конференцию («Аль-Муатамар аш-шаабий аль-ислами»), которая представляет собой неправительственную организацию, объединяющую исламские движения и отдельных мусульманских идеологов из разных стран мира. Предполагалось, что очередная сессия этой конференции будет созвана в феврале 1999 г., однако она была отложена по просьбе суданского правительства в соответствии с рекомендациями службы безопасности.

Таким образом, став во многом благодаря деятельности ат-Тураби представителями доминирующей в обществе идеологии и находясь практически в положении правящей партии, суданские фундаменталисты пошли на проведение более умеренной политики в рамках своего «исламского призыва». Не исключено, что в перспективе дальнейшая эволюция идеологии суданских фундаменталистов может создать предпосылки для перехода их на позиции «реформизма» и «модернизма» по пути все большей адаптации норм ислама к «новшествам» современного общества.

3. Развитие партийно-политической структуры Судана. Создание и деятельность Национального конгресса

После принятия новой Конституции страны и «Закона о политических объединениях» 1998 г. в рамках проводимой руководством страны политики демократизации начался процесс воссоздания существовавшей ранее многопартийной системы. Уже к концу 1999 г. в Судане действовали 17 зарегистрировавшихся в соответствии с законодательством (из 26) политических партий [76]. Часть из этих партий представляет собой восстановленные «традиционные» партии (Аль-Умма, Юнионистско-демократическая партия), другие, например, Партия исламской общины, Партия свободных демократов, Организация народных конгрессов, Народный союз рабочих сил и др., являются вновь образованными. Часть партий – Аль-Умма, Юнионистско-демократическая партия (ЮДП) и др. – оказались расколотыми на «зарегистрированные» (то есть прошедшие регистрацию в соответствии с новым законодательством) и отвергшие сотрудничество с властями (так называемые оппозиционные). Так, Зин аль-Абдин аш-Шариф аль-Хинди возглавляет «зарегистрированную» ЮДП в Хартуме, а Осман Али аль-Миргани руководит «незарегистрированной» ЮДП со штаб-квартирой в Каире. Именно нелояльные к властям партии составляют костяк политической оппозиции на севере и юге страны, объ-

единенной в рамках Национального демократического альянса (НДА), который выступает за свержение нынешнего правительства. В настоящее время НДА включает в себя: базирующуюся в Эритреее партию Аль-Умма, которую возглавляет лидер НДА, бывший премьер-министр Ас-Садык аль-Махди; Юнионистско-демократическую партию (ЮДП) во главе с Османом Али аль-Миргани со штаб-квартирой в Каире, действующую на юге Народно-освободительную армию Судана (НОАС) во главе с Джоном Гарангом, а также несколько других группировок.

Относительная стабилизация в экономике в конце 90-х годов позволила суданским властям продолжить проведение курса на либерализацию внутриполитической жизни страны. Развернутая Хартумом в начале 1999 года широкая пропагандистская кампания в пользу достижения национального примирения и прекращения 16-летней гражданской войны вынудила лидеров крупнейших на севере Судана оппозиционных партий продолжить диалог с правительством. В начале мая 1999 г. в Женеве состоялись двухдневные консультации спикера суданского парламента с главой НДА Ас-Садыком аль-Махди. Встреча аль-Махди – ат-Тураби, к которой позже присоединилась жена лидера исламских фундаменталистов, стала первой между ними со времени, когда возглавляемое лидером Аль-Уммы правительство Судана, свергнутое в результате бескровного переворота почти 10 лет назад, бежало из страны в декабре 1996 года. Эта встреча вызвала серьезные опасения и резкую критику со стороны других оппозиционных сил, входящих в НДА. Видимо, чтобы успокоить других членов оппозиции, вскоре после этой встречи генеральный секретарь Аль-Уммы Омар Нур ад-Даим сообщил, что в запланированном на 7 июня 1999 г. в Асмаре съезде НДА примут участие представители всех 15 оппозиционных движений, входящих в альянс. Съезд должен был обсудить принципиальные политические вопросы: отношение между религией и государством, гарантии политической свободы, мирное урегулирование, проблему Юга, права и обязанности граждан Судана, вопросы демократизации, образа правления в стране, ее административного устройства, формы правления (президентская или парламентская) (234, 26.05.99 г.).

Вторая крупнейшая на севере Судана оппозиционная партия ЮДП весьма настороженно восприняла мирные инициативы ат-Тураби. По мнению руководства этой партии, предпринятые правительством шаги с целью возродить многопартийную систему не отвечали его истинным замыслам. «Выборы предназначены для того, чтобы обмануть международное общественное мнение», – заявил на пресс-конференции высокопоставленный функционер ЮДП Сид Ахмед Хусейн, добавив, что «конституция 1998 г. и Закон о политических объединениях, вступивший в силу в январе 1999 г., были призваны оказать содействие группировке ат-Тураби, представленной правящей партией – Национальным конгрессом Судана» (204, 01.06.99 г.). Кроме того, ЮДП считала, что несмотря на прекращение арестов известных политических деятелей, в стране растет недовольство, вызванное коррупцией. В конце мая ее лидер Осман Али аль-Миргани в

составе делегации из 15 человек посетил Ливию, где под эгидой ливийского руководителя Муаммара Каддафи провел переговоры с министром иностранных дел Судана Али Османом Мухаммедом Тахой. Каддафи попытался уменьшить разногласия между ЮДП и суданским правительством (234, 30.05.99 г.). Позднее последовало опровержение о факте встречи министра иностранных дел Судана с оппозицией, однако в прессу просочилась информация о том, что еще 8 мая М.Каддафи провел переговоры по этому же вопросу с Ас-Садыком аль-Махди (233, 30.05.99 г.).

Наиболее непримиримая оппозиция в лице ЮДП, вероятно, небезосновательно расценила майскую встречу ат-Тураби с аль-Махди как направленную на внесение раскола в НДА. До этого правительство уже успешно использовало дипломатический стиль «один на один» в качестве инструмента для дробления группировок южносуданских сепаратистов. Таким путем, в частности, в апреле 1997 г. было подписано мирное соглашение между правительством и несколькими группировками повстанцев. В настоящее время руководство страны считает, что в процесс национального воссоединения необходимо вовлечь прежде всего Народно-освободительную армию Судана (НОАС) во главе с Джоном Гарангом, которая входит в НДА и с 1983 г. ведет вооруженную борьбу за отделение Юга. Со своей стороны представители НОАС периодически демонстрируют готовность к ведению мирных переговоров с правительством, гарантом которых выступает региональная группа под названием «Международная организация по развитию Восточной Африки» (204, 07.05.99 г.).

Ситуация в оппозиционном движении на Юге Судана осложняется этническими и межплеменными распрями. Наряду с НОАС на Юге имеются племенные группировки, ориентирующиеся на федеральное правительство и пользующиеся его поддержкой. Их деятельность курируют некоторые высокопоставленные чиновники в законодательном и исполнительном органах власти страны. В частности, помощник президента Судана Рек Мачар, дезертировавший из НОАС в 1996 году, контролирует альянс шести южносуданских проправительственных военных группировок. Однако он считает, что неспособность правительства претворить в жизнь условия мирного соглашения, которое его альянс подписал в апреле 1997 года, затрудняет задачу убедить НОАС сложить оружие. Недавние попытки вождей племени нуэр (часть из которых получает оружие от правительства) и племени динка (оплота НОАС) уладить межплеменной конфликт в богатом нефтью штате Юнити потерпели провал, поскольку война теперь идет не за территорию, не за тот или иной город, а за контроль над нефтяными ресурсами (204, 01.06.99 г.).

В рамках проводимого Омаром аль-Баширом курса на укрепление своих позиций в создаваемых в стране новых политических структурах используются различные возможности. При непосредственном участии президента Судана в конце мая 1999 г. состоялось возвращение на родину после 14-летнего пребывания в Каире бывшего президента Судана Джаафара Нимейри. Вскоре после приезда в Хартум на родину

Дж.Нимейри создал партию Союз народных рабочих сил («Тахалюф кува аш-шааб аль-амиля»), которая в своей деятельности ориентируется на идеологию бывшего Суданского социалистического союза – единственной разрешенной партии во времена правления Дж.Нимейри. Бывший президент Судана возглавил коммерческое предприятие «Нимейри девелопмент энд инвестмент компани», которое намерено действовать в таких областях, как сельское хозяйство, энергетика, водоснабжение, здравоохранение. При фирме создана благотворительная организация. В ближайших планах Дж.Нимейри числится строительство Центра суданских исследований (204, 14.05.99 г.; 22.05.99 г.; 17.11.99 г.). Со своей стороны суданская оппозиция в лице аль-Махди заявила, что Нимейри квалифицируется ею как «диктатор и преступник, который несет ответственность за 12 тысяч жертв в период своего правления» (234, 26.05.99 г.).

Политические шаги, предпринятые суданским руководством в течение 1999 г. в направлении достижения диалога с оппозицией, увенчались определенным успехом. 25 ноября 1999 г. в Джибути по инициативе президента этой страны Исмаила Омара Джейли была организована встреча президента Судана Омара Хасана Ахмеда аль-Башира и лидера оппозиции Ас-Садыка аль-Махди, на которой были определены принципы осуществления всестороннего политического урегулирования. Соглашение, которое подписали министр иностранных дел Судана Мустафа Осман Исмаил и секретарь партии Аль-Умма по вопросам международных отношений Мубарак Абдалла аль-Фадиль, предусматривало, что в целях прекращения гражданской войны и заключения соглашения о справедливом мире конфликтующие стороны берут на себя обязательства придерживаться следующих принципов: патриотизма как основы обеспечения конституционных прав и обязанностей граждан; непредоставления ни одной национальной группе каких-либо привилегий в связи с ее религиозной, культурной или языковой принадлежностью; приверженности международным соглашениям о соблюдении прав человека; признания факта религиозного, культурного и языческого плюрализма в Судане; сохранения федеративного устройства страны, распределения власти между субъектами федерации (штатами и провинциями); обеспечения справедливого участия в управлении на всех уровнях и распределения природных богатств и др. Кроме того, соглашение в Джибути между правительством и оппозицией предусматривало: обязательное участие всех суданских политических сил в сохранении системы демократического плюрализма, обеспечивающей права человека и политические свободы; установление подходящего для Судана демократического строя на основе федерализма, конституционного разделения ветвей власти, распределения полномочий между штатами и провинциями; обеспечение в соответствии с конституцией религиозного и культурного плюрализма в стране, мирного сосуществования между представителями разных вероисповеданий; приверженность поступательному развитию национальной социально-экономической базы, гарантии механизму свободного рынка и социальной справедливо-

сти. Реализацию данного соглашения предполагалось завершить в течение четырехлетнего переходного периода, а по его завершении провести референдум на Юге в границах 1956 г. по вопросу выбора между отделением и добровольным единством на основе федерализма.

Успеху президента на переговорах с оппозицией в значительной мере способствовала демонстрация сплоченности военных и фундаменталистов, объединившихся в рамках «правящей» партии – Национального конгресса Судана (НКС)(«Аль-Муатамар аль-ватаний»), председателем которого является президент страны Омар аль-Башир, а генеральным секретарем – Хасан ат-Тураби. До кризиса в декабре 1999 г. национальный парламент состоял примерно на 2/3 из членов НКС. Впервые о создании этой организации было объявлено в 1989 г., незадолго до «революции национального спасения», в ходе которой к власти пришел нынешний режим. После этого НКС наряду с другими партиями был запрещен, но продолжал действовать полулегально. После прохождения необходимых процедур для регистрации в соответствии с новым законодательством 3 февраля 1999 г. состоялся первый официальный съезд НКС. В его работе приняло участие 179 членов-учредителей, которые представляли различные общественно-политические круги Севера и Юга страны (36, с.1-3).

Главным событием политической жизни Судана последних лет стал общесуданский съезд Национального конгресса, который прошел в период с 7 по 9 октября 1999 г. в Хартуме и получил название «учредительного». Созыв этого съезда был продиктован необходимостью выработки стратегии и тактики партии в новых условиях, а также консолидации партийных рядов накануне всеобщих парламентских выборов. Мероприятия проходили на территории земельного участка, приобретенного в собственность НКС у муниципалитета г.Хартум, освоенного при содействии 11 торговых и промышленных компаний. На съезде присутствовало 8 493 из 10 тысяч приглашенных делегатов (28, с.10). Они представляли все основные конфессиональные группы страны: мусульман, христиан (католиков, протестантов и коптов), анимистов и др. По социально-профессиональному признаку среди делегатов съезда значительную группу составили выходцы из слоев средней и мелкой торговой и промышленной буржуазии, представители интеллигенции и армейских кругов.

Широкую поддержку организации и проведению съезда оказали представители нового поколения суданской политической и экономической элиты. Многие из них принимают активное участие в работе руководящих органов НКС. Следует отметить, что программные документы НКС определяют участие национальных предпринимателей следующим образом: «Возникшее в русле проведения общей экономической политики предпринимательское движение выросло как в идейном отношении, внеся свой вклад в знания о происхождении, сущности капитала и его воспроизводстве, так и в плане образа жизни, благочестиво используя капитал в интересах общества. На деятельность этого сектора оказывает влияние увеличение членства в партии его представителей. Это создает дух конкуренции в религиоз-

ной благотворительности и совершении добрых дел, способствует подъему жизненного уровня общества через рост уровня жизни индивидуума и групп населения. Их участие в партийных делах способствует также установлению братских отношений, атмосфере сотрудничества и взаимного совета. Они вносят свой вклад в разработку планов партии и определение направлений ее политики в сфере экономики, консультируя по вопросам роста производства и повышения производительности труда, использования конъюнктуры на мировом рынке» (27, с.9).

На форуме присутствовали представители около 40 государств (на день открытия было зарегистрировано прибытие делегаций из 23 государств), главы иностранных дипломатических миссий, аккредитованные в Судане, а также зарубежных партий и организаций, включая сирийскую БААС, ООП и др. Кроме того, приглашения были направлены главам всех суданских зарегистрированных партий, представители которых также присутствовали на этом форуме (36, с.4). Следует отметить, что НКС первым из политических партий созвал свой съезд после процедуры регистрации. Его проведению предшествовало более 600 районных партийных конференций, более 150 партконференций в провинциях, 26 – в штатах. Каждый штат был представлен на форуме 300 делегатами. Генеральный секретарь НКС Хасан ат-Тураби лично присутствовал на всех конференциях в штатах (233, 07.10.99 г.).

Проведение октябрьского съезда НКС осуществлялось на основе «Положения о составе, организации работы и деятельности политических органов Национального конгресса 1998 г.», принятого в соответствии с 6-й частью Устава НКС [77] на 3-м пленуме Консультативного комитета («хейат аш-шура», фактически аналог ЦК) НКС 29 июня 1998 г. Направление делегатов на октябрьский (1999 г.) общесуданский съезд Национального конгресса проводилось в соответствии с пропорциями, установленными в указанном Положении для членов партии и обычных граждан, согласно принципу так называемой «справедливой доли» [78]. Эти квоты должны были обеспечить равное участие членов партии, сочувствующих и иных граждан в обсуждении наиболее важных вопросов внешней и внутренней политики [79].

Созыв съезда означивал завершение очередного этапа проводившейся в последние годы Хасаном ат-Тураби политики по созданию новой демократической партийно-политической системы Судана, которая предусматривала переход к принципам «прямой народной демократии». Однако сам НКС в период подготовки к своему съезду не избежал фракционной борьбы. Главным пунктом противоречий стал вопрос о власти в партии и соотношения руководящей роли НКС с полномочиями директивных органов страны. В начале 1999 г. оформилась группировка, получившая название по распространенному ею в январе 1999 г. заявлению – «Меморандум 10-ти». В нее вошел ряд высокопоставленных функционеров НКС и общественно-политических деятелей страны, в том числе Бахауддин Ханафи (директор Центра стратегических исследований), Нафи

Али Нафи (бывший глава суданской службы безопасности), Ибрагим Ахмед Омар (член руководства НКС), Сейид аль-Хатыб (бывший секретарь Генсека НКС), Бакр Хасан Салех (советник Президента) и др. В своем заявлении члены указанной группировки высказались за то, чтобы Президент страны возглавил высшую исполнительную (а не только административную) власть в стране и в партии.

Подготовка к съезду НКС велась в условиях дальнейшего обострения политической борьбы в стране. Это было вызвано тем, что суданские политические партии, активно участвующие в избирательных кампаниях различного уровня, использовали весь арсенал средств и методов предвыборной агитации. Роль традиционных религиозных лидеров – руководителей суфийских орденов за последнее время несколько ослабла, хотя они сохранили свое мощное влияние в сельских районах страны. Руководству НКС удалось внести раскол в ряд влиятельных традиционных партий Судана, возникших еще в 40-х годах прошлого столетия и доминировавших в национальных правительствах в периоды «демократизации» политической жизни. В частности, на съезде присутствовали представители официально зарегистрированной партии Аль-Умма во главе с Ан-Нур Джадином и отколовшейся от Юнионистско-демократической партии фракции во главе с шерифом тариката Аль-Хиндийя Зин аль-Абдин аль-Хинди. В то же время лидер оппозиционной партии Аль-Умма Ас-Садык аль-Махди направил открытое письмо съезду НКС, в котором выразил свое несогласие с позицией, занимаемой руководством Конгресса по наиболее важным проблемам страны, в том числе по проблеме Юга Судана. Особое негодование Ас-Садыка аль-Махди вызвало заявление руководства НКС о возможном предоставлении независимости вплоть до отделения трем южным провинциям.

Накануне съезда в прессе была развернута дискуссия по вопросам выработки генеральной линии НКС в сфере политики, экономики, международных отношений, местного самоуправления и установления мира на Юге страны. Особое место в дебатах занимала проблема демократизации политической жизни в стране. Выступивший по этому вопросу министр информации и культуры Амин Хасан Омар (член руководства НКС) заявил, что «главной проблемой, с которой сталкивается демократия в Судане, является слабость демократической культуры внутри самих политических партий, их неспособность к дисциплине в рамках партийной демократии». Острая борьба на съезде между представителями различных политических группировок развернулась вокруг вопроса о партийном строительстве и перспективах применения Закона о политических объединениях 1998 г. В частности, министр информации и культуры Амин Хасан Омар отметил, что этот закон не является чем-то новым в мировой или суданской политической практике. Указывая на действие аналогичных законодательных актов во многих государствах, он отметил схожесть предъявляемых к деятельности политических объединений условий: обязательность национальной принадлежности партий, отсутствие организационной связи с зарубежными фили-

алами иностранных партий, отказ от финансирования из-за рубежа, неприменение метода насилия или незаконной вооруженной деятельности, а также избранность руководства снизу демократическим путем. По словам А.Х.Омара, оппозиционный Национальный демократический альянс («Ат-Таджаммуа аль-ватаний ад-димукратый») со своей стороны подготовил проект закона о политических партиях, который учитывает перечисленные условия, но добавляет к ним запрещение создания партий на религиозной основе. В этой связи министр информации и культуры отметил, что положенное в основу Закона понятие «политической принадлежности» является существенным и предполагает создание партий именно на основе политических отношений между их членами, а не лояльности к традиционным лидерам или религиозным общинам (36, с.6-7). Глава официально зарегистрированной партии Аль-Умма Ан-Нур Джадин в этой связи заявил, что «успех зарегистрированных партий означает успех нового опыта, поскольку это опыт преодолевает пороки всех других исторических национальных партий, возникших до независимости» (36, с.8).

В дискуссии по проблеме политических партий в Судане приняли участие представители суданской науки. В частности, политолог Исмаил Хадж Муса (член НКС) отметил, что «нынешний эксперимент введения многопартийности является четвертым по счету в истории Судана, а создававшиеся в ходе первых трех попыток объединения не отвечали научному определению «политическая партия». Главным недостатком создаваемых сегодня в Судане политических организаций» он считает «отсутствие четкости в определении членства в партии» и призывает их «к большей поляризации» (36, с.11). Принявший участие в продолженных на съезде дебатах заместитель генерального секретаря сирийской Партии арабского социалистического возрождения Абдалла аль-Ахмар поддержал руководство Судана, констатируя, что «оно оставляет открытой дверь для диалога со всеми другими оппозиционными силами» (36, с.10). Со своей стороны, глава провинции Омдурман, член руководства НКС Мухаммед Мохи ад-Дин аль-Джамиаби критиковал поддержку, которой суданская оппозиция пользуется из-за рубежа со стороны сил, осуществляющих вмешательство во внутренние дела Судана. В этой связи он выступил за существование «сильной, но патриотически настроенной оппозиции». При этом губернатор Омдурмана предложил активизировать движение в пользу национального консенсуса, для того чтобы оказать влияние на Ас-Садыка аль-Махди и движение Дж.Гаранга (36, с.8-9). Дискуссия по указанным вопросам была продолжена в выступлениях делегатов и кулуарах съезда.

На рассмотрение делегатов Национального конгресса был представлен ряд разработанных в ходе подготовки к съезду программных и уставных документов. В качестве программы их вниманию был предложен пакет документов под общим названием «Документы съезда». В политическом разделе рассматривалось все многообразие религиозных и политических отношений, существующих в суданском обществе, определялись основы политики партии

по отношению к религии. В международном разделе декларировалась поддержка принципов добрососедства, диалога и добропорядочности. Пожалуй, наибольший интерес вызывает раздел, посвященный социальным вопросам под названием «Благополучие общества, его праведность, устои и справедливость» (См.:27). В этом разделе рассматриваются вопросы воспитания индивидуума, роли семьи, отношений между обществом и государством, подчеркивается, что конечной целью партия ставит «растворение» государства в обществе [80]. Делегатам был также предложен на рассмотрение проект изменения уставных документов (См.:39).

С докладом на съезде выступил председатель НКС, президент Судана Омар аль-Башир. В своем выступлении он подчеркнул, что НКС является «политической организацией, созданной в рамках конституции и действующего законодательства, в соответствии с принципом свободной и ответственной конкуренции». Он заявил также, что Конгресс является «открытым объединением, в которое люди вступают добровольно, без какого-либо принуждения». В своей деятельности Конгресс руководствуется «принципами шариата, племенного права, конституции и законодательства страны». Организационное строительство НКС опирается на широкую базу низовых объединений в штатах страны и более мелких административно-территориальных единицах Судана. При этом Конгресс «опирается в первую очередь на молодежь и студенчество, заботясь об их воспитании в духе миролюбия, патриотизма и морали, необходимых для создания здорового поколения, защищая их от эксплуатации и безработицы». В своем выступлении президент также отметил, что одной из главных задач съезда является выработка долгосрочного и краткосрочного планирования на четыре последующие года, отвечающего новым реалиям суданского общества. В этой связи было сказано: «Использование значительных земельных, животных и иных природных ресурсов Судана требует выработки планов, предусматривающих укрепление национальной экономики, рост производства, создание свободного рынка, запрещение монополий, ростовщического процента, мошенничества, поощрения притока инвестиций, а также учитывающих растущие возможности общественного сектора и предпринимательства частных лиц и компаний на условиях свободной и честной конкуренции, открытости для участия братских и дружественных стран в интересах получения национального дохода, подлежащего распределению между гражданами страны». В международном разделе своего доклада аль-Башир отметил, что «Конгресс выступает за обеспечение безопасности страны, ее действительной независимости во внешней политике, открытость соседним странам и всему миру в достижении высших интересов, взаимный обмен полезными достижениями (не допуская проникновения разлагающего влияния), равноправие и справедливость в международных отношениях, защиту от угнетения и мировой тирании, за создание мирового порядка на основе добрососедства, справедливости и диалога». В этой связи была высказана поддержка «усилиям угнетенных народов и наций, борющихся за освобождение от

любого господства и агрессии», в первую очередь Ираку, Ливии, Сирии, Ливану, а также Палестинской национальной автономии (234, 08.10.99 г.).

Генеральный секретарь НКС Хасан Абдалла ат-Тураби в своем выступлении на съезде уделил главное внимание роли мусульманской религии в современном мире. Лейтмотивом его эмоциональной речи стал призыв к обновлению ислама в нынешних условиях, основой которого в Судане должна стать общенациональная идея [81]. В ходе последующей дискуссии на съезде и в кулуарах генсек СНК, критиковал присутствие на съезде представителей партий из других стран, стоящих на позициях арабского национализма (БААС, «насеристы» из Йемена и др.), отвергающих идеологию исламского фундаментализма, Хасан ат-Тураби ответил, что не видит в этом противоречия. НКС, подчеркнул он, открыт для любого позитивного иностранного идейно-политического опыта. По его мнению, проблема консолидации суданского общества требует использования самой широкой идейной и духовной основы. Кроме того, то, что называют «суданским фундаментализмом», на самом деле представляет собой «попытку возвращения к истокам ислама для его адаптации к новшествам современности». Суданцы, – отметил Х. ат-Тураби, – не занимаются экспортом исламской революции. Для них ислам – это одна из составляющих национальной идеологии, наряду с патриотизмом, принадлежностью к арабскому и африканскому сообществу. В то же время суданцы осуждают любые проявления экстремизма, в том числе религиозного (исламского, христианского и т.п.). «Религия призывает нас, чтобы мы исповедывали ее в доброжелательном диалоге, чтобы мы на равных взаимодействовали с теми, кто не согласен с нами, и убеждали их работать вместе» (234, 08.10.99 г.). Ислам, считает ат-Тураби, как религия большинства населения, призван сыграть роль морального заслона на пути распространения в стране таких пороков, как алкоголизм, наркомания, проституция. Комментируя реформу административного управления в Судане, ат-Тураби отметил, что на сегодня в стране создано 26 штатов со своими законодательными органами («маджалис ниябийя»), министерствами, губернаторами штатов и министрами. В то же время он подчеркнул: «Религия учит нас, что власть принадлежит только одному Аллаху, а не правителю, капитал принадлежит Аллаху, а не капиталистам, знание принадлежит Аллаху, а не доцентам, и поэтому необходимо, чтобы капитал, богатства и власть распределялись справедливо между людьми, – такова наша революция, революция для людей» (234, 08.10.99 г.).

В ходе развернувшейся на съезде дискуссии делегаты обсудили позицию своей партии по основным проблемам внутренней политики. В первую очередь речь шла о стабилизации политического положения в стране, решении проблемы Юга, налаживании диалога с оппозицией. В этой связи председатель Конгресса, президент Судана Омар Хасан аль-Башир заявил, что руководство страны приняло решение о предоставлении трем мятежным южным провинциям права на отделение. В частности, в беседе с иностранными корреспондентами он сказал: «Кто хочет, пусть отделяется – мы

никого насильно удерживать не собираемся» [82]. Характерным новым моментом для выступлений суданских лидеров стала увязка деятельности южносуданской оппозиции с проблемой международного терроризма, которая в последнее время приобрела для суданцев особое значение. На съезде НКС отмечалось, что главным источником террористической угрозы являются противоречия, возникающие из-за геополитических устремлений отдельных западных и восточных государств в отношении районов, богатых сырьевыми ресурсами. При этом делегаты особо подчеркивали негативную роль попыток США и их союзников осуществлять свой диктат в отношении других стран. В этой связи делегаты расценили как провокационные попытки США и некоторых их союзников по НАТО обвинить Судан, осуществляющий социально-экономические преобразования с учетом традиционных религиозных ценностей, в поддержке терроризма.

4. Обострение противоречий в руководстве Судана. Политический кризис в декабре 1999 года

Наметившаяся после октябрьского (1999 г.) съезда Национального конгресса тенденция к консолидации значительной части политических сил в стране позволила Омару аль-Баширу выступить с очередной инициативой, направленной на нормализацию отношений с оппозицией. В конце ноября 1999 г., глава государства отдал распоряжение об освобождении всех политических заключенных и прекращении уже ведущихся судебных разбирательств в отношении противников режима. По данным агентства СУНА, на тот период в суданских тюрьмах содержалось 8 политзаключенных и 29 человек находилось под стражей в ожидании суда. Распоряжение президента страны предусматривало также возвращение конфискованной ранее у лидеров оппозиции собственности, размораживание их банковских счетов, отмену запрета на передвижения (231, 25.11.99 г.). Ранее суданское руководство отрицало наличие в стране политических заключенных. Между тем оппозиционные деятели неоднократно обвиняли власти в проведении политических репрессий и преследовании противников режима. По их утверждениям, с 1989 года, когда в результате переворота власть в Судане перешла в руки аль-Башира, в стране были конфискованы сотни домов, компаний, принадлежащих оппозиционерам, и было арестовано несколько сот человек (204, 25.11.99 г.).

Предпринятые президентом шаги по урегулированию отношений с оппозицией не нашли полной поддержки у исламских фундаменталистов и их лидера ат-Тураби, имевших свою точку зрения на пути решения проблемы национального примирения. Согласно официальным заявлениям, эти разногласия не носили принципиального характера, а касались методов и тактики действий руководства в отношении оппозиции. На самом деле, ситуация, которая стала складываться в политическом руководстве страны в конце 1999 г., оказалась гораздо труднее и драматичнее. Усилившееся после проведения учредительного съезда НКС, подтвердившего курс на демократизацию и многопартийность, давление на суданское

руководство со стороны США и некоторых их союзников, обеспокоенных, в том числе, возможностью мирного урегулирования проблемы Юга страны, способствовало новому витку напряженности в правящих кругах Судана. Нараставшие в последние годы противоречия между президентом Судана аль-Баширом и духовным лидером страны ат-Тураби в конце 1999 года вылились в открытое противостояние.

Главной причиной обострения отношений стал разгоревшийся после съезда конфликт между двумя суданскими руководителями по вопросу дальнейшего развития политической системы страны. В течение 1999 года Хасан ат-Тураби попытался уменьшить властные полномочия президента путем изменения некоторых статей конституции. В частности, возглавляемый им парламент проголосовал в первом чтении за учреждение нового поста премьер-министра, а также осуществление прямых выборов губернаторов штатов. Одновременно руководящие органы НКС, которые контролировались генсеком, стали осуществлять попытки подмены государственных органов исполнительной власти. В частности, ключевым министрам-членам НКС предписывалось регулярно отчитываться за проделанную работу на своем участке перед руководством партии. В суданское посольство в Каире партийными функционерами было направлено предписание об отзыве посла Судана в АРЕ. Кроме того, Омар аль-Башир отказался играть роль «почетного» председателя правящей партии, не имеющего реальной власти над исполнительными органами Конгресса.

Создававшаяся конфликтная ситуация стала реально угрожать единству партии. Часть руководителей НКС, в частности, Али Осман Мухаммед Таха (заместитель ат-Тураби в его бытность руководителем НИФ), Гази Салах ад-Дин (министр культуры), Нафи Али Нафи (бывший начальник службы безопасности страны) со своими сторонниками выступили в поддержку президента страны. Для урегулирования конфликта между президентом и генсеком была создана специальная («третьейская») комиссия, которую возглавил председатель Консультативного совета НКС Абдуррахим Али. Однако ее деятельность не привела к существенному улучшению ситуации. Кроме того, президент давно имел претензии к лидеру фундаменталистов в связи с распространением «исламского призыва» за рубежом. По мнению обозревателей, «все эти годы президент старался заставить ат-Тураби вести себя потише и, главное, снизить «международную активность», ставящую Судан в неловкое положение. Временами ему это удавалось, но «религиозный авторитет» постоянно бросал вызов власти президента, и вот терпение аль-Башира лопнуло» (205, 15.12.99 г.). Президент посчитал, что властные амбиции и пропагандистская деятельность спикера парламента зашли слишком далеко.

Назревший политический кризис президент Судана Омар аль-Башир разрешил 12 декабря 1999 года, объявив о введении чрезвычайного положения сроком на три месяца и роспуске парламента. Следует отметить, что роспуск парламента состоялся за несколько дней до окончания его очередной сессии и ухода на каникулы и за два дня до намеченного голо-

сования в парламенте по поправкам к конституции, которые значительно урезали полномочия Омара аль-Башира как главы государства. Президент Судана также приостановил действие некоторых статей конституции, заявив, что дата проведения новых парламентских выборов будет объявлена позже. На следующий день на улицах суданских городов появились военные патрули, войска заняли ключевые объекты в Хартуме и блокировали парламент, не допустив прорывавшихся туда депутатов во главе со спикером.

В заявлениях, последовавших сразу после введения чрезвычайного положения, президент аль-Башир утверждал, что действует в рамках конституции. В тот же день после встречи с руководством силовых ведомств президент заявил, что армия и полиция поддерживают его в стремлении установить в стране «законность и порядок». «Корабль, на котором два капитана, идет ко дну», – сказал он представителям местных СМИ. Кроме того, Омар аль-Башир оправдывал свой шаг необходимостью сохранить единство страны перед лицом «внешней опасности и внутренних проблем». Со своей стороны ат-Тураби охарактеризовал случившееся как военный переворот. Он заявил, что президент аль-Башир «подрывает свободу и политическую систему Судана», и призвал своих сторонников к сопротивлению. Среди противников принятых президентом мер оказались часть руководства Национального конгресса, поддерживавшая ат-Тураби, и несколько министров. По сообщениям местной прессы, пятеро из них, в том числе глава суданского МИДа Мустафа Осман Исмаил, объявили о своем намерении подать в отставку. Со своими критическими в адрес президента комментариями произошедших событий выступил Ас-Садык аль-Махди, который в своем заявлении указал на то, что действия президента могут привести к новой гражданской войне (204, 13-14.12.99 г.).

Международная реакция на события в Судане оказалась сдержанной. Аль-Башир провел телефонные разговоры с ливийским лидером Муаммаром Каддафи и президентом Египта Хосни Мубараком. После этого египетский министр иностранных дел Амр Муса заявил о поддержке его страной президента и правительства Судана. Собравшиеся 14 декабря в Каире руководители Ливии и Египта обсудили в ходе экстренного совещания в Триполи ситуацию, сложившуюся в Судане после введения чрезвычайного положения. В ходе встречи Муаммар Каддафи и Хосни Мубарак подчеркнули свою приверженность миру и стабильности в Судане, а также указали на необходимость продолжения усилий, направленных на достижение примирения между правительством в Хартуме и оппозиционными суданскими партиями. Спустя два дня делегация высокопоставленных суданских военных во главе с министром обороны Судана Абд ар-Рахман Сир аль-Хатимом прибыла в Каир для встречи с президентом Египта Хосни Мубараком с целью разъяснения происходящих в Судане событий (204, 14.12.99 г.; 208, 17.12.99 г.).

Закрепляя достигнутый успех, в начале 2000 года Омар аль-Башир подписал ряд документов по кадровым вопросам. В частности, в соответ-

ствии со статьей 132 Конституции 1998 г. и Чрезвычайным декретом № 1 от 1999 г. президент Омар аль-Башир 24 января 2000 г. издал Чрезвычайный декрет № 2 от 2000 г. о назначении губернаторов 25 штатов Судана. Таким образом, аль-Башир решил одну из главных проблем, послуживших основой конфликта между президентом и парламентом. В тот же день в соответствии со статьей 44 Конституции Судана президент подписал Указ № 5 от 2000 г. о назначении советников Президента Республики Судан (Ахмед Али аль-Имам – советник по вопросам оседлости, Абд аль-Басыт Сабдурат – советник по юридическим и политическим вопросам, бригадный генерал Ат-Тайиб Ибрагим Ахмед Хейр – по вопросам безопасности, Нафи Али Нафи – по вопросам мирного урегулирования). Одновременно президентом был подписан Указ № 6 от 2000 г. (в соответствии со ст. 43 Конституции) о назначении 25 федеральных министров, пятеро из которых являются представителями суданского генералитета (действующие генералы: Бакри Хасан Салех – советник Президента и глава администрации Президента в ранге министра; Абд ар-Рахман Сир аль-Хатим – министр обороны; Абд ар-Рахим Мухаммед Хусейн – министр внутренних дел; отставные генералы Ат-Тиджани Адам Тахир – министр по делам туризма и природной среды; Алсун Манани Макая – министр по делам труда и занятости; Ибрагим Сулейман Хасан – министр авиации). Среди ключевых назначений можно также отметить: главой аппарата Кабинета министров в ранге министра стал Сейид Абдалла Хасан Ахмед, министром иностранных дел – Мустафа Осман Исмаил, министром юстиции – Али Мухаммед Осман Йас, министром финансов и национальной экономики – Мухаммед Хейр аз-Зубейр, министром по делам федерации – Ахмед Ибрагим Тахир, министром внешней торговли – Мекки Али Баляиль, министром национальной промышленности и инвестиций – Абдель Халим Исмаил аль-Мутаани.

Одновременно Омар аль-Башир предпринял ряд шагов по укреплению своих позиций в НКС. На состоявшемся 24 января 2000 г. пленуме Консультативного совета (ЦК) было принято решение о предоставлении председателю НКС (Омару аль-Баширу) права на осуществление контроля за проведением общей политики Конгресса, координацию взаимодействия между органами НКС и государства, возглавляя Комитет по выборам и контролю НКС. Пленум постановил также, что Генеральный секретарь НКС является официальным представителем Конгресса, имеющим право делать официальные заявления от имени партии. Генсеку также поручается руководить идейной и пропагандистской деятельностью, а также работой с массами. Одновременно он несет ответственность за осуществление контроля над работой Комитета руководства (политбюро) и обеспечение координации между органами партии. Кроме того, он осуществляет ревизионные функции за ведением административных и финансовых дел НКС. Таким образом, декабрьский (1999 г.) политический кризис в Судане окончился укреплением позиций президента страны как на уровне исполнительной власти, так и в партийных структурах.

ГЛАВА IV

ВЛИЯНИЕ ИСЛАМСКОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА НА СОВРЕМЕННЫЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. МЕСТО СУДАНА В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ

1. Политика США и их союзников в отношении исламского фундаментализма. Проблема международного терроризма

Как представляется, главные причины противоречий между руководством Судана и западными странами скрыты в экономической сфере и являются следствием заинтересованности транснациональных корпораций в установлении благоприятного в политическом и идеологическом отношении режима в Судане, который в состоянии обеспечить реализацию их устремлений (выгодное геостратегическое положение страны, ее природные ресурсы). В свою очередь суданцы осуществляют попытки модернизации политического устройства таким образом, чтобы это отвечало как требованиям ислама, так и критериям западной демократии. Однако конфликт между Суданом и западными странами осложняется проблемой международного терроризма.

Эта проблема в течение последних десяти лет активно использовалась США и некоторыми их союзниками в качестве инструмента давления на руководство Судана. Приход к власти в 1989 г. в Судане исламских фундаменталистов межрегиональное руководство движения «Братьев-мусульман» попыталось использовать как фактор, способствующий активизации исламистов в странах Ближнего и Среднего Востока. В частности, в августе 1989 г. в Хартуме состоялась конференция представителей организаций «Братьев-мусульман» региона, на которой было принято решение о возложении на Судан функций центра координации деятельности исламских движений и о выделении на эти цели НИФ значительных финансовых средств. В целом в этот период внешнеполитическая линия Фронта была направлена на поддержку идейно близких ему исламских организаций и движений. В частности, по инициативе Хасана ат-Тураби в 1993 г. на встрече представителей исламских организаций Алжира, Египта, Туниса, некоторых других арабских и африканских стран, а также палестинской территории было объявлено о создании так называемого «Исламского интернационала», в задачи которого должна была входить координация деятельности его участников и оказание взаимопомощи. Во время кризиса в Персидском заливе (1990-1991 гг.) Судан поддержал режим Саддама Хусейна: по инициативе НИФ были сформированы и отправлены в Ирак специальные военные батальоны «Аль-Джихад».

По данным правоохранительных органов США за 1996 г., «последние несколько лет суданцы поддерживали тесные связи с Ираном – еще одним признанным покровителем международного терроризма. Подобные тесные связи являются поводом для озабоченности для США ввиду геополитического положения Судана, который является пунктом транзита, местом негласных встреч, а также надежным убежищем для террористов проиранского толка» (8, с.159). Кроме того, в период своей деятельности НИФ осуществлял контакты с радикальными исламскими палестинскими организациями «ХАМАС» и «Исламский джихад», использующими методы вооруженной борьбы (в том числе и террористические) за установление национальной государственности на исламских принципах. Значительное внимание руководство НИФ уделяло расширению связей с исламскими организациями и группировками в африканских странах, в частности в Кении, Уганде, Эритрее и Эфиопии. Кроме того, американцы считают, что «международный терроризм продолжает набирать силу отчасти благодаря поддержке, оказываемой со стороны суверенных государств, таких как Судан и Иран. Эти государства покровительствуют террористам путем подготовки, предоставления убежища, поставок оружия, а также оказания иной материальной поддержки. Судан продолжает предоставлять убежище международным террористам и поддерживать отношения с несколькими экстремистскими группировками» (7, с.7).

Американо-суданские отношения серьезно обострились после событий в июне 1993 г. в Нью-Йорке. В то время, по данным ФБР, 5 из 15 лиц, задержанных по обвинению в заговоре с целью организации взрывов на нескольких объектах в центре Нью-Йорка в июне 1993 г., являлись гражданами Судана. Кроме этого, прокурор Южного округа Нью-Йорка включил в список неосужденных сообщников по делу египетского шейха Омара Абд ар-Рахмана двух сотрудников суданской миссии при ООН. В период проведения данного процесса в Хартуме отмечался всплеск антиамериканских настроений, примером чего является призыв радикально настроенных местных журналистов к убийству посла США в сентябре 1993 г. (8, с.160). По утверждениям официальных органов США, Национальный исламский фронт поддерживал также группировки исламской оппозиции в Алжире, Тунисе, Кении, Эритрее. Так, по заявлениям американцев, «соседние государства жаловались на то, что повстанцы в Северной Африке получают поддержку от суданских властей в виде подготовки, обучения, финансирования, поставок оружия, обеспечения проездными документами, а также идеологической подготовки». Кроме того, США утверждают, что «располагают данными, позволяющими сделать вывод о связях суданского правительства с Исламским союзом в Сомали (Somalia Islamic Union), а также Сомалийским национальным альянсом (Somali National Alliance) – организациями, которые самым решительным образом противодействуют и препятствуют гуманитарной и миротворческой деятельности ООН в Сомали» (8, с.7).

Все это, по мнению американской стороны, дает основания обвинить Судан в поддержке исламского экстремизма и международного терроризма [83]. Однако после того как неудачей закончилась попытка США дестабилизировать хартумский режим, оказав военную помощь противникам Судана в лице Эритреи, Эфиопии и Уганды, в апреле-мае 1999 г. Соединенные Штаты приняли решение о частичной отмене санкций против Хартума. Налаживанию отношений с США, обвинявшими Судан в производстве компонентов химического оружия на фармацевтической фабрике Аш-Шифа (Хартум), способствовало также заявление МИД Судана о том, что Судан подпишет вскоре Конвенцию о ликвидации и запрещении химического оружия. В свою очередь правительства европейских стран, за исключением Великобритании, обмениваются с Хартумом визитами на уровне министров (204, 11.06.99 г.).

Со своей стороны суданцы прилагали усилия для организации контр-пропагандистской кампании на региональном и международном уровне, включая ООН. По их мнению, за обвинениями США и их союзников в причастности Судана к международному терроризму проглядывает недовольство американцев проводимой суданцами внешней и внутренней политикой. Суданцы считают, что именно их стремление проводить самостоятельный курс послужило главной причиной обвинений со стороны США, включающих Судан в сферу своих жизненных интересов, в международном терроризме. В определенной мере этому способствовали ошибки, допущенные руководством Судана. В настоящее время суданская сторона признает, что в первой половине 90-х годов, в интересах укрепления внешнеполитических позиций страны, она пошла на неоправданно широкое трактование принципа «исламской солидарности», в результате чего был снижен контроль за въездом в страну граждан из мусульманских стран Арабского Востока. Отменой визового режима для данной категории лиц воспользовались для въезда в Судан отдельные исламисты, в том числе и Усама бен Ладен. Это дало повод западным странам усилить пропагандистскую кампанию, обвиняя правительство Судана в поддержке международного терроризма.

Несколько лет назад суданское руководство пересмотрело свой прежний внешнеполитический курс, снова введя практику визового въезда для всех иностранных граждан. Кроме того, в целях дальнейшей нормализации отношений с западными странами суданцы выдали французским властям международного террориста «Карлоса», а в 1996 г. предложили Усаме бен Ладену, которого США обвиняют в организации террористических актов против американских объектов, покинуть территорию Судана. До этого бен Ладен занимался в Судане бизнесом, являясь владельцем строительной кампании «Аль-Хиджра» и ряда объектов недвижимости. Несмотря на последовавшее за этим улучшение отношений с рядом западных государств, США продолжали оказывать давление на Судан, используя проблему терроризма, в целях облегчения прихода к власти проамерикански настроенных сил.

В настоящее время суданские власти продолжают предпринимать шаги по нейтрализации обвинений в поддержке международного терроризма. В частности, в интересах налаживания отношений с западными странами в начале 1999 г. они приняли решение о приостановке деятельности Народной исламской конференции («Аль-Муатамар аш-шаабий аль-ислами») – международной организации, объединяющей представителей общественных, религиозных, научных и журналистских кругов. По первоначальному замыслу суданской стороны, эта организация должна была способствовать повышению международного авторитета Судана. Однако в западных средствах массовой информации была развернута пропагандистская кампания с целью дискредитации этой организации, и суданцы были вынуждены отложить на неопределенное время проведение намечавшейся на февраль 1999 г. очередной сессии этой организации.

Кроме того, теперь руководство Судана категорически опровергает встречающиеся в западной прессе утверждения о якобы господстве в стране идеологии исламского фундаментализма. Оно заявляет, что на государственном уровне поддерживает умеренный традиционный ислам маликитского толка, который наилучшим образом сочетается с многонациональным составом суданского общества. При этом руководство страны принимает необходимые меры по борьбе с отдельными проявлениями исламского экстремизма, в том числе с радикально настроенными группировками ханбалитского толка, так называемыми ваххабитами.

Правоохранительные органы ориентированы на противодействие противоправной деятельности любых религиозных группировок экстремистской направленности, использующих методы террора, а также оппозиционных сил в стране, ведущих вооруженную деятельность против режима. Под последними подразумевается главным образом деятельность на Юге страны Национально-освободительной армии Судана во главе с Дж.Гарангом. Даны соответствующие распоряжения президента страны Омара аль-Башира о разработке «Закона о борьбе с терроризмом», а также об активизации участия суданской стороны в реализации положений межарабского соглашения по борьбе с терроризмом. В целях недопущения проникновения на территорию Судана лиц, которые могут нанести ущерб отношениям Судана с другими государствами, власти предпринимает соответствующие меры.

В то же время суданское руководство придерживается дифференцированного подхода в оценке деятельности тех или иных исламских движений и групп, часть из которых обвиняется США в проведении международного терроризма. Суданцы разграничивают понятия «терроризм» и «национально-освободительное движение», считая правомерным выражать свою политическую поддержку народам, борющимся за независимость. В частности, суданцы признают право Исламского палестинского движения сопротивления («ХАМАС») на ведение национально-освободительной борьбы за создание независимого государства на основе шариата. Однако они считают, что борьба должна вестись прежде всего политическими

методами, исключаящими терроризм. Кроме того, они подчеркивают недопустимость смешения понятий «ислам» и «терроризм». Суданская сторона осудила деятельность египетской организации «Братьев-мусульман» и возникших на ее основе экстремистских группировок «Аль-Гамаа аль-исламия» и «Аль-Джихад аль-исламия», ставших в 60-70-е годы на путь сектантства в исламском движении, прибегнув к использованию террористических методов борьбы.

Проблему международного терроризма в американо-суданских отношениях следует рассматривать не только в контексте политических процессов, происходящих в странах Ближнего и Среднего Востока, но и в более широких масштабах. В частности, можно указать на ставший сегодня уже общепризнанным факт использования США и некоторыми другими западными государствами «двойных стандартов» в отношении отдельных стран Ближнего и Среднего Востока, оказывающих, по их мнению, «государственную поддержку терроризму». Такой подход США свидетельствует о неспособности американцев осуществлять взятые на себя в одностороннем порядке обязательства по контролю за нераспространением террористических проявлений на почве религиозного (исламского) экстремизма. Попытки установления Соединенными Штатами «нового мирового порядка», исходя прежде всего из своих собственных интересов, без учета реалий «многополярного мира» приводят к возрастанию «неуправляемости» так называемого «исламского фактора». Это влечет за собой невозможность оказания другими членами международного сообщества реального сдерживающего воздействия на распространение исламского экстремизма. Ставка на использование военной силы в подавлении «очагов терроризма» или ликвидации отдельных лиц, квалифицируемых США в качестве «спонсоров международного терроризма», не только не эффективна, но и чревата непредсказуемыми последствиями.

Как показывает опыт таких акций в отношении представителей так называемого «исламского терроризма», они зачастую дают обратный эффект, способствуют росту популярности экстремистов в своей среде и авторитету среди тех слоев населения, которых можно отнести к их социальной базе, а также активизируют настроения протеста среди мусульманских общин. Например, неудавшиеся попытки администрации США «рассчитаться» за взрывы американских посольств в африканских государствах с Усамой бен Ладеном, нанеся ракетные удары по базам «моджахедов» в Афганистане и фармацевтической фабрике Аш-Шифа в Судане, привели к тому, что «главный спонсор международного терроризма» приобрел такую известность в мире, о которой не мог даже и мечтать, сражаясь (кстати, при поддержке все тех же американцев) против советских войск в Афганистане и позднее, создавая финансовую и экономическую инфраструктуру «борцов с неверными режимами» по всему миру.

Характерно, что исламские страны, которые наиболее активно сотрудничают с США в области борьбы с терроризмом и используют рекомендации американцев без учета национальной специфики религиозно-

политической ситуации, сталкиваются с невозможностью ликвидировать терроризм на своей территории (например, в Египте). Более того, силовые и полицейские методы способствуют росту напряженности в обществе, ведут в конечном итоге к нарушению прав человека (в их западном понимании). В этих условиях исламские фундаменталисты получают возможность не только критиковать режим за проводимую им «прозападную» политику, идущую вразрез с местными традициями, но и приобретают «имидж» борцов за независимость. Как заявлял верховный наставник «Братьев-мусульман» в Египте Мухаммед Хамид Абу ан-Наср, члены этой организации «требуют введения шариата как гарантии свобод и защиты имущества граждан». Они «прилагают все свои душевные и физические силы в интересах независимости этой страны, освобождения ее от любых форм иностранного проникновения или вмешательства во внутренние дела» (101, с.72).

Как представляется, США фактически игнорируют прогностический анализ социально-экономических причин, ведущих к воспроизводству террористических проявлений, связанных с исламским экстремизмом. Это обусловлено ошибочностью американской концепции универсальности созданной ими социально-экономической и политической системы и ее приемлемости для регионов с совершенно иной структурой общественных отношений. Неспособность США учитывать эту несовместимость ведет к тому, что в глазах мирового сообщества деятельность американцев выглядит не только как продолжение политики «двойных стандартов», но и в качестве «государственной поддержки терроризма». Например, согласно официальным данным ФБР Министерства юстиции США на 1996 г., Йеменская Республика не является государством, поддерживающим международные террористические организации (8, с.187). По правительственной линии США оказывают этой стране финансовую помощь. В то же время на территории Йемена еще со времен афганской войны действуют так называемые «религиозные институты» и «частные школы», в которых проходили идеологическую и военную подготовку экстремисты-выходцы из Алжира, Египта, Ливии, Судана и других мусульманских стран, а также самого Йемена. Значительную часть последних составляли «пострадавшие» в ходе ликвидации системы социальной защиты населения в бывшей НДРЙ (социалистической). Однако в силу огромного влияния исламского фактора на внутривнутриполитический курс президента Али Абдаллы Салеха йеменское правительство вынуждено было использовать различные ухищрения для продолжения финансирования этих учебных заведений в статьи бюджета.

Попытки США в ходе осуществления военной акции на Балканах разыграть «исламскую карту», в том числе и в интересах подрыва позиций наиболее радикально настроенных представителей исламских фундаменталистских движений, если и достигли цели, то только частично. Во-первых, исполняя роль «защитников» мусульман в Косово, США не удалось в полной мере привлечь к себе симпатии мусульман в других стра-

нах, уменьшив тем самым их поддержку «традиционным» борцам за дело ислама – фундаменталистам. Во-вторых, пуски «Томагавков» по православной Сербии производились тогда, когда еще свежи в памяти аналогичные действия в отношении мусульманских Судана и Афганистана, а также Ирака, и психологически воспринимались как звенья одной цепи, своего рода продолжение одного курса. В-третьих, эффект устрашения фундаменталистов оказался слабее, чем ожидалось. Так, например, движение «ХАМАС» в своем заявлении по поводу косовских событий призвало арабские и исламские государства «принять меры по оказанию срочной помощи мусульманам Косово и предотвращению повторения трагедии, которая выпала на долю палестинского народа». В то же время оно осудило действия США, которые «прикидываются защитниками мусульман Косово, хотя поддерживают сионистскую оккупацию Палестины и террористические действия против палестинского народа». Отмечалось также, что «американское вмешательство – это попытка под прикрытием лозунга о правах человека достичь собственных целей, заключающихся в установлении полного контроля на Балканах» (211, 1999, № 7-8). Наглядным свидетельством политики «двойных стандартов» в отношении проблемы международного терроризма стала позиция США и их союзников в связи с событиями 1999 г. в Чечне. Создается впечатление, что американцы заинтересованы в использовании протеста части мусульманских стран и фундаменталистских движений против военного решения чеченской проблемы для того, чтобы перенацелить деятельность радикальных исламских группировок с США на Россию.

2. Обострение отношений Судана со странами Восточной Африки и Египтом

Конец 90-х годов ознаменовался не только попытками правящего в Судане режима укрепить свои позиции, восстановив форму многопартийной политики, но и ростом усилий по преодолению международной и региональной изоляции. Официальный Хартум начал политическое и дипломатическое наступление с целью обезоружить критиков в стране и за рубежом и улучшить имидж страны. На этом направлении суданскому правительству приходится решать задачу комплексного характера, учитывая непростые отношения с соседними странами (Египтом, Эритреей, Эфиопией и Угандой), а также странами Запада, вовлеченными в конфликт на Юге Судана.

Как известно, в середине 90-х годов вновь возросла напряженность в отношениях Судана с соседями. Обострение отношений Судана с Эритреей и Эфиопией особенно усилилось после того, как Хартум обвинил эти страны в предоставлении своей территории для сил, поддерживающих суданских вооруженных повстанцев. Правительство Уганды, в свою очередь, продолжало вести переговоры с целью убедить суданцев прекратить оказание помощи угандийским оппозиционным силам. В конце сентября 1998 г. правительство Судана объявило о всеобщей мобилизации в стране в связи с

«эритрейско-угандийской агрессией». В сделанном по этому поводу заявлении совета министров Судана власти призвали всех граждан, «способных держать оружие, встать на защиту родины». Судан обвинил Эритрею и Уганду в вооруженной агрессии, целью которой является поддержка повстанческой Народно-освободительной армии Судана. В ходе боев, вспыхнувших 14 сентября на востоке страны, к концу месяца погибло 450 эритрейских, угандийских и суданских военнослужащих (208, 29.09.1998 г.).

Как уже отмечалось, в 1993 году США включили Судан в список стран, поддерживающих терроризм. Спустя четыре года Вашингтон ввел против Хартума санкции, а госсекретарь Мадлен Олбрайт провела переговоры с суданскими оппозиционными движениями, включая НОАС. По заявлению министра иностранных дел Судана Мустафы Османа Исмаила, госсекретарь США Мадлен Олбрайт провела встречу с представителями оппозиции в Кампале (Уганда), на которой говорилось о свержении правительства в Хартуме. Одновременно США начали поощрять сложившийся в 1997 году альянс Эритреи, Эфиопии, Уганды и Конго на вторжение в Судан (204, 01.06.99 г.).

Военные поставки американцев в эти страны привели к эскалации напряженности в регионе. Асмара и Аддис-Абеба обратили полученное американское оружие друг против друга. В свою очередь Уганда считала достаточным свой военный арсенал для участия в конфликте в соседней Демократической Республике Конго. В это же время НОАС и противостоящие группировки активизировали военные столкновения друг с другом на Юге Судана, а также на улицах Найроби (Кения), где находится штаб-квартира Дж.Гаранга. В качестве ответной меры руководство Судана начало вооружать лояльные центральной власти племена (204, 11.06.99 г.).

В начале 1999 г. конъюнктура военно-политической ситуации в регионе стала складываться в пользу Хартума, главным образом за счет нового обострения отношений между Эритреей и Эфиопией. Эритрейские власти обвинили Эфиопию в подготовке государственного переворота. В частности, представитель президента Эритреи Йамане Гебремескел заявил, что эфиопские власти намерены воплотить свой план в жизнь с помощью 10 различных и «фактически разрозненных между собой оппозиционных эритрейских организаций», а также «фундаменталистских исламских группировок, поддерживаемых Суданом» (204, 12.05.99 г.). Благодаря этому наметились возможности для начала диалога между Суданом и Эритреей. Ранее, в 1994 г. Асмара разорвала дипломатические отношения с Хартумом, обвинив его в поддержке исламских боевиков, борющихся за свержение правительства Афеворка. Судан, в свою очередь, отверг эти утверждения и обвинил Эритрею в оказании помощи оппозиции, добивающейся смены режима аль-Башира – ат-Тураби. После этого 2 мая 1999 г. президент Эритреи Исаяс Афеворк и его суданский коллега Омар аль-Башир в ходе встречи в Катаре достигли договоренности не предоставлять свои территории повстанцам для ведения друг против друга боевых действий (204, 11.06.99 г.).

Спустя несколько дней аль-Башир встретился в Джибути с премьер-министром Эфиопии Мелесом Зенауи. Это была их первая встреча с глазу на глаз с того времени, когда Аддис-Абеба обвинила Хартум в организации неудавшейся попытки покушения на жизнь президента Египта Хосни Мубарака в эфиопской столице в 1995 году. В ходе ее они договорились о взаимодействии с целью нормализации двусторонних отношений. Это сразу нашло свое подтверждение в возобновлении полетов эфиопской авиакомпании в Судан.

Одновременно Хартум начал предпринимать новые шаги по нормализации отношений с Угандой, дипломатические отношения с которой были разорваны в апреле 1995 г. Поводом для этого послужили обвинения в адрес хартумских властей в том, что они поддерживают повстанцев из Армии освобождения, осуществляющей свои операции с суданской территории. Со своей стороны Хартум заявил, что прекратит оказывать ей помощь, если Кампала будет стремиться вытеснить НОАС во главе с Гарангом из Уганды. В мае 1999 г. в Хартуме было объявлено, что бывший президент США Джимми Картер стал посредником между Суданом и Угандой на переговорах по нормализации отношений между двумя странами (204, 11.06.99 г.).

В течение 1999 г. наметилась тенденция к улучшению отношений между Суданом и Египтом. Следует напомнить, что приход к власти исламских фундаменталистов в 1989 г. оказал негативное влияние на суданско-египетские отношения. В последние годы руководство АРЕ обвиняло суданские власти в поддержке исламских экстремистов у себя в Египте и на межарабской арене. Вместе с тем объективный анализ такого рода обвинений требует учета особенностей интересов Египта в Судане. Исторически, еще со времен фараонов Судан рассматривался египтянами в качестве одной из наиболее отсталых, но самых богатых колоний, откуда поступали золото, слоновая кость, зерно, гуммиарабик, а также рабы и скот. Со временем и по мере развития орошаемого земледелия в Египте на современной основе все более увеличивалась зависимость египтян от суданских соседей, которые в силу своего географического положения (гидротехнические сооружения), обладали преимуществом на распределение вод Нила. Когда суданцы в 1956 г. добились политической независимости, действие англо-египетского кондоминиума над Суданом было прекращено. Это означало, что египтяне должны были договариваться с независимым суданским правительством для решения своих проблем. В этой связи египетское руководство всегда было заинтересовано в приходе к власти в Судане правительства, лояльно настроенного в отношении Египта. Однако курс нынешних суданских исламистов, поддерживающих проведение не зависимой от Египта политики, создал известные трудности для египтян.

Ситуация в 1996 г. существенно осложнялась требованиями Египта к суданским властям. Речь шла о выдаче египетских мусульманских экстремистов из организации «Аль-Гамаа аль-исламия», которые предпри-

няли, якобы при содействии суданских исламистов, попытку покушения на президента АРЕ Хосни Мубарака в Аддис-Абебе в июне 1995 г. Террористы – члены египетской экстремистской организации «Аль-Гамаа аль-исламийа», по заявлениям египетских официальных лиц, прошли подготовку в лагерях исламских боевиков, расположенных в Судане. По их мнению, главным их покровителем был не кто иной, как Хасан ат-Тураби, который тогда возглавлял своеобразный исламский интернационал (так называемый «Международный исламский фронт»), ставивший целью экспорт исламской революции. Несмотря на то, что Судан продолжал отрицать обвинения о своей причастности к попыткам убийства президента Х.Мубарака, Совет безопасности ООН наложил на него частичные международные санкции (сокращение числа и ранга диппредставительства Судана за рубежом, а также ограничение его перемещения и запрет на проведение международных форумов в Судане). Совет безопасности трижды обсуждал вопрос о причастности Судана к покушению на египетского президента Х.Мубарака в Аддис-Абебе в 1995 г., потребовав от него незамедлительно выдать Эфиопии трех террористов, участвовавших в покушении, и, по некоторым сведениям, укрывающихся в Судане. СБ ООН ввел против Судана «дипломатические санкции» и предусмотрел возможность частичного воздушного эмбарго (резолюции 1044 от 31.01.96 г., 1054 от 26.04.96 г. и 1070 от 16.08.96 г.). Суданские власти продолжали отрицать присутствие террористов на своей территории.

В последнее время президент Судана Омар аль-Башир много сделал для нормализации отношений с Египтом, испортившихся после событий в Аддис-Абебе. Усилия суданского президента увенчались успехом в начале нормализации отношений между Суданом и Египтом: 22 мая 1999 г. в Каире состоялись переговоры между министрами иностранных дел двух стран. За день до этого суданские власти передали Египту часть конфискованной около 5 лет назад принадлежащей ему собственности, в том числе 17 домов отдыха, находившихся в ведении министерств ирригации и обороны Египта. Всего на первом этапе реализации этого соглашения предусматривалось возвращение 20 домов отдыха египетских ирригаторов, а на втором этапе – возвращение зданий египетских школ, отделения Каирского университета (236, 26.05.99 г.). Возвращение имущества и прекращение поддержки «террористов» являлись ключевыми требованиями Египта в вопросе улучшения отношений с Суданом. Кроме того, Египет совместно с Ливией выступают в качестве посредников в деле суданского примирения.

Вместе с тем не следует забывать, что большинство северосуданских оппозиционных группировок дислоцируется в Каире и пользуется негласным покровительством египетских властей. Это обстоятельство было использовано суданской дипломатией для оказания соответствующего нажима на Каир. При этом суданцы активно использовали так называемую проблему «внутреннего терроризма», совпавшую, кстати, с новой волной антитеррористической кампании в мире. Поводом для

активизации суданской дипломатии на этом направлении послужил совершенный 19 сентября 1999 г. акт диверсии на нефтепроводе в районе г.Атбара. В результате взрыва была на некоторое время прервана подача нефти на терминалы в Порт-Судане. Ответственность за «террористический акт» (не повлекший гибели людей) взяла на себя так называемая «Группировка объединенной оппозиции». По мнению властей, подобные действия инспирируются некоторыми зарубежными странами, не заинтересованными в развитии нефтедобычи в Судане и стремящимися к дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в стране. В этой связи государственный министр в МИД Али Абд ар-Рахман Нимейри охарактеризовал инцидент со взрывом нефтепровода как террористический, расследование которого и выдача преступников должны проводиться в рамках международного сотрудничества. Он призвал все государства воздержаться от финансирования или укрытия террористов на своей территории, предоставления убежища лицам, осуществляющим планирование или финансирование терактов, отметив, что наиболее эффективным средством предотвращения терроризма является обмен соответствующей информацией и сговывание деятельности террористов в рамках реализации международных и региональных соглашений. Кроме того, Али Абд ар-Рахман Нимейри подтвердил, что расследование взрыва нефтепровода будет проводиться в соответствии с положениями межаарабского соглашения по борьбе с терроризмом, участником которого является Судан. В этой связи он призвал арабские государства к активизации сотрудничества по антитеррористической линии, в частности, к отказу от участия в подготовке или финансировании любой террористической деятельности на своей территории, предоставления террористам убежища, аналогичного тому, которым пользуются на законных основаниях политические беженцы, к обмену информацией в соответствии с национальным законодательством и международными соглашениями, к взаимодействию по решению административных и законодательных вопросов для предупреждения терактов и усиления международного правового порядка для борьбы с терроризмом.

Кроме того, Судан потребовал от государств-участников Межаарабского соглашения по борьбе с терроризмом оказать содействие в выдаче Абд ар-Рахмана Саида и Абд аль-Азиза Халя, обвиняемых по делу о взрыве нефтепровода к северу от г.Атбара, которые взяли на себя ответственность за эту акцию. Генеральный прокурор Судана, возглавивший следственную комиссию по взрыву, советник юстиции Абд ан-Насер Ваннан направил требование в комитет Интерпола о международном розыске и аресте этих двух лиц, на случай, если обвиняемые покинут территорию Египта (36, с.7-9). В сложившихся условиях суданские власти намерены использовать все имеющиеся возможности для отвлечения внимания мировой общественности от «исламского терроризма суданского происхождения», обвинив соседние страны в поддержке внутренней суданской оппозиции, прибегающей к методам террора.

3. Исламский фундаментализм и внешнеполитический курс России. Перспективы российско-суданских отношений

Для российской внешней политики, нацеленной на воссоздание своих позиций на Ближнем Востоке и в североафриканском регионе, суданское направление должно рассматриваться в контексте усилившегося призыва арабских стран к реконструкции «биполярного» или формирования «многополярного» мира перед лицом ужесточения политики западных стран, прежде всего США и отчасти их союзника Англии, в отношении государств бывшего «третьего мира». Наряду с этим внимание России к Судану определяется ролью этой страны в развитии практики строительства государственного и общественного строя на принципах ислама и ее местом в разнообразном спектре международных сил, ориентирующихся на проведение внешней политики с позиций исламского фундаментализма. Кроме того, с учетом событий, происходящих на границах постсоветского пространства, Судан привлекает к себе внимание с точки зрения политических, экономических и этно-конфессиональных процессов, протекающих в этой стране.

В определенной мере внимание является отражением заинтересованности части деловых кругов России к странам Африки в целом и к Судану, в частности, как к стране, занимающей важное стратегическое положение на Африканском континенте, потенциально богатой минеральными сырьевыми ресурсами (нефть, золото, железо, хромиты, марганцевая руда и др.), сельскохозяйственным сырьем (хлопок, кожа, гуммиарабик и т.п.), сравнительно дешевой рабочей силой и нуждающейся в иностранных, в том числе, российских специалистах. В то же время дискриминационная политика в отношении Судана со стороны США и их некоторых западных союзников побуждает суданцев осуществлять, частично и через третьи страны, поиск новых торговых и экономических партнеров. Немаловажное значение придается суданцами налаживанию связей с Россией, которая еще со времен Советского Союза рассматривается ими как дружественное государство и потенциальный стратегический партнер. По свидетельству посещавших в последние годы Судан представителей российских средств массовой информации, граждане этой страны по-прежнему с большой надеждой смотрят на Россию, по старой памяти полагая ее защитницей интересов народов третьего мира перед лицом «мирового империализма» (193). В условиях попыток США навязать международному сообществу, в том числе с использованием силы, новый порядок Россия, по мнению суданцев, должна восстановить свою роль на Ближнем Востоке и Африканском континенте.

При наличии благоприятных условий взаимоотношения Судана и России в перспективе могут развиваться на прагматической основе взаимовыгодного сотрудничества в экономической сфере на уровне отдельных совместных проектов в торговой и технической областях, связанных с освоением природных ресурсов Судана (геологоразведка, переработка сельскохозяйственного сырья, производство строительных материалов,

легкая и пищевая промышленность и др.) и развитием его инфраструктуры. Несмотря на имеющиеся трудности объективного порядка, суданцы готовы развивать контакты с Россией по мере обоюдных возможностей практически во всех сферах, в том числе и по гуманитарной линии. Свидетельством этому служит реализация подписанного в июне 1996 г. в Хартуме нового межправительственного соглашения о культурном и научном сотрудничестве, включая подготовку суданских национальных кадров.

В Судане внимательно следят за тем, какую позицию занимает Россия в отношении тех или иных важных событий в жизни суданского общества и особенно шагов суданского руководства по урегулированию проблемы Юга страны. В частности, в Хартуме высоко оценили поддержку Россией заключенного в апреле 1997 г. мирного договора с южносуданскими сепаратистами, а также осуждение Москвой враждебного иностранного вмешательства во внутренние дела Судана (246, 26.04.1997 г.). Как заявил президент Судана Омар аль-Башир, «известно, что в 70-х годах отношения между Суданом и Россией носили самый тесный характер, развивались по самым различным направлениям. В настоящее время отношения в политической области между нашими государствами характеризуются большим взаимопониманием по целому ряду вопросов внешней политики. Мы высоко ценим поддержку, которую оказала Россия Судану в различных сложных ситуациях. Особенно это проявилось после нанесения американскими агрессорами ракетных ударов по фармацевтической фабрике Аш-Шифа. Начинают развиваться отношения в других областях – экономической, военной, и мы надеемся, что так же будет и в других сферах, в том числе использовании водных ресурсов» (208, 28.10.99 г.).

Будущее развитие отношений между Россией и Суданом зависит от целого ряда факторов, включая, в первую очередь, «партнерские» связи России с ведущими странами Запада, негативно настроенными в отношении нынешнего суданского режима. Особенность современной политической ситуации вокруг российско-суданских взаимоотношений состоит, с одной стороны, в определенной зависимости России от политических и экономических требований западных стран, пытающихся вытеснить ее из регионов традиционного влияния бывшего Советского Союза, но продолжающей сохранять там, пусть и в урезанном виде, свои геополитические интересы. С другой стороны, стремясь к проведению самостоятельной линии, суданцы также проявляют заинтересованность в установлении прочных связей уже с новой Россией, видя в ней традиционного партнера в политической, экономической и военно-технической областях и возможного союзника в создании справедливых международных отношений, далеких от конфронтации между «исламским» и «христианским» миром.

Данное направление внешнеполитической деятельности суданского руководства, ориентированное на создание особых отношений с Россией, приобретает для него особую актуальность ввиду продолжающегося политического давления на Судан со стороны западных стран и их вмеша-

тельства в конфликт на Юге страны. В свою очередь, Россия традиционно поддерживает принцип территориальной целостности Судана, осуждая проявления вооруженного сепаратизма. На фоне продолжающихся попыток западных стран использовать конфликт в Судане в своих интересах Россия, значительная часть населения которой относит себя к православной ветви христианства, более привлекательна для суданских исламских фундаменталистов, поскольку представители восточнохристианских общин в Судане (значительную часть которых составляли иностранные коммерсанты и предприниматели) никогда не создавали проблем для центральных властей в Хартуме и достаточно мирно уживались с мусульманами. Кроме того, сегодня суданцы рассматривают Россию как страну, освободившуюся от неприемлемого для них атеизма и проводящую политику конфессионального плюрализма. Одновременно суданская сторона рассматривает Россию как одну из крупнейших мусульманских стран (20 млн. верующих), которая призвана сыграть свою роль в разрешении возникающих противоречий между мусульманским и христианским миром.

Важной составляющей частью возможного российско-суданского сближения в ближайшей перспективе станет вопрос отношения руководства России к исламскому фундаментализму как у себя в стране, так и в странах «ближнего» и «дальнего зарубежья». Сейчас, как показывает практика, четкого понимания существа проблемы исламского фундаментализма на уровне российского истеблишмента не имеется. Это создает свои сложности в достижении взаимопонимания с суданской стороной по многим вопросам международного и внутреннего характера, включая, в частности, подходы к решению межконфессиональных конфликтов, проблемы борьбы с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и этническим сепаратизмом. Одним из таких вопросов является оценка некоторых тенденций в развитии религиозной ситуации в отдельных регионах Российской Федерации, а также ограниченная миссионерская деятельность выходцев из Судана в России. Процессы, происходящие в мусульманских общинах России, находятся в поле зрения идеологических лидеров Судана, стремящихся, по мере возможности, принимать в них участие и использовать благоприятно складывающуюся политическую обстановку с целью распространения своего влияния, в первую очередь, на мусульманскую часть представителей российского бизнеса и политической элиты в Российской Федерации. Вместе с тем суданцы отмечают, что в западных странах существуют силы, которые поддерживают создание в России экстремистских группировок антимусульманской направленности.

Ввиду продолжающей сохранять свою актуальность проблемы отделения сепаратистски настроенного Юга суданское руководство внимательно наблюдает за тем, как федеральные власти России решают вопрос в отношении попыток «исламизирующейся» Чечни выйти из состава России. При этом сами суданцы склонны проводить некоторые параллели и аналогии между этими двумя процессами, отмечая тождественность в выборе подходов к прекращению этих конфликтов, которые как в одном,

так и в другом случае далеки от своего решения. Под этим углом зрения суданцы с пониманием относятся к мерам федерального центра России по урегулированию северо-кавказского вопроса в целом. Разграничивая политический и религиозный аспект данной проблемы, руководство Судана неизменно выступает за принцип сохранения территориальной целостности российского государства и осуждает любые попытки использовать религию в качестве разъединяющего фактора. Оно считает, что происходящие события на Северном Кавказе и ведущаяся в России борьба с терроризмом не должны быть использованы какими-либо силами в интересах внесения раскола между Россией и мусульманским миром.

Вместе с тем суданцы проявляют все большую обеспокоенность в связи с происходящими в России событиями. Они считают, что в любой стране мира есть религиозные экстремисты и политические сепаратисты, и правоохранительные органы призваны осуществлять пресечение их подрывной деятельности. По их мнению, попытки лидеров Ичкерии представить свои сепаратистские устремления как исламский «джихад» не имеют под собой каких-либо оснований. Чеченская проблема, считает суданская сторона, не имеет ничего общего с исламом. Она носит чисто политический характер, основывается на корыстных интересах, ведет к подрыву конституционного строя в России и нарушению территориальной целостности государства. Рассматривая место ислама в жизни чеченцев, суданские фундаменталисты отмечают негативную сектантскую роль суфийских тарикатов (Аль-Кадирийя, Ан-Накшбандийя и др.) на Северном Кавказе. Руководство Судана отдает себе отчет в том, что западные страны используют этот конфликт для ослабления России и пытаются придать ему окраску «гуманитарной катастрофы». Суданские политические деятели не исключают, что под этим предлогом может быть осуществлено прямое вмешательство Запада в конфликт на Северном Кавказе. В целях недопущения повторения чеченского сценария они рекомендуют российским властям сосредоточить усилия на профилактической работе среди мусульманских общин в других регионах России, поскольку от их позиции будет зависеть нейтрализация негативных общественных последствий чеченского кризиса.

В последнее время в некоторых отечественных изданиях стала активно разрабатываться тема новой угрозы России со стороны представителей тех или иных радикальных исламских движений, имеющих фундаменталистскую основу (например, «ваххабитов»).

При этом исламистам, судя по всему, стали (или вскоре будут) приписывать практически все экстремистские вылазки боевиков, использующих исламские лозунги при проведении вооруженных акций. Нельзя исключить, что подозрительно быстрое распространение на уровне массового сознания российских граждан термина «фундаменталисты» применительно к тем или иным вооруженным группировкам, главным образом на Северном Кавказе, происходит не случайно, так как попытки представить экстремистов носителями идей фундаментализма или традиционализма,

лежащими в основе официальной идеологии некоторых стран (Саудовской Аравии, Ирана и др.), включая Судан, в конечном счете чреватые не только долгосрочным охлаждением налаживающихся отношений России с этими государствами (что наносит России значительный экономический ущерб), но и способны спровоцировать новый виток усиления межконфессиональных противоречий среди населения России.

В этой связи более корректно будет проведение различий между истинными сторонниками исламских фундаменталистских идей общественного устройства и теми экстремистски настроенными элементами, которые, выступая якобы от имени фундаменталистов, преследуют конкретные политические (если не только экономические) цели, а также теми умеренными фундаменталистами, которых усиленно заставляют поверить в то, что только «исланизм» (т.е. политизированный ислам) в его радикальном варианте способен привести к решению острых социально-экономических и политических проблем. В этом случае искусственно фальсифицируются основные положения фундаментализма, выдвигаются на первый план идеи «джихада» в их наиболее непримиримой форме.

Давая оценку тем или иным проявлениям деятельности «Братьев-мусульман», в том числе и на территории России и стран СНГ, необходимо иметь в виду следующее. Практика применения принципов исламского фундаментализма в трактовке «Братьев-мусульман» показала, что наибольшего успеха это движение достигало в тех случаях, когда выступало в качестве реакции на кризис местных исламских институтов, не способных выполнять интегрирующую социальную функцию. Кроме того, почти в любой исламской стране объективно существует целый комплекс национальных религиозных проблем, критика которых при известных условиях позволяет борцам за чистоту ислама завоевывать значительное число сторонников. В частности, в странах, где официальной религией провозглашен ислам, вопрос взаимоотношений между исламом и этнонациональными домусульманскими традиционными верованиями сложнее, чем обычно представляется мусульманскими богословами или государственными органами по делам религии. Даже в подавляющем большинстве районов традиционного распространения мусульманства в России местное население в той или иной степени сохранило в трансформированном виде некоторые доисламские обычаи и традиции, которые воспринимаются населением как исламские. Именно они являются в первую очередь объектом критики «Братьев-мусульман», стремящихся к очищению ислама от любых проявлений ереси, угрожающей целостности монотеистической религиозной системы. Это относится, в частности, к существующему культу поклонения святым местам (кроме, разумеется, святынь Мекки и Медины), включая места захоронений шейхов, имамов, дервишей и др., причисляемых населением к святым угодникам местного значения.

Известно отрицательное отношение «Братьев-мусульман» к распространенным во многих исламских странах дервишеским орденам (тарика-

там). В частности, в соответствии со своими установками они указывают на неправомерное наделение суфийских лидеров несвойственной, по их мнению, особой благодатью. Кроме того, «Братья-мусульмане» отрицательно относятся к существованию каких-либо группировок в мусульманской общине, кроме, разумеется, своей. В этой связи на Северном Кавказе (Чечне и отчасти Дагестане) радикально настроенные фундаменталистские элементы уже успели испортить отношения с существовавшими здесь в течение длительного периода времени приверженцами суфийских орденов, ответной реакцией которых на нетерпимость борцов за чистоту ислама стала естественная консолидация в защиту своих прав не только на традиционный способ отправления религиозного культа, но и на сложившиеся на этой основе определенные групповые интересы, которые неизбежно формируются со временем практически в большинстве тарикатов.

По мнению суданцев, некоторые особенности религиозной ситуации в Судане и России (северокавказский регион) и их влияние на политические процессы имеют сходный характер. В первую очередь это касается деятельности суфийских орденов, в том числе тариката Аль-Кадирийи – второго по численности суфийского братства (после Ан-Накшбандийи) на территории России, распространенного в Чечне, Ингушетии и отчасти в Дагестане. В Судане приверженцы Аль-Кадирийи составляют значительное число мусульман, а по влиянию этот тарикат уступает только Аль-Хатмийи и Аль-Ансар – двум главным суфийским орденам, оказывающим традиционно доминирующее влияние на политическую жизнь Судана. Для российских властей проблема восстановления прежнего влияния дервишеских орденов (фактически запрещенных в советское время) пока еще, к сожалению, не стала предметом специального внимания, а степень их воздействия на внутривнутриполитическую ситуацию в отдельных районах не всегда принимается в расчет. Вместе с тем общая тенденция дальнейшей «исламизации» России не исключает распространения суфийских учений, принимая во внимание высокую мобильность дервишей и наличие относительно благоприятных условий для их деятельности на территории Российской Федерации. В любом случае изучение опыта взаимодействия суданских властей с суфийскими орденами может быть полезно для российской стороны в плане выработки некоторых важных аспектов религиозной политики.

Так же как и в Судане, определенные трудности на пути распространения своего влияния могут встретить «Братья-мусульмане» в России в виде сохраняющихся, в частности на Северном Кавказе, так называемых «горских законов» (одной из разновидностей известных в той или иной форме практически во всех исламских странах, в том числе и в Судане, норм племенного права «урф»), которые в значительной степени определяют правовое сознание населения данных районов, а по своей моральной составляющей в сложившихся общественных и политических условиях стали доминирующими. По своей сути шариат (основанный на Коране и сунне) не приемлет племенного права, уходящего корнями глубоко в до-

исламский период, и мусульманские богословы и юристы во многих исламских странах вынуждены либо мириться с существованием в периферийных отдаленных районах практики применения племенных норм урегулирования тех или иных спорных (имущественных, наследственных и других) вопросов, либо, как это свойственно, например, фундаменталистам, объявлять эту практику вне исламского законодательства. Вместе с тем здесь уместно отметить, что согласно новой Конституции Судана (1998 г.), «урф» является одним из источников законодательства.

В настоящее время еще рано говорить о серьезном распространении идей «Братьев-мусульман» и подобных им фундаменталистских движений на территории России. Вместе с тем в контексте процессов «исламизации» отдельных российских регионов нельзя пройти мимо назревающей проблемы усиливающихся попыток отдельных политических сил разыграть карту «фундаментализма», запугивая общественное мнение угрозой новой волны исламского экстремизма и оказывая тем самым давление на политический истеблишмент российского государства. Действительно, начиная с 90-х годов активность радикальных исламистов стала отмечаться в республиках северокавказского региона, где ими проповедовались идеи всеобщей исламизации населения, осуществлялась определенная поддержка сепаратистских настроений. Однако рост числа приверженцев исламского фундаментализма на Северном Кавказе, в особенности в Чечне и Дагестане, вызванный в первую очередь социально-экономическими причинами, был использован политическими экстремистами в целях подчинения своему влиянию официальных культовых учреждений, противопоставления верующих органам власти, создания ими религиозно-политических структур и вооруженных формирований, укрепления контактов с руководителями некоторых националистических и сепаратистских движений за рубежом.

Напряженная ситуация на Юге России, связанная с проблемой Чечни, огромное количество беженцев, экономическая миграция, безработица, резкая имущественная дифференциация населения и т.п. пока не позволяют предположить сколько-нибудь существенного улучшения положения в обозримой перспективе. Эти негативные причины порождают у части населения иллюзии в возможности социальной стабилизации на пути дальнейшего продолжения курса реформ, связанных не с формационной переориентацией или же модернизацией, а с инстинктивно ощущаемой возможностью самосохранения на путях традиционализма и религиозного фундаментализма. В этой ситуации фундаменталистская концепция исламского государственного и общественного устройства, проповедуемая в том числе и миссионерами-суданцами в России и странах СНГ, начинает выглядеть особенно привлекательной благодаря своей простоте и доступности практической реализации. Вместе с тем еще до событий 1998-1999 гг. только небольшая часть населения отдаленных районов Чечни и Дагестана оказалась восприимчива к идеологии исламского фундаментализма (т.н. «джамааты»). Вероятно, это было вызвано активным

противодействием местных политических элит распространению влияния сторонников халифата, деятельность которых чревата угрозой изменения status quo.

Проблема возможного дальнейшего распространения идей Хасана аль-Банны и Сейида Кутба в России сводится, в конечном счете, к тому, насколько российские мусульманские общины готовы к восприятию идеологии «Братьев-мусульман» через призму того ислама, который традиционно был известен народам России. Кроме того, эти идеи носят заимствованный характер, и их предстоит осмыслить с учетом национального опыта и местной традиции. Само по себе распространение идеологии исламского фундаментализма в нашей стране (и попытки «исламистов» возглавить этот процесс) лишь отчасти является следствием объективных внутренних причин социально-экономического и политического характера. Ответственность за дальнейшее возможное опасное развитие религиозно-политической ситуации в странах СНГ и традиционно исламских регионах России в определенной мере может быть возложена и на исламские страны, осуществляющие внешнеполитическую и идеологическую экспансию с целью укрепления своего внутреннего положения, и на западных партнеров России, так и не сумевших (или не захотевших), как показала жизнь, отойти от практики «двойных стандартов» в оценке деятельности различного рода экстремистов, включая и тех, кто прикрывается «зеленым знаменем джихада» в разных точках планеты. В то же время несмотря на всю сложность процесса «возрождения» ислама в мире, включая государства на постсоветском пространстве, и в первую очередь в российских регионах, реальный анализ обстановки не может не привести в конечном счете зарубежные исламские политические элиты к выводу о том, что каковы бы ни были коллизии российской внешней и внутренней политики, без поддержки России мусульманский мир может один на один остаться с Западом и США, существо позиции которых в отношении переходных обществ еще долго будет определяться настороженностью и недоверием.

Таким образом, определенный резерв для политического взаимодействия двух стран на международной арене может быть задействован при выработке совместных подходов в плане борьбы с этно-конфессиональным сепаратизмом и религиозным экстремизмом, представляющим угрозу территориальной целостности и социальной стабильности обеих стран, а также на путях поиска решений некоторых схожих проблем, характерных для переходной экономики и выбора направлений дальнейшей социально-экономической модернизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многие предпосылки зарождения и развития исламского фундаменталистского движения в Судане относятся к последней четверти XIX – началу XX веков: восстание махдистов и создание халифата на принципах шариата (1881-1899 гг.), последующие выступления суданских племен под исламскими лозунгами (1900-1920 гг.), возникновение в 20-х гг. нелегальных исламских организаций (Ассоциация улемов, Ассоциация защиты религии и др.). Вместе с тем конкретные условия формирования современной теории и практики исламского фундаментализма в этой стране имеют более позднее происхождение.

На протяжении второй половины XX века в Судане наблюдалась своего рода цикличность смены форм военного и гражданского правления. Эта тенденция характеризовалась периодическим запретом на деятельность партий и их последующим выходом вновь на политическую арену в периоды демократизации. Однако созданные еще в 40-50-х годах основные устойчивые политические группировки (партии) не могли решить наиболее серьезные социально-экономические и политические проблемы страны в периоды своего нахождения у власти. Неспособность традиционных партий предложить обществу действенные программы преобразований создала основные предпосылки для выдвижения в конце 80-х годов на политическую авансцену Судана представителей политических сил, выступивших под лозунгами исламского фундаментализма.

Приход исламистов во власть осуществлялся в Судане постепенно, по мере формирования их организационно-политических структур и становления идеологической доктрины. Заявив о своем существовании наряду с другими политическими силами в 40-50-х годах, группы сторонников исламского пути развития (состоящие в основном из получивших местное и европейское образование выходцев из средних слоев общества, своего рода суданских «разночинцев») в середине 60-х годов начали вхождение в политику. Для этого они использовали возможности организации «Братья-мусульмане», противопоставив свой «радикальный» ислам колоссальному влиянию лидеров «традиционного» ислама (тарикатов Аль-Хатмийя, Аль-Ансар и др.), а также идеологической и организационной силе одной из самых крупных на Африканском континенте Суданской коммунистической партии.

Осуществив в 70-х годах завоевание основных идейно-политических позиций в суданском обществе, исламские фундаменталисты в первой половине 80-х годов предприняли первые попытки применения своих взглядов на практике (введение шариата в соответствии с «сентябрьскими законами» 1983 г.). После свержения в апреле 1985 г. режима Джаафара Ни-

мейри в результате государственного переворота, который возглавил министр обороны Судана генерал Абд ар-Рахман Сивар ад-Дахаб, исламские фундаменталисты значительно укрепили свое влияние. Они не только добились значительных успехов на парламентских выборах 1986 года, но и, войдя в начале 1988 г. в коалиционное правительство «национального единства», провели решение о восстановлении «сентябрьских законов».

Закрепившись у власти в 1989 г. в ходе совершенной военными во главе с генералом Омаром аль-Баширом «Революции национального спасения», исламисты получили более широкие возможности для проведения в жизнь своих концепций. Однако очень скоро они столкнулись с антисуданской кампанией со стороны Запада на международной арене, а также недостаточной для полномасштабных реформ поддержкой в самом суданском обществе. Серьезное противодействие планам исламских фундаменталистов было оказано «традиционными» политическими силами (верхушка крупных дервишеских братств и племенных объединений), сохраняющими свое положение благодаря глубокой интегрированности в социальную-экономическую структуру суданского общества.

Наметившийся во второй половине 90-х годов кризис предложенной фундаменталистами исламской модели социально-экономического и политического устройства потребовал очередного этапа реформ. Став к этому времени частью правящей элиты суданского общества, исламские фундаменталисты начали уделять больше внимания модернизации национальной экономики. Добившись определенных успехов на пути либерализации экономической сферы, к концу столетия правящие круги Судана столкнулись с необходимостью решения самой сложной на сегодня проблемы страны – достижения национального единства. Задача по осуществлению политического урегулирования осложнилась консолидацией сил южносуданских сепаратистов с представителями «традиционной» северосуданской оппозиции (симбиоз крупнейших партий и дервишеских орденов), утратившими за годы правления фундаменталистов многие из своих привилегий.

Для решения этой политической проблемы была предпринята так называемая «четвертая в истории Судана попытка демократизации» общественно-политической жизни страны (первая – 1956-58 гг., вторая – 1964-69 гг., третья – 1985-89 гг.). Смысл процесса начатой в стране политической реформы заключался в умеренном перераспределении власти в пользу новых для суданского общества политических сил, способных выполнить роль преемников и гарантов привилегий нынешней элиты. Фактически с принятием в 1998 г. новой конституции Судана, предусматривающей многопартийность, и Закона о политических объединениях часть лидеров фундаменталистского движения во главе с Хасаном ат-Тураби, ориентируясь на новые социальные слои, выросшие в рамках проводившейся в 90-е годы умеренной экономической либерализации, пошла на проведение рискованного в условиях Судана эксперимента по реформированию политической системы страны.

Теоретическое обоснование этого эксперимента было предложено Хасаном ат-Тураби, выдвинувшим во второй половине 90-х годов концепцию межконфессионального сосуществования на базе идеи обновления ислама и его приспособления к новшествам современности через возврат к фундаментальным религиозным ценностям. При этом, однако, на практическом уровне ат-Тураби так и не смог до конца умерить свою приверженность принципу «исламской солидарности» на международной арене. Тем не менее исламский модернизм и политический прагматизм ат-Тураби послужили основой для проведения в Судане реформы, направленной на создание системы по типу «прямой народной демократии». По замыслу ее разработчиков, новая политическая структура должна была состоять из общесуданской многонациональной и многоконфессиональной «партии власти» – Национального конгресса и местных конгрессов различного уровня, дополняемых конгрессами, сформированными по видам трудовой деятельности, молодежными, женскими и т.п., а также соответствующими «народными» консультативными органами по всему спектру внутренней и внешней политики. Участие членов Конгресса и «беспартийных» регулировалось исходя из принципа «справедливого представительства». Тем самым фактически закладывалась основа для параллельной структуры власти в стране.

Учредительный съезд этой «суперпартии» состоялся в октябре 1999 г. и продемонстрировал широкую поддержку ее программы со стороны представителей нового поколения суданской политической и экономической элиты, заинтересованных в достижении стабильности в соответствии с новой для Судана концепцией национального развития (мирное сосуществование в рамках множественного этно-племенного и конфессионального сообщества). Вместе с тем планировавшаяся политическая система, по замыслу части фундаменталистов во главе с ат-Тураби, должна была обеспечить их главенство на переходный период, который завершался бы в конечном счете «растворением» государства в обществе путем создания общесуданского «блока партийных и беспартийных».

Однако на пути реализации этого плана встали прежде всего представители второго участника кондоминиума «фундаменталисты – военные». Несмотря на то, что президент страны генерал Омар аль-Башир председательствовал на учредительном съезде НКС, а часть высших армейских офицеров была кооптирована в высшие руководящие органы этой организации, возможное коренное изменение традиционных правил политической жизни страны ставило под сомнение необходимость участия военных во власти. Кроме того, нестандартные шаги ат-Тураби снова могли привлечь нежелательное внимание к Судану, как это произошло, например, в начале 1998 г. в отношении создававшейся ат-Тураби международной общественной организации Исламский арабский народный конгресс. Тогда аль-Баширу удалось нейтрализовать деятельность ат-Тураби по формированию этого нового «исламского интернационала» и успокоить общественное мнение соседних государств и стран Запада. В нынешних условиях излишняя

политическая и идеологическая активность ат-Тураби могла создать дополнительные трудности в диалоге с США, представители которого требуют от суданцев соблюдения норм «западной демократии».

Другим серьезным противником политической реформы выступили «традиционные» партии, корни и влияние которых оказались гораздо глубже, чем предполагали фундаменталисты. Несмотря на колоссальную политическую работу, проделанную ат-Тураби, по привлечению этих партий для участия в НКС, ему удалось лишь расколоть некоторые из них. В результате образовались одновременно партии, принявшие установленные правительством правила политического поведения (зарегистрированные), и партии, не прошедшие регистрацию в соответствии с новым Законом о политических объединениях 1998 г. (оппозиционные). Более того, сохранившие свою социальную базу в виде мощных тарикатов Аль-Ансар и Аль-Хатмийя крупнейшие оппозиционные партии Аль-Умма и Юнионистско-демократическая партия вступили в союз с южносуданскими повстанцами из Народно-освободительной армии Судана (НОАС), а также других антиправительственных группировок на Севере и Юге, образовав Национальный демократический альянс (НДА), выступающий за свержение нынешнего режима.

Еще одним важным противником планов ат-Тураби выступила часть этно-племенных региональных элит, издавна, еще со времен англо-египетского управления, составлявшая местные центры власти. Их негативная позиция определялась тем, что задуманная структура Национального конгресса фактически подрывала в перспективе основы суданского парламентаризма, конструктивные возможности которого в плане представительства интересов периферии, как ошибочно полагали фундаменталисты, были уже исчерпаны. Дело в том, что привнесенные и постепенно привитые еще в первой половине XX века англичанами формы представительной демократии западного образца и сопутствующие политические институты (парламент, политические партии, организованная оппозиция, плюралистичная пресса и т.п.) использовались суданцами на протяжении последней половины XX века. Эти формы задействовались суданскими политическими силами частично или в более полном объеме с учетом текущей политической ситуации в стране и характера очередного правящего режима. Постоянная востребованность форм демократического управления, вероятно, определяется существом баланса реальных отношений между истинными центрами власти в традиционном суданском обществе, а также необходимостью демонстрации мировому сообществу в качестве подтверждения «демократичности» имеющейся общественной системы.

Вместе с тем введение президентом Омаром аль-Баширом в декабре 1999 г. чрезвычайного положения и приостановление деятельности парламента во главе с Хасаном ат-Тураби нельзя рассматривать ни как полный крах «четвертой попытки демократизации», ни как серьезный удар по исламскому фундаменталистскому движению в Судане. Развитие внутриполитической ситуации в стране во второй половине XX века демонстри-

рует тенденцию к созданию демократического правления, исходя из специфики самого суданского общества. При таком подходе участие исламских фундаменталистов в процессе социально-экономической и политической эволюции Судана выглядит как одна, причем небезальтернативная, но тем не менее заслуживающая внимания попытка развития традиционного общества.

Каковы бы ни были дальнейшие варианты изменения политической ситуации в Судане, при ее анализе следует учитывать сохраняющиеся возможности и потенциал исламского фундаменталистского движения в целом. В этой связи определение дальнейших перспектив развития исламского фундаментализма как идеологии и политического движения в стране должно строиться, исходя из следующих обстоятельств:

Во-первых, в течение 90-х годов исламское фундаменталистское движение в Судане стало самостоятельной политической силой, накопив определенный теоретический потенциал и приобретая соответствующий опыт практической деятельности в области внедрения исламской модели государственного и общественного устройства с учетом суданской специфики. Совершив ряд просчетов и ошибок во внутренней и внешней политике, которые привели к международной изоляции и консолидации внутренней оппозиции, исламские фундаменталисты продемонстрировали способность в рамках своих основных идеологических установок к учету изменившихся реалий и выработке новых путей решения проблем.

Во-вторых, не вызывает сомнения, что в обозримой перспективе на стабильность государственного и общественного устройства Судана будет оказывать влияние внутренний ресурс организационно-политических объединений исламистов. Практика показала, что за последние полстолетия опыт этих структур постоянно накапливался через деятельность таких организаций, как Исламское движение за освобождение (1949 г.), Исламский фронт за принятие исламской конституции (1957 г.), Фронт исламской хартии (1964 г.), Национальный исламский фронт (1985 г.), Народная исламская конференция (1998 г.). При этом идеологической доминантой этого процесса оставалась суданская ассоциация движения «Братьев-мусульман», которая постепенно оформилась в самостоятельное политическое объединение со своей идейной платформой, а главное – по-своему уникальным опытом реализации исламских фундаменталистских принципов на суданской национальной почве.

В-третьих, немаловажное значение для оценки политического будущего суданского фундаменталистского движения (или его составных частей) будут иметь их конкретные программы по решению наиболее острых проблем общенационального масштаба, главной из которых остается вооруженный конфликт на Юге страны, населенном в отличие от арабомусульманского севера негроидными племенами, где начиная с середины 50-х годов при поддержке США, Англии и Ватикана развернулось сепаратистское движение под флагом защиты христианского меньшинства и племен, исповедующих местные традиционные верования и культы. Дру-

гой крупной проблемой для суданских исламистов будет оставаться вопрос налаживания диалога с оппозицией, влияние которой на некоторые слои электората продолжает оставаться значительным. Достижение национального согласия вынуждает фундаменталистов считаться с устойчивостью наиболее авторитетных суданских политических партий, которая основывается на их изначальной интегрированности в суфийские ордены (тарикаты – аль-Хатмийя, аль-Ансар, аль-Кадирийя и др.) – оппозиционное фундаменталистской идеологии явление, но пользующееся традиционной народной поддержкой.

В-четвертых, внешнеполитический аспект деятельности суданских фундаменталистов несет в себе как негативную, так и позитивную для их политического будущего составляющую. С одной стороны, на международной арене Судан известен как проводник исламской фундаменталистской идеологии, основанной на принципах «социальной справедливости» во всех областях, возвращения к нормам первоначального ислама, практиковавшимся во времена Пророка Мухаммеда и первых после него четырех правителей раннего мусульманского государства («праведных халифов»). Подобные идеологические установки предполагают поддержку Суданом своих идейных союзников, прежде всего зарубежные неправительственные религиозно-политические организации, стоящие на позициях движения «Братья-мусульмане». Это обстоятельство создает трудности в нормализации отношений с западными странами. С другой стороны, суданцы достаточно умело пользуются имиджем «фундаменталистского» государства в целях пропагандистского обеспечения своих внешнеполитических акций. Обвинения со стороны западных стран Судана в поддержке международного терроризма не достигают предполагаемого эффекта хотя бы на уровне социальной психологии мусульман в других странах, в том числе и в испытывающей воздействие «вестернизации» России, которые считают «суданских братьев» стойкими «исламскими борцами с империализмом и сионизмом», продолжающими борьбу за национальную (а шире – религиозную) независимость.

В-пятых, существует немаловажное обстоятельство, которое в среднесрочной перспективе будет способствовать поддержке населением деятельности суданских фундаменталистов. Это относится к беспримысленной на уровне национальной традиции риторике фундаменталистов в отношении курса на независимость страны и решимости выдерживать оказываемое экономическое и политическое давление со стороны западного мира. Одновременно такая политика обеспечивает помощь со стороны нефтедобывающих исламских государств, подданные которых в силу неизменности принципа «исламской солидарности» ощущают свой долг перед «суданскими братьями». Кроме того, в моральном плане противостояние «греховному» Западу формирует чувство востребованности у самих суданцев в контексте проводимой ими внешней политики.

Таким образом, практическая деятельность пришедших к власти на волне «Революции национального спасения» во главе с Омаром аль-

Баширом исламских фундаменталистов по преобразованию общественно-политического и государственного устройства Судана достигла определенных результатов. При этом заслуживает внимания тот факт, что эта деятельность осуществлялась в очень сложных и во многом специфических полиэтнических и многоконфессиональных условиях. Кроме того, социально-классовая структура суданского общества по-прежнему остается весьма пестрой и мозаичной. В этой связи опыт суданских фундаменталистов, как позитивный, так и негативный, заслуживает внимательного анализа, тем более, что многие зарубежные мусульманские организации и движения пытаются активно его использовать в своей практической работе. Очевидно, что идеологии суданских фундаменталистов, построенной на концепциях видных исламских теоретиков Хасана аль-Банни, Сейида Кутба и адаптированной к национальным условиям Хасаном Абдаллой ат-Тураби, предстоит нелегкая проверка на дальнейшую востребованность в многоконфессиональных условиях, осложненных наличием социально-экономических противоречий на уровне самой мусульманской общины Судана.

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Термин «фундаментализм» в своем первоначальном значении употреблялся в отношении определения крайне консервативного течения в современном протестантизме, возникшего в начале XX века в южных штатах США. Фундаментализм выступал против либерального протестантского рационализма, который осуждался как модернизм. Для протестантского фундаментализма характерно непринятие любой критики или рационалистического истолкования Священного писания – «фундамента» христианства.

2. Отечественный исламовед М.В.Рябов считает, что главной системной функцией мусульманской религии в этом случае выступает интегративная функция, направленная на обеспечение целостности той или иной социальной системы, члены (или часть членов) которой исповедуют ислам. Исходя из специфических особенностей функционирования конкретных социальных систем, расположенных в районах традиционного распространения ислама, в сознании составляющих их социумов разных уровней в качестве разновидностей модели идеальной формы социальной организации выступают традиционалистская, фундаменталистская и модернистская модели. Содержание каждой из названных моделей и «взаимоотношения» их с обществом (в данном конкретном случае – возрастание роли исламского фундаментализма) детерминируется в основном объективными факторами, связанными с различными аспектами жизнедеятельности конкретных социальных систем на глобальном, региональном и страновом уровнях. Рост фундаменталистских тенденций, по мнению этого исследователя, детерминируется противостоянием в масштабах планеты систем, основу жизнеобеспечения которых составляет «производящее хозяйство» и «присваивающее хозяйство». Имеется в виду, что экономика последних базируется на «присваивающем хозяйстве», но не в привычном его понимании (охота и собирательство), а в современном, как своего рода высшая форма упомянутого типа хозяйства, когда социум практически не производит достаточной для своего существования биомассы, а живет за счет потребления и продажи ресурсов, которые предоставлены в его распоряжение природой, добываются и вывозятся с использованием технологий и технических средств, разработанных, изобретенных и произведенных в других странах (по причине отсутствия собственной индустрии), и/или за счет своего выгодного географического положения (туризм, транзит товаров, банковские услуги и т.д.). Мелкотоварное производство на небольших земельных наделах, традиционно лежащее в основе экономики упомянутых стран, в том числе и Судана, испытывает влияние крупного индустриального производства и при определенных условиях может вступить с ним в конфликт.

Как правило, это имеет место при наличии негативных тенденций в экономическом развитии того или иного социума, не говоря уже об экономических кризисах, в том числе в обществе переходного периода. Одним из проявлений подобного рода конфликтной ситуации является «всплеск» исламского фундаментализма (традиционализма). Таким образом, по мнению М.В.Рябова, развитие геополитической ситуации будет проходить по линии конфронтации этих двух больших систем, жизнеобеспечение которых происходит на основе упомянутых типов хозяйств, как бы эти системы ни назывались: «Юг»/«Север» или «Восток»/«Запад» (См. подробнее: 181).

3. Как считает А.Ю.Умнов, массовость поддержки населением исламистов (исламитизм – в значении новый фундаментализм, возникший в XX веке) зависит в конечном счете от степени близости «большой» исламской традиции (отрицающей посредничество между Богом и человеком) и «малой» традиции (утверждающей такое посредничество в виде культа святых). Связующим «мостом» между этими традициями выступает в суннитских странах суфизм. Шиизм, в силу присутствия идеи посредничества и в «большой», и в «малой» традициях, в таком мосте не нуждался. Таким образом, считает А.Ю.Умнов, сформировавшийся на городской базе и в рамках «большой» традиции суннизма исламитизм оказался идейно оторванным от деревни, где господствовала традиция «малая». В шиизме, напротив, обе традиции очень близки. Поэтому здесь сельские жители, переезжая в города или оставаясь в деревнях, весьма восприимчивы к идеологии исламистов. В суннизме же они склонны скорее терпеть ее, чем поддерживать, и то лишь в случае необходимости (См.: 187, с.246). Если встать на точку зрения этого исследователя, то можно предположить, что, например, в Судане, где традиционно очень развиты суфийские тарикаты, а их лидеры до недавнего времени почитались почти как представители духовенства в шиизме, социальная база фундаменталистов также возрасла в силу уменьшения «большой» традиции в пользу «малой».

4. Перспективы дальнейшего распространения идеологии исламского фундаментализма на постсоветском пространстве будут зависеть не только от социально-экономических факторов, объективно способствующих формированию в обществе групп, протестные настроения которых могут быть реализованы с установлением «исламского порядка». «Судя по всему, – пишет Р.Г.Ланда, – одной из причин неудачи фундаменталистов на всем постсоветском пространстве будут национализм и регионализм. В сущности, они весьма сходны и иногда проявляются даже одновременно. Невозможно установить ни солидарность всех мусульман СНГ, ни даже только исламских фундаменталистов в условиях, когда сугубо националистические настроения берут верх практически во всех мусульманских республиках бывшего Союза, а внутри некоторых из них регионализм оказывается сильнее национализма» (65, с.267).

5. Основателем Ассоциации «Братья-мусульмане» и разработчиком ее доктрины выступил египетский учитель начальной школы шейх Хасан аль-Банна (1906 – 1949 гг.), который в 1928 г. создал первую ячейку этой орга-

низации в г. Исфахия (Египет). Со временем Ассоциация приобрела сложную (называемую по форме «виноградная гроздь») организационную структуру, обеспечивавшую строгий контроль над каждым из звеньев и абсолютное повиновение ее руководителю – Хасану аль-Банне. Движение «Братья-мусульмане» быстро распространилось во многих арабских странах, в частности, в Сирии, Палестине, Иордании, Ливане, Ираке, Йемене, Судане и многих других исламских странах, а также Европе и США. В идейном плане движение «Братьев-мусульман» в период своего зарождения испытало влияние учения Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба; взглядов сенуситов (членов дервишеского ордена, возникшего в Мекке в 1837 г. и распространившегося в Ливии, которые призывали к чистоте первоначального ислама и провозглашали особую важность «джихада»); идей известного египетского религиозного деятеля – теолога Рашида Рида. В определенной мере идеологией этого движения стало развитие концепции «исламского призыва» Ибн ат-Таймийи (1263-1328 г.) и частично принципов религиозно-правовой школы имама Ахмеда бен Ханбала (780-855 гг.). Из суфизма «Братья-мусульмане» взяли, преимущественно, положения, определяющие методику религиозного самовоспитания и самосовершенствования.

6. Заключительные строки своей последней книги «Ценности исламского представления» 60-летний Сейид Кутб написал в египетской тюрьме Торра накануне вынесения приговора. Он был арестован в 1954 г., осужден на 15 лет тюрьмы и каторжных работ, десять из которых провел в заключении. Однако после вмешательства иракского президента Абд ас-Саляма Арефа был освобожден в 1964 г., а через год был снова арестован за антиправительственную деятельность и приговорен к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение через повешение 29 августа 1966 г. Творческое наследие С.Кутба насчитывает более 20 литературно-философских и публицистических произведений. Среди наиболее известных и пользующихся популярностью в Судане обычно отмечают: «Под сенью Корана», «Социальная справедливость в исламе», «Ценности исламского представления», «Особенности исламского представления и его ценности», «Вехи на пути», «Ислам и проблемы цивилизации», «Сражение ислама с капитализмом» и др.

7. Краеугольным камнем религиозно-политической концепции Сейида Кутба является положение о том, что человечество в настоящее время снова переживает период так называемого «доисламского невежества» (по-арабски «джахилийя»), который, как это принято считать в исламской историографии, характеризовался варварством и продолжался вплоть до ниспослания Аллахом «слова божьего» аравийским арабам через Пророка Мухаммеда, положив начало исламской («истинной») цивилизации. Современное «невежество», полагал Кутб, в которое вновь впал людской род, в том числе и мусульмане, на пути греховности, опаснее и безобразнее предшествовавшего. При этом «кутбисты» считают «джахилийскими» проявлениями как существующие «западные капиталистические», так и социалистические модели общественного развития, а также многие режи-

мы в тех странах, где в настоящее время официальной религией провозглашен ислам. В последнем случае «кутбисты» утверждают, что, заявляя на словах о господстве исламского учения в этих странах, их руководство ничего не делает для реального претворения в жизнь положений Корана и сунны, в которых, по представлениям «кутбистов», содержатся все необходимые положения и рекомендации, позволяющие установить правильные отношения между индивидуумами в обществе, в экономической и политической сферах, а также между государством и людьми (Подробнее см.: 48; 55; 56).

8. В Пакистане в настоящее время действуют легально две основные неправительственные исламские политические организации. Наиболее влиятельной и организованной считается партия исламских фундаменталистов «Джамаат-и-ислами», которая не имеет представительства в пакистанском парламенте. Ее возглавляет кази (законник) Хусейн Ахмед, который критикует правительство Наваза Шарифа за резкий упадок национальной экономики, возросшую политическую нестабильность и предательство национальных интересов Пакистана в связи со сдачей позиций в секторе Каргил и отводом войск с индийской территории под нажимом США. Пользуется влиянием радикальная исламская организация «Техрик-уль-муджахедин». Ее лидер Имран Хан, до недавнего времени капитан пакистанской сборной по крикету, популярная в стране спортивная личность и неоднозначный политик, выступает за сохранение пакистанской мусульманской государственности. Кроме того, своеобразным «зонтиком прикрытия» для многочисленных сепаратистских, экстремистских и террористических организаций, много лет ведущих подрывную деятельность внутри индийского штата Джамму и Кашмир и имеющих своей целью фактическое отторжение всего Кашмира в пользу Пакистана, выступает так называемая Всепартийная организация «Хуррият», имеющая пять основных лидеров (208, 03.08.99 г.).

9. Рассмотрение предпосылок зарождения исламских фундаменталистских тенденций в социально-экономической сфере предполагает анализ производственной деятельности социально-профессиональных групп населения Судана. Однако такое исследование ввиду его значительного объема не укладывается в структурные рамки настоящей работы.

10. Доктор филологических наук Аун аш-Шариф Касим родился в 1933 году в г.Хальфаят аль-Мулюк (долина Нила). В 1957 г. окончил Хартумский университет, степень магистра получил в 1960 г. в Лондоне. Преподавал арабскую литературу в Институте восточных и африканских исследований в Лондоне, Хартумском международном институте, Хартумском университете. В период 1968-1981 гг. возглавлял редакцию «Журнала суданских исследований» в Хартумском университете; в 1971-1981 гг. был министром по религиозным вопросам и вакфам, главой высшего совета по делам религии и вакфов. Кроме того, возглавлял совет Исламского университета в Омдурмане (1976-1982), являлся редактором журнала «Аль-Вади» (1979-1982), ректором Международного Хартумского институ-

та арабского языка при Арабской организации по вопросам воспитания, культуры и науки (1988).

11. Особую заинтересованность средних слоев северосуданской торговой буржуазии в экономическом освоении Юга можно продемонстрировать на основании подсчетов, сделанных автором по материалам «Отчета комиссии по административному расследованию событий на Юге», согласно которым, из общего числа северян (261 чел.), погибших в результате беспорядков на Юге Судана от рук местного населения в августе 1955 г., 110 чел. были в той или иной степени связаны с торговлей. Среди них: торговцев – 87 чел.; мясников – 10 чел.; представителей выездной торговли – 6 чел.; торговых агентов – 4 чел.; владельцев торговых складов – 3 чел.; продавцов – 1 чел.; маклеров – 1 чел.; менял – 1 чел. Таким образом, более 42 % северосуданцев, погибших в ходе столкновений, являлись представителями северосуданского торгового капитала. Остальные были военными, священнослужителями, учителями, инженерами, строителями, рабочими и др. (Подсчитано по: 24, с.45-94).

12. Христиане-южане получали образование в миссионерских школах, пользовавшихся поддержкой западного капитала (Англия, США, Италия и др.). Часть христиан-южан, пройдя соответствующую подготовку, делала карьеру в административном аппарате, религиозных миссиях, торговых представительствах западных стран в Судане, трудилась в качестве квалифицированных рабочих и техников на промышленных предприятиях. Эта небольшая по численности категория лиц была достаточно активна в политическом отношении и играла основную роль в создании политических организаций на Юге. Вместе с тем подавляющее большинство христиан-южан было охотниками, скотоводами, земледельцами и т.п. Они шли на первоначальный контакт с миссионерами из-за материальных соображений. Египетский инженер Т.М.Халифа, описавший свои наблюдения во время работы на Юге Судана в конце 30-х годов, отмечал в частности, что «проповедники привлекали внимание жителей этого района, прежде всего, пищей, одеждой и лечением, поскольку местное население страдает от голода, недостатка одежды и болезней... Некоторые из них живут на попечении миссий, где они слушают проповеди и усваивают новый взгляд на мир и религию» (145, с.52).

13. Египетское руководство, в свою очередь, также уделяло значительное внимание распространению исламского (проегипетского) влияния как в Северном, так и Южном Судане. Большую деятельность в этом направлении осуществлял каирский университет Аль-Азхар. По официальным данным Министерства просвещения Египта, на июль 1952 г. из общего числа студентов-иностранцев 3961 чел., командированных для получения богословского образования в университет, 2336 чел. были суданцами (59%). При этом число студентов из Северного Судана достигало 1605 чел., Сеннара (Средний Судан) – 391 чел., и Дарфура (Юго-Западный Судан) – 340 чел. (подсчитано по: 16, с.50). Кроме того, в Южном Судане Аль-Азхар имел свои миссии по обучению и распространению

исламской пропаганды в Джубе и Малакале, куда было командировано 6 египетских преподавателей-теологов (16, с.49). Эти миссии внесли свою лепту, не только обратив часть южан в ислам, но и привив им симпатии к Египту и его представителям в Судане.

14. Либеральная партия («Хизб аль-ахрар») – появилась как одно из прикрытий сторонников имама Абд ар-Рахмана аль-Махди в ходе выборов в руководящие органы Конгресса выпускников в 1944 г. Программа партии предусматривала требование «внутренней независимости для Судана в его географических границах с последующим его вступлением в союз с Египтом на основе свободной конфедерации», по другим источникам – «учреждение суданского правительства в унии с Египтом с сохранением автономии Судана». Программа этой партии предусматривала «установление опеки на период до трех лет, в течение которых Судан перейдет к независимости». Либералы пользовались поддержкой ордена Аль-Ансар, члены которого помогали распространять печатные издания этой партии в ходе предвыборной компании в Конгрессе выпускников. На выборах 1944 г. эта партия получила 9 мест в «Комитете 60-ти». В 1945 г. она раскололась на две части: «Либералов-юнионистов» («Аль-Ахрар аль-иттихадийун») и «Либералов-сепаратистов» («Аль-Ахрар аль-инфисалиюн»). Первые затем примкнули к партии Аль-Ашикка на основе принципа «создания демократического суданского правительства в союзе с Египтом и под египетской короной». «Либералы-сепаратисты» в свою очередь примкнули к партии Аль-Умма (См. подробнее: 103; 104; 118; 125; 133; 143; 144).

15. Демократическая партия Юга («Аль-Хизб ад-димукратый аль-джанубий») – небольшая политическая группировка, действовавшая в южных провинциях в начале 50-х годов и состоявшая только из представителей этих районов. Позднее возникла новая партия под таким же названием – см.: п. 41.

16. Лейбористская демократическая партия («Хизб аль-уммаль ад-димукратый») – малочисленное политическое объединение, созданное накануне достижения независимости Судана. На период 1956 г. партия имела свой политический клуб в Хартуме.

17. Националистическая партия («Аль-Хизб аль-кауми») появилась как одно из прикрытий сторонников лидера Аль-Ансар Абд ар-Рахмана аль-Махди в ходе предвыборной компании в Конгрессе выпускников в 1944 г. Программа партии содержала требование отмены договоров 1899 и 1936 гг., т.е. ликвидации совместного англо-египетского управления, затем принятие мандата от государств кондоминиума под надзором международной опеки. Программа этой партии требовала также создание «независимого демократического суданского правительства», подготовку суданцев к самоопределению в течение переходного периода. Рассмотрение вопроса о союзе с Египтом допускалось только после реализации указанных мер. На выборах в Конгрессе выпускников в 1944 г. эта партия не получила ни одного места в «Комитете 60-ти», а в 1945 г. – при под-

держке формировавшейся партии Аль-Умма – завоевала 15 мест. Программа «националистов» принималась большинством ветеранов Конгресса выпускников и чиновников суданского правительства, заинтересованных в стабилизации существующего положения. «Националисты» считались партией «умеренных», которые пытались привлечь к себе все стороны; но особенно тесно они сотрудничали с организациями, выступавшими за независимость Судана. Позднее эта партия выступила с оппозицией соглашению Сидки-Бевина и после этого времени не проявляла какой-либо самостоятельности, фактически примкнув к партии Аль-Умма (См. подробнее: 100; 118; 125; 133; 143; 144).

18. Национальный фронт («Хизб аль-джабха аль-ватанийя») был образован в августе 1949 г. членами ордена Аль-Хатмийя. Во главе партии стояли Мухаммед Осман ад-Дардири (председатель) и Хамза аль-Миргани. Эта партия имела сторонников в северных и восточных районах страны. Пользовалась влиянием в национальном движении и других политических организациях. Программа партии предусматривала «союз с Египтом в форме доминиона». После революции 1952 г. в Египте волилась в Национально-юнионистскую партию (См. подробнее: 103; 104; 118; 125; 133; 143; 144).

19. Либералы-сепаратисты («Аль-Ахрар аль-инфисалиюн») – см.: Либеральная партия [14].

20. Либералы-юнионисты («Аль-Ахрар аль-иттихадийюн») – см.: Либеральная партия. Призывали к созданию союза с Египтом на основе свободной федерации. Пользовались поддержкой египетских правящих кругов. Социальную базу имели в некоторых спортивных и культурных клубах. Лидером партии являлся Ат-Тайеб Мухаммед Хейр. В результате партийных маневров и тактических действий либералы-юнионисты сумели некоторое время сохранять свою независимость. После революции 1952 г. в Египте они волились в Национально-юнионистскую партию (См. подробнее: 118; 125; 143; 144).

21. Партия юнионистов («Хизб аль-иттихадиин») официально образована в 1942 г. Действовала под руководством Хамада Тауфика, Абдаллы аль-Миргани, Хадара Хамада и других членов тариката Аль-Хатмийя – интеллектуалов, которые призывали к созданию политического союза между Суданом и Египтом. На выборах в Конгрессе выпускников в 1944 г. не получила ни одного места, после чего она отказалась от участия в предвыборной борьбе в 1945 г., мотивируя отказ «необходимостью расчистить поле борьбы между Аль-Ашикка и Аль-Умма». В этом же году Партия юнионистов вместе с партией «либералов-юнионистов» сблизилась с партией Аль-Ашикка, а в начале 50-х гг. выступила с требованием «создания суданского правительства в союзе с Египтом на основе доминиона, вплоть до гарантии права на отделение в будущем и сохранении связей между двумя странами». Судя по ее программе, партия в своей деятельности «опиралась на принципы современных идейных школ». Она призывала покончить в стране с трибализмом и к устранению религиозных орденов от политической дея-

тельности, не придерживаясь подобно Аль-Умма и Аль-Ашикка идеи главенства религиозных тарикатов над политическими партиями, так как считала, что «религия не терпит демократической дискуссии, которая требуется политике». После революции 1952 г. в Египте партия волилась в НЮП (См. подробнее: 100; 118; 125; 133; 143; 144).

22. Аль-Ашикка («Хизб аль-ашикка») – одна из влиятельных партий Судана, заявлявшая в 1951 г., что она представляет 88 % суданского населения. Образована Исмаилом аль-Азхари, социальную базу имела среди городского населения и интеллигенции. В момент зарождения пользовалась поддержкой Абд ар-Рахмана аль-Махди, затем, когда выступила с оппозицией первому меморандуму Конгресса выпускников относительно самоопределения, в котором содержался призыв к «отделению от Египта», Аль-Ашикка попала под покровительство Али аль-Миргани. Несмотря на то, что руководитель Аль-Хатмийи не заявлял открыто о своей поддержке этой партии, мотивируя тем, что он религиозный лидер, его политические противники отмечали многочисленное членство «хатмийцев» в партии Аль-Ашикка. В начальный период своего существования Аль-Ашикка выдвигала требование «создания демократического суданского правительства в союзе с Египтом и под египетской короной» короля Фарука. В объединенном государстве, по мнению руководителей этой партии, «суданцы будут пользоваться такими же правами, как египтяне в Египте». Предусматривалось также создание объединенных вооруженных сил. Аль-Ашикка придерживалась принципа союза с Египтом, исходя из схожести экономических интересов двух стран, географического единства стран долины Нила, прочных исторических, религиозных, языковых и культурных связей между обеими странами. Единство рассматривалось этой партией как основа для сотрудничества с Египтом в борьбе против колониализма. Аль-Ашикка считала, что Судан, «в его нынешнем положении не может стать на ноги без опоры на такое надежное государство, не имеющее колониальных устремлений, как Египет». На выборах в Конгрессе выпускников 1944 г. эта партия получила большинство мест в «Комитете 60-ти», а начиная с 1945 г. все члены исполкома Конгресса были членами партии Аль-Ашикка. В 1950-1951 гг. по причине внутренних разногласий среди руководителей партии она раскололась на два крыла: одно – под руководством Исмаила аль-Азхари, другое – во главе с Мухаммедом Нур ад-Дином. Впоследствии Аль-Ашикка волилась в Национально-юнионистскую партию (НЮП). (См. подробнее: 100; 118; 125; 133; 143; 144).

23. Национальная партия («Аль-Хизб аль-ватаний») была создана в 1952 г. по инициативе шерифа Абд ар-Рахмана аль-Хинди – главы тариката Аль-Юсефийя, последователи которого в большом количестве имелись в городах и сельских районах страны, и партия считалась одной из «суфийских» наряду с Аль-Умма и НДП. Выступала за независимость Судана от Египта и Великобритании, создание свободного суданского правительства. В

результате политических маневров эта партия приняла принцип единства с Египтом и вступила в сотрудничество с Национально-юнионистской партией (См. подробнее: 50; 71; 100; 118; 125).

24. Аль-Умма («Хизб аль-умма») – одна из наиболее сильных суданских партий. Программа партии, опубликованная 28 января 1945 г., выдвигала призыв к «независимости Судана во всех его географических границах», а также «сохранение дружественных связей с Египтом и Великобританией». Партия выступала под лозунгом «Судан для суданцев» и пользовалась поддержкой лидера суфийского ордена Аль-Ансар Абд ар-Рахмана аль-Махди, который являлся официальным патроном партии. В 1945 г. руководство партии заявило, что Аль-Умма является «выразительницей истинных интересов вождей племен и родов» и что число сторонников партии составляет 100 тысяч человек. Политическая линия партии Аль-Умма была тесно связана с деятельностью тариката Аль-Ансар. Партийное руководство на периферии сосредотачивалось в руках шейхов и назыров ансаровских племен Дарфура и Кордофана. Являясь самой богатой в финансовом отношении партией Судана, партия Аль-Умма имела свою официальную газету «Аль-Умма» и контролировала ряд других газет и изданий. В 1946 г. Абд ар-Рахман аль-Махди сделал заявление, в котором сформулировал основные принципы партии: «немедленная ликвидация кондоминиума и признание суверенитета Судана, создание переходного суданского правительства, которое в ближайшее время подготовит избрание демократического парламента, и этот представительный орган, избранный подавляющим большинством населения, определит форму правления в стране». Программа партии Аль-Умма от 1957 г. в экономической сфере предусматривала защиту права собственности на землю, ограничение свободы деятельности иностранного капитала, государственное планирование, поощрение частной инициативы. Аль-Умма отстаивала идею арабо-африканского происхождения суданской нации и отвергала любые внешние связи, если они не в интересах Судана (См. подробнее: 100; 118; 123; 125).

25. Политическая национальная партия («Аль-Хизб ас-сиясий аль-кауми») была основана в середине мая 1957 г. шестью сыновьями одного из полководцев махдистского восстания Халифы Абдаллы. Председателем партии стал Дауд аль-Халифа Абдалла. В рассматриваемый период времени эта партия, отколовшись от Аль-Уммы, пыталась проводить самостоятельную политику (См. подробнее: 50; 71; 100; 118; 125).

26. Партия Родины («Хизб аль-ватан») – в период своего возникновения члены этой партии поддерживали требование предоставления Судану независимости. В 1946 г. эта партия присоединилась к Аль-Умме.

27. Национально-юнионистская партия (НЮП) («Аль-Хизб аль-ватаний аль-иттихадий») образовалась в 1952 г. в результате объединения обеих частей Аль-Ашикка (крыло Исмаила аль-Азхари и крыло Мухаммеда Нур ад-Дина), партии Национальный фронт, Партии юнионистов, Партии либералов-юнионистов, Партии единства долины Нила и др. Про-

грамма партии предусматривала «прекращение кондоминиума, эвакуацию иностранного колониализма, создание демократического суданского правительства в союзе с Египтом». Определение основы этого союза должно было последовать после достижения независимости. Программа НЮП декларировала также «экономическое, культурное и социальное возрождение Судана в его полных географических границах, повышение внимания заботам и нуждам Юга страны». Программа НЮП от 1956 г. предусматривала создание «мусульманского, социалистического, демократического государства», а также проведение политики контроля над жизненно важными предприятиями и национализации лишь того, что вызвано необходимостью экономического подъема, учета взаимных интересов Судана и Египта. На период 1956 г. НЮП имела свои политические клубы в Хартуме и других крупных городах страны. Издавала газету «Аль-Иттихад» (См. подробнее: 50; 71; 100; 118; 125).

28. Партия единства долины Нила («Хизб вахдат вади ан-Ниль») была создана в январе 1946 г. Ахмедом Исмаилом ад-Дардири, который в октябре 1945 г. опубликовал в прессе ряд статей, где изложил принципиальные позиции этой партии. Основным требованием ее программы было «объединение Судана и Египта в одно государство, которое будет называться Государство долины Нила, либо другим названием, по согласованию обеих сторон». В этом государстве «суданцы и египтяне будут иметь равные права и обязанности». Единство, по мнению этой партии, может быть достигнуто как мирными, так и иными средствами. Программа партии предусматривала также соблюдение принципа «административного децентрализма в объединенном государстве». Партия пользовалась поддержкой правящих кругов Египта. После революции 1952 г. в Египте волилась в Национально-юнионистскую партию Исмаила аль-Азхари. Глава партии – ад-Дардири придерживался политики сотрудничества со всеми суфийскими орденами и партиями, впоследствии он занял пост помощника премьер-министра по делам Юга Судана (См. подробнее: 50; 71; 100; 118; 125).

29. Народно-юнионистская партия («Хизб аш-шааб аль-иттихадий») была основана в 1956 г. По программным установкам была близка к НЮП. Пользовалась известностью преимущественно в Хартуме и Омдурмане, а также некоторых крупных городах Судана, где имелась прослойка государственных служащих и интеллигенции. Среди видных деятелей партии – А.Адхам и член палаты сенаторов в суданском парламенте Дж.Гейтилоук.

30. Партия республиканской независимости («Хизб аль-истикляль аль-джумхурий») образовалась в 1954 г. в результате выхода из НЮП Аль-Хамзы Миргани, Халифаллы Халеда и Ахмеда Халяби. Пользовалась поддержкой лидера ордена Аль-Хатмийя Али аль-Миргани, который в этот год не достиг соглашения с Национально-юнионистской партией о будущем отношений между Суданом и Египтом. Партия была распущена в 1956 г. и вместо нее была создана Народно-демократическая партия (НДП) (См. подробнее: 50; 71; 100; 118; 125).

31. Народно-демократическая партия («Хизб аш-шааб ад-димукратый») была создана в 1956 г. после выхода из Национально-юнионистской партии сторонников тариката Аль-Хатмийя, которые были не согласны с политикой ее лидера Исмаила аль-Азхари, занимавшего в то время пост премьер-министра Судана, т.е. политикой отхода от последовательно проводившегося руководством ордена Аль-Хатмийя курса на неуклонное сближение с Египтом. Председателем НДП стал Али Абд ар-Рахман аль-Амин, генеральным секретарем – Аль-Хамза аль-Миргани. Духовным лидером партии являлся глава тариката Аль-Хатмийя Али аль-Миргани. В рассматриваемый период НДП представляла интересы антианглийски настроенной части суданской буржуазии, интеллигенции и некоторого числа представителей верхушки ордена Аль-Хатмийя, ориентировавшихся на поддержку Египта в борьбе с Великобританией (См. подробнее: 50; 71; 100; 118; 125).

32. Партия национального освобождения («Хизб ат-тахаррур аль-ватаний») – политическая группировка, образованная в сентябре 1958 г. представителями интеллигенции, пользовавшимися поддержкой населения в районах Кордофана и Дарфура. Выступала с националистических позиций.

33. Партия Антиимпериалистический фронт («Хизб аль-джабха аль-муадия ли аль-истимар») – эта политическая организация была образована в сентябре 1953 г. на конференции левых кругов Хартума, Омдурмана, Порт-Судана, Атбары и других крупных центров страны. Генеральным секретарем этой партии являлся Хасан ат-Тахир Зарук. Она состояла в основном из коммунистов и их сторонников, не имела программы и устава. Пользовалась влиянием среди студентов и молодых рабочих. Партия выступала за независимость страны, скорейшую эвакуацию из Судана иностранных войск, а также против участия страны в военных блоках. На выборах в парламент 1953 г. получила в палате представителей 1 место. В 1955 г. входила во Фронт независимости вместе с партией Аль-Умма, Социалистической республиканской партией, Партией республиканской независимости, Союзом студентов Хартумского университета, Союзом землевладельцев Аль-Гезиры, Либеральной партией Юга и Национально-юнионистской партией, требовавшими в этот период предоставления Судану независимости. На период 1956 г. имела около 15 политических клубов в различных городах Судана (См. подробнее: 50; 71; 100; 118; 125).

34. Национальная ассоциация («Аль-Джамийя аль-ватанийя») была создана в середине 1955 г. группой лиц, вышедших из состава партии Антиимпериалистический фронт по причине разногласий с руководством партии по вопросу тактического сотрудничества с «правыми» партиями.

35. Суданская коммунистическая партия («Аль-Хизб аш-шуйи ас-суданий») была создана в 1946 г. и действовала до 1956 г. под названием «Суданское движение за национальное освобождение». Выступала за предоставление Судану независимости, проведение аграрной реформы, улучшение жизни трудящихся. Пользовалась большим влиянием в судан-

ских профсоюзах. В период 1956 – 1969 гг. продолжала укреплять свои позиции на политической арене страны. В 1964 г. СКП, входившая наряду с другими политическими партиями и общественными организациями в Объединенный национальный фронт, была впервые представлена в правительстве, сформированном после свержения режима Ибрагима Аббуда. Программа партии от 1967 г. предусматривала переход власти в руки блока демократических сил – рабочего класса, крестьян, революционной интеллигенции, антиимпериалистических кругов национальной буржуазии и всех прогрессивных патриотических деятелей, причем основу этого демократического блока должен составлять прочный союз рабочего класса и крестьянства. В числе важнейших мер программа партии предусматривала освобождение национальной экономики от засилья иностранного капитала, проведение глубокой аграрной реформы, расширение государственного сектора на демократических основах, внедрение принципов экономического планирования. Основные предприятия в промышленности должны быть включены в государственный сектор, который должен занимать руководящее место в национальной экономике. Компартия придавала большое значение кооперации в сельском хозяйстве. Вместе с тем главную роль в производстве товарной сельхозпродукции должен играть государственный сектор. Аграрная реформа, по мнению коммунистов, должна быть направлена на освобождение от произвола крупных помещиков и феодалов и различных форм ростовщичества. СКП считала, что позитивную роль в экономическом развитии страны могут играть как частный сектор, так и иностранный капитал, если их деятельность будет отвечать определенным условиям, соответствующим национальным интересам страны (См. подробнее: 49; 50; 155).

36. Суданская коммунистическая партия – Революционное командование («Аль-Хизб аш-шуйей ас-суданий – Аль-Кьяда ас-саурийя») – маоистская группировка, отколовшаяся от СКП в 1964 г. Первоначально состояла из 50 человек в руководстве СКП во главе с членом ЦК Ахмедом Хейром. При финансовой и материальной поддержке КНР вела антисоветскую кампанию и пропаганду идей маоизма. В 1965 г. распалась на четыре самостоятельные группировки, соперничавшие друг с другом в праве быть признанными руководством КПК в качестве ведущей. До 1970 г. китайцы поддерживали контакты со всеми четырьмя группировками (См. подробнее: 100; 118; 125).

37. Социалистическая республиканская партия («Аль-Хизб аль-джумхурий аль-иштиракий»). Первоначально идея о приемлемости для Судана республиканского строя и создания «социалистического республиканского правительства» была выдвинута в Аббасом Мекки в 1946 г. в серии статей, опубликованных в газете «Ар-Раид». Эти взгляды были взяты на вооружение лицами, образовавшими в 1952 г. СРП, генеральным секретарем которой стал Ибрагим Бадри. Партия выступала за независимость Судана от Египта и Англии одновременно, против создания монархии под египетской короной. Программа партии «отвергала любой монар-

хический строй», а также заявляла о «противодействии духу монополизма на земельные и ирригационные проекты, которыми владеет небольшая группа лиц, а также феодализму, который развивался в Египте в прошедшее время». В первой половине 50-х гг. в результате изменений в лагере «юнионистов» партия приобрела сторонников из числа членов ордена Аль-Хатмийя, после чего стала считаться одним из заметных конкурентов партии Аль-Умма. Обвинялась оппонентами в том, что ее политика «строилась на сотрудничестве с британской администрацией в вопросе конституционного развития» и следования «в русле британской политики». Опровергая в прессе обвинения такого рода в адрес партии, ее генеральный секретарь заявлял, что «целью партии является полная независимость Судана и создание демократического суданского правительства на республиканской основе» и что Судан «имеет абсолютную свободу войти в союз или конфедерацию с любым государством, если это на пользу Судану». Лозунг издававшейся партией газеты «Аль-Ватан» гласил: «Религия и Бог – для всех». В ноябре 1953 г. на выборах в суданский парламент партия получила в сенате 1 место и в палате представителей 3 места (См. подробнее: 144; 145; 148).

38. Социалистическая партия Судана («Аль-Хизб аль-иштиракий ас-суданий») образована в 1967 г. В своих программных документах выдвигала идею построения в Судане социалистического общества с учетом национальной специфики на основе демократизации, смешанной экономики, приверженности принципам неприсоединения во внешней политике.

39. Республиканская партия («Аль-Хизб аль-джумхурий») была образована в 1945 г. группой прогрессивно настроенной интеллигенции. На начальном этапе вследствие своей малочисленности эта партия не играла серьезной роли в политической жизни страны и практически была не известна за пределами крупных городов Судана. Основателем и идеологом партии выступил инженер Махмуд Мухаммед Таха (родился в 1911 г., окончил Хартумский университет в 1936 г., еще во времена англо-египетского кондоминиума, когда тот назывался Мемориальный колледж Гордона). За свои антианглийские действия вместе с другими членами исполкома партии М.М.Таха был арестован и в заключении объявил себя «пророком». В 50-х годах эта партия стала сближаться с Аль-Уммой, попав частично под ее влияние. В качестве печатного органа использовала газету «Аль-Умма». Во внутренней политике партия выступала за «служение всему суданскому народу без классовых различий». В заявлении партии от 17 января 1957 г. декларировала свою приверженность позиции нейтралитета в международных отношениях и антианглийскую направленность. Призывала к установлению «социалистического демократического федеративного правления, осуществляющего власть на основе гуманистического законодательства». Позднее, после принятия в 1983 году так называемых «сентябрьских» исламских законов М.М.Таха был подвергнут тюремному заключению за активную деятельность по противодействию введению исламского законодательства в стране. После освобождения из тюрьмы он продолжил критику

правительства и проводимую им политику исламизации. Вскоре по обвинению в подстрекательстве южан-христиан к выступлениям против шариата, а также за распространение ереси он был снова арестован и приговорен к смертной казни вместе с четырьмя своими сторонниками. Не использовав предоставленную ему спасительную возможность публичного покаяния, Махмуд Мухаммед Таха был повешен 18 января 1985 года (См. подробнее: 114; 136; 144; 145; 148).

40. Либеральная партия Юга Судана («Хизб аль-ахрар аль-джанубий») – самая крупная южносуданская партия, действовавшая в период 1953-1958 гг. Выступала за создание федерального союза между Севером и Югом страны, а также против сближения Судана с Египтом. В ходе выборов в суданский парламент 1953 г. получила в сенате 4, а в палате представителей 10 мест (См. подробнее: 74; 62).

41. Южная политическая ассоциация («Аль-Джамийя ас-сиясийя аль-джанубийя») – политическая группировка южносуданских политических деятелей, получившая на выборах в парламент 1953 г. (палата представителей) 2 места (См. подробнее: 74; 62).

42. Федеральный блок («Аль-Кутля аль-фидералийя») – внутрипарламентская группировка, образованная в 1958 г. молодыми южносуданскими интеллигентами-членами Либеральной партии Юга. Они выдвигали требование признания христианства наряду с исламом в качестве официальной религии, создание на Юге самостоятельной администрации, армии, программы экономического развития. Пользовалась поддержкой западных миссионеров. В июле 1958 г. члены группировки вышли из состава парламента, оказавшегося, по их мнению, не способным решить южносуданскую проблему, и образовали Федеральную партию (См. подробнее: 50; 71; 100; 118; 125).

43. Федеральная партия («Аль-Хизб аль-фидералий») – одна из южносуданских партий середины 50-х годов, которая, по мнению ее политических оппонентов, была создана при помощи англичан и американцев с целью разобщения сторонников Либеральной партии Юга. Основой программой этой партии являлось требование отделения южных провинций на основе федерации (См. подробнее: 50; 100; 118; 125).

44. Партия мира («Хизб ас-салам») – возникшая в середине 50-х годов небольшая политическая партия на Юге Судана, которая не имела значительной социальной базы.

45. Партия Нила («Хизб ан-Ниль») – одна из мелких группировок на Юге Судана, возникших накануне выборов в суданский парламент 1953 года.

46. «Анья-нья» (по названию мошки, укусы которой смертельны) – террористическая организация, действовавшая на Юге Судана. Руководители группы имели связи с различными террористическими организациями в пограничных с Суданом странах. Базы снабжения имела в ЦАР, Конго (Киншаса) и Эфиопии. Использовалась Ватиканом, а также спецслужбами ФРГ и Израиля для разжигания войны на Юге Судана. Члены «Анья-нья» уничтожили значительное количество северян, работавших на Юге, а

также южан, сотрудничавших с властями. Состояла из членов разгромленного в 1955 г. Экваториального корпуса и политзаключенных-южан, выпущенных из тюрем. Организация имела свое командование, но в идейном отношении находилась под влиянием экстремистского крыла САНУ и пользовалась материальной, финансовой и иной поддержкой Суданской христианской ассоциации. Главной целью эта группировка ставила отторжение Южного Судана от Северного силой оружия и путем проведения террористических акций. Действовала во всех трех южных провинциях (См. подробнее: 50; 71; 100; 118; 125).

47. Суданская партия единства («Хизб аль-вахда ас-суданий») образована в 1964 г. под руководством известного южносуданского политического деятеля Сантино Денга. Просуществовала недолго. Партия считала, что Южный Судан не может существовать самостоятельно до тех пор, пока не достигнет равного с Севером уровня экономического и социального развития: будучи предоставленными самим себе, южносуданские племена начнут борьбу за власть, которая приведет к гражданской войне на Юге и, в конечном итоге, к иностранному вмешательству и господству. Исходя из этих предпосылок, программа партии требовала сохранения единства Судана с предоставлением местной автономии всем национальным меньшинствам Юга. СПЕ осуждала сепаратизм и призывала к миру на Юге. Партия заняла враждебную позицию в отношении экстремистов из САНУ, Южного фронта и «Анья-нья», требовала исключения из правительства представителей Южного фронта и расследования их сепаратистской деятельности. Не имела серьезного успеха на Юге страны, так как ее основатель С.Денг в 1954 г. сотрудничал с центральным правительством, а в военном правительстве генерала И.Аббуда он занимал пост министра животных ресурсов (См.: подробнее: 50; 71; 100; 118; 125).

48. Свободный Южный фронт (СЮФ) – южносуданская политическая группировка, стоявшая на схожих позициях с Суданской партией единства.

49. Демократическая партия Юга – возникла в декабре 1966 г. под руководством Джозефа Гаранга. Опиралась в своей деятельности на квалифицированных рабочих, мелких служащих, преподавателей и некоторые другие слои интеллигенции. В ее программе было заявлено, что партия будет работать в направлении достижения мира и безопасности на Юге, против старого и нового колониализма, против вмешательства миссионеров в дела Юга. Выступала за единство с национально-освободительным движением в Африке и в арабских странах, за ликвидацию влияния иностранных монополий, эксплуатирующих Север и Юг. Партия провозглашала социализм основой своей идеологии (См. подробнее: 50; 71; 100; 118; 125).

50. Суданская христианская ассоциация – подпольная южносуданская сепаратистская организация, созданная в 1960-61 гг. при активном участии христианских миссионеров во взаимодействии с южносуданской эмиграцией, обосновавшейся в соседних африканских странах.

51. Судано-африканский национальный союз закрытых районов – подпольная южносуданская сепаратистская организация, созданная в 1962 г. при содействии христианских миссионеров. Ее возглавляли Сатурнино Лохуре, Джозеф Одухо и Вильям Денг. В 1963 г. организация была переименована в Судано-африканский национальный союз (САНУ).

52. Судано-африканский национальный союз (САНУ) возник в феврале 1962 г. в Леопольдвиле (Киншасе) при содействии христианских миссионеров под первоначальным названием «Судано-африканский национальный союз закрытых районов». Переименован в 1963 г. с одновременным переводом штаб-квартиры в Кампалу (Уганда). Генеральный секретарь – Вильям Денг. Отстаивал идею отделения трех южных провинций и объединения их в федерацию, которая будет иметь собственную армию, вести самостоятельную внешнюю политику. В качестве первого условия требовал выхода Республики Судан из Лиги арабских стран. В конце октября 1964 г. в Хартуме представители южносуданской интеллигенции создали новую политическую партию – Южный фронт, которая фактически представляла собой филиал САНУ внутри страны. Южный фронт после свержения режима военной диктатуры в октябре 1964 г. был представлен в высших государственных органах Судана. В 1965 г. в руководстве САНУ произошел раскол: правое крыло во главе с председателем партии Джозефом Одухо заняло экстремистские позиции, настаивая на отделении Юга Судана от ДРС. Более умеренное крыло, возглавляемое генеральным секретарем партии Вильямом Денгом, выступило за разрешение проблемы Юга на федеративной основе в составе единого Судана. В мае 1968 г. В.Денг был убит южносуданскими экстремистами (См. подробнее: 50; 71; 100; 118; 125).

53. Организация свободных негров – политическая группировка, созданная в июне 1968 г., в которую, кроме южан, входили также племена горных нуба в провинции Дарфур. Стояла на сепаратистских позициях.

54. «Горы Нуба» («Джибаль ан-Нуба») – политическая группировка нубийских племен Дарфура и Кордофана, требовавшая участия своих представителей в центральном суданском правительстве. Имела отряды вооруженных боевиков.

55. Согласно положениям ортодоксального ислама о конечности пророчества Мухаммеда, махди будет последним халифом, который принесет людям не новое откровение, а утраченную ими веру и будет править в соответствии с шариатом.

56. Как отмечал в этой связи саудовский теолог-фундаменталист Бакр бен Абдалла Абу Зейд, «если мы преодолеем раскол мусульманского общества на партии и группы и будем исходить из основ сотрудничества и взаимопомощи, то познаем призыв к Аллаху в правильном его понимании, а индивидуум будет воспитываться в духе сотрудничества, свойственного мусульманскому обществу» (98, с. 186).

57. Современные последователи доктрины С.Кутба в разных странах, в том числе и в Судане, сосредотачивают свои пропагандистские усилия на критике процесса «вестернизации», влияние которой ощущает-

ся все более явно в условиях изменившегося после окончания «холодной войны» мирового порядка. Неприятие современными «кутбистами» западного образа жизни, при котором религия отделена от государства, обосновывается тем, что он ведет, по их мнению, к разобщенности семей, распространению самоубийств, гомосексуализма и т. п. В экономической области сторонники С.Кутба по-прежнему выдвигают требование создания такой системы, при которой запрещено образование монополий, а частный капитал носит «неэксплуататорский характер», получая в качестве дохода не рента (которая трактуется как чрезмерная прибыль), а «справедливую стоимость». Социальная справедливость достигается через распределяемый государством закат. Речь идет, как и раньше, о системе, которая обеспечивала бы существование мелкой буржуазии, но препятствовала бы возникновению крупного капитала (Подробнее см.: 48).

58. Первую группу Приверженцев мухаммеданской сунны создал в Каире в 1926 году шейх Мухаммед Хамид аль-Факи, в число единомышленников которого входили также Мухаммед Абд аль-Ваххаб аль-Банна, Мухаммед Салих аш-Шариф, Осман Сабах аль-Хейр и другие известные деятели исламского движения. В значительной степени создание этой группы явилось реакцией на засилье суфийской идеологии в религиозной жизни Египта и других арабских стран и имело целью призыв к «возрождению ислама» на основе «искренней приверженности единобожию», «правильной сунне» как пути совершенствования убеждений. Устранение «новшеств» и «отклонений» выступало как одно из основных условий «преодоления разногласий и возрождения монолитности всемирной исламской общины» (См.: 114, с. 192-194).

59. М.Каддафи считал, например, что «Закон общества – непреходящее наследие, а не достояние лишь ныне живущих», и «подлинным Законом общества является либо обычай, либо религия». Так же в радикальном традиционалистском ключе Каддафи определял отношение своей «третьей мировой теории» к проблеме роли человека в законотворческом процессе: «законы, не базирующиеся на религии и обычаях, специально создаются человеком против человека и в силу этого неправомерны, поскольку они не основываются на естественном источнике – обычаях и религии» (61, с.54).

60. Эта близость заметно проявлялась в некоторых программных документах «ансаровцев», выпускавшихся во время ведения предвыборных кампаний. Например, в разделе «Как будет осуществляться наше развитие на основе ислама?» программы партии Аль-Умма от 1965 года говорилось: «Ислам состоит из двух больших частей. Одна – поклонение и убеждения, а вторая – отношения и власть. Первая касается общения человека с его Господом, что является частным делом. В обязанность государства или общества не входит принудительное вмешательство в эту сферу. Мусульманин верит в Бога и поклоняется ему в соответствии со своим личным выбором, и у государства нет закона, чтобы вмешиваться в это. Что же касается второй части, которая включает в себя отношения человека с че-

ловеком, то в эту область должны вмешиваться и общество, и государство, чтобы организовывать их на основе ясных ориентиров, которые определяют права и отрицают притеснения. В этом контексте ислам как основа общественного строя и законодательства превосходит все другие формы устройства общества и законоустановления, которые были разработаны людьми на основе их опыта, передававшегося из поколения в поколение. Установление и реализация этого исламского строя, его законоположений и принципов не только не разделяют мусульман и немусульман, но и служат средством, обеспечивающим свободу, братство и равенство – великие достижения человеческой цивилизации» (35, с.2).

61. В «Законе о роспуске Суданской коммунистической партии» от 1965 г. (ст.5 п.2) говорилось, что «считается совершившим преступление любое лицо, призывающее к коммунизму или неверию в божественные религии или распространяющее это, или осуществляющее, или намеревающееся совершить любое действие, влекущее за собой изменение демократического строя в Судане насильственным, либо террористическим путем или любым недемократическим методом, и наказывается тюремным заключением до пяти лет или штрафом, или и тем и другим одновременно» (132, с. 125).

62. Здесь уместно отметить, что согласно Сейиду Кутбу, «правильное исламское представление полностью различает природу божественности и природу религиозного поклонения Богу – они не имеют сходства и не взаимопроникают» (122, с.81). Главный идеолог египетских «Братьев-мусульман» считал необходимым осознание четкого различия между теми, кто лишь формально выполняет предписания исламской религии, и истинными правоверными, что служило обоснованием его бескомпромиссного подхода к определению «подлинности» веры.

63. См.: 114, с.235; по другим данным, ат-Тураби родился в феврале 1932 г. в г.Кассала в восточной части страны. – См.: краткая биографическая справка в кн.: 139.

64. Усаль ас-Сиддык аль-Махди является дочерью Ас-Сиддыка аль-Махди – сына главы ордена Аль-Ансар имама Абд ар-Рахмана аль-Махди (1885-1959), внучкой Ахмеда аль-Махди – вождя всемирно известного восстания суданцев против англо-египетского правления в последней четверти XIX века.

65. Одна из многих создававшихся в 50-х годах арабских и исламских общественно-политических организаций, оказывавших содействие алжирскому национально-освободительному движению.

66. О влиянии этой организации на студентов Хартумского университета говорит тот факт, что на ежегодных выборах в исполком Студенческого союза Хартумского университета в период с 1965 по 1968 годы ее представители стабильно получали около 32-33 %, а в 1969 году – 45,6 % голосов (См.: 49, с.152).

67. Среди них высшие руководители ассоциации «Братья-мусульмане»: Али Осман Мухаммед Таха занял пост председателя

Народной Ассамблеи (парламента), Мухаммед Адам Иса стал государственным министром при управлении генерального прокурора, Ахмад Абд ар-Рахман – министром внутренних дел (См.: 56, с.167).

68. В литературе уже отмечалось, что «отчасти в Судане характер противоречий прежде всего является следствием совокупного воздействия обостренных проблем экономической отсталости и протеста против буржуазной модернизации, исходящего из феодальных, а иногда – родоплеменных кругов общества» (186, с.21).

69. Судан провозглашается федеративной республикой (ст.2), арабский язык – официальным (ст.3). Во главе государства стоит президент, избираемый всенародным голосованием на пятилетний срок. Обладая высшей властью в государстве, он является верховным главнокомандующим вооруженных сил, полиции, других регулярных частей. Он же назначает членов кабинета министров (правительство). В случае отсутствия президента его обязанности выполняет первый вице-президент (ст.32-43). Источниками законодательства выступают исламский шариат, высказанное на референдуме совокупное мнение граждан, конституция и племенное право (урф) (ст.65). Законодательная власть принадлежит Национальному собранию, которое вправе отрешить президента от должности в случае его умственной или физической болезни (ст.42 п.«в»). Государство стимулирует развитие национальной экономики путем планирования на основе трудовой деятельности, производства и свободного рынка, запрещая монополии, ростовщичество и мошенничество (ст.8). Конституция (проект) провозглашает равенство всех людей перед судом, равные права и обязанности всех суданцев в общественной жизни. Запрещается дискриминация по признаку расы, пола, конфессиональной принадлежности (ст.21). Любой общине или группе граждан гарантируется право на сохранение своей культуры или языка, или религии (ст.27) (12, с.1-9).

70. Общая площадь земель, использованных в 1996/97 сельскохозяйственном году под продовольственные и масличные культуры, а также хлопок, составила почти 41,5 млн. федданов (1 феддан = 0,45 га). В 1997/98 сельскохозяйственном году планировалось увеличить посевные площади до 46,6 млн. федданов, в том числе продовольственных культур на 11,9% по сравнению с предыдущим годом, масличных культур – на 12,8%, хлопка – на 16,3%. В 1997/98 сельскохозяйственном году под различные зерновые культуры было занято 29,4 млн. федданов, в том числе под сорго – 17,7 млн. федданов, просо – 10,4 млн. федданов, пшеницу – 777 тыс. федданов, маис – 535 тыс. федданов, рис – 8 тыс. федданов. Что касается масличных культур, то в том же сезоне засеянные площади составили: арахис – 4,1 млн. федданов, кунжут – 4,9 млн. федданов, дынное семя – 1,1 млн. федданов, хлопок – 498 тыс. федданов, подсолнечник – 68 тыс. федданов. Кроме того, в стране выращивают злаковые культуры, в том числе: бобы – 120 тыс. федданов (сезон 1997/98 года), фасоль, чечевица и горох – 30 тыс. федданов (в сумме), чечевицеобразная фасоль – 75 тыс. федданов. Наконец, среди сельскохозяйственных культур следует

отметить каркаде, под которое в 1997/98 году было выделено 300 тыс. федданов.

Урожаи зерновых культур. В 1997/98 году суммарный урожай зерновых культур составил 4,7 млн. т (1996/97 год – 5,3 млн. т), в том числе: сорго, являющееся главным продовольственным продуктом страны, – 3,4 млн. т (4,2 млн. т), пшеница – 637 тыс. т (642 тыс. т), просо – 646 тыс. т (440 тыс. т), маис – 52 тыс. т (54 тыс. т), рис – 2 тыс. т (2 тыс. т).

Урожаи масличных культур. В том же сельскохозяйственном сезоне 1997/98 года в Судане были собраны следующие урожаи некоторых масличных культур: арахис – 1,1 млн. т (1996/97 год – 815 тыс. т), кунжут – 339 тыс. т (1996/1997 год – 416 тыс. т).

Урожаи злаковых культур. Говоря об урожаях злаковых культур, следует указать на то, что они почти полностью предназначены для потребления внутри Судана. В 1997/98 сельскохозяйственном году в стране было произведено бобов – 98 тыс. т, фасоли, чечевицы и гороха (вместе) – 21 тыс. т. Что касается каркаде, то в том же сельскохозяйственном сезоне его урожай достиг 9 тыс. т, столько же, сколько было собрано в 1996/97 году. (21, с. 124-127, 400-401).

71. Согласно сведениям на 1997 год, в стране насчитывалось 112 млн. голов скота, включая 32 млн. коров, 29,2 млн. овец, 36,7 млн. коз, 2,9 млн. верблюдов, а также 4 млн. лошадей. Кроме того, определенное развитие в стране получило птицеводство (35 млн. кур, по данным за 1997 год). Судан располагает выходом к Красному морю и бассейном реки Нил, что обеспечивает страну рыбными запасами (21, с.128).

72. В 1997 году в стране, в частности, было произведено 360 тыс. т. муки, 460 тыс. т. сахара, 118 тыс. т. растительного масла, почти 13 млн. ящиков (в каждом ящике 24 бутылки) газированной воды, 18 тыс. т. тканей, 1300 тыс. т. табачных изделий и т.д. (21, с.130-131).

73. Россия в 90-е годы практически не значится среди потребителей суданских товаров. Исключение, пожалуй, составил 1995 год, когда на долю России пришлось 5,8% суданского экспорта. Кроме того, в 1997 году Россия закупила хлопок на общую сумму 876 тыс. долларов США. В том же 1997 году Судан импортировал из России нефтепродукты на сумму 6,332 млн. долларов США, продукцию химической промышленности на сумму 8,419 млн. долларов США, оборудование на сумму 5 тыс. долларов США и транспортные средства на сумму 23 тыс. долларов США (21, с.133-134 413, 415, 419).

74. В качестве примера можно указать на старшего сына Хасана ат-Тураби. Ас-Сиддык Хасан Абдалла ат-Тураби высшее образование получил в Судане, затем учился в США и Великобритании, по специальности политолог, экономист. Возглавляет политический отдел Комитета совета НКС. Занимается бизнесом, менеджер по инвестициям в крупные государственные и частные хлопководческие проекты. Контролирует «Сельскохозяйственный торговый банк» («Масраф мазариа ат-тиджарий»), «Суданскую компанию связи» («Шарикат Судан аль-иттисаль») и др.

75. В 1995 г. в политбюро Фронта входили: Ясин Омар Иман, Махди Ибрагим Хадж, Мухаммед Осман Махджуб, Ибрагим Абдалла, Али Осман, Мухаммед Юсеф, Мухаммед Дафалла, Махди Ибрагим Амин, Ахмед Мухаммед Мекки, Ахмед Осман Мекки.

76. Юнионистско-демократическая партия («Аль-Хизб аль-иттихадий ад-димукратый»), Национальный конгресс Судана («Аль-Муатамар аль-ватаний ас-суданий»), «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-муслиму»), Объединенный демократический фронт спасения («Джабхат аль-инказ ад-димукратый аль-муттахида»), Центральное суданское движение («Аль-Харака ас-суданий аль-марказий»), Конгресс национальной реформы («Муатамар аль-ислах аль-ватаний»), Суданский национальный фронт («Аль-Джабха аль-кауимий ас-суданий»), партия «Аль-Умма», Конгресс Долины Нила («Муатамар вади ан-Ниль»), Свободная суданская национальная партия («Аль-Хизб аль-кауимий ас-суданий аль-хурр»), Партия единства Долины Нила («Хизб вахдат вади ан-Ниль»), Суданская рабочая национально-патриотическая партия («Хизб аль-амаль аль-ватаний аль-кауимий ас-суданий»), Национальный исламский фронт («Аль-Джабха аль-кауимий аль-исламий»), Исламская партия «Аль-Умма» («Хизб аль-Умма аль-исламий»), Партия свободных демократов («Хизб ад-димукратыйин аль-ахрар»), Организация народных конгрессов («Танзым аль-муатамарат аш-шаабийя»), Союз народных рабочих сил («Тахалюф кува аш-шааб аль-амиля») (36, с.3).

77. Часть VI Устава НКС гласит: Центральный совет руководства («Аль-Маджлис аль-кядий аль-марказий») осуществляет разработку положений о квотах представительства, организации работы и деятельности политических органов Национального конгресса на общенациональном уровне, в штатах (вилаят), а советы руководства на местах разрабатывают соответственно аналогичные положения в провинциях (мухафазат), областях (махаллият) и районах (манатык) (37, с.10).

78. Статья 2. «Справедливая доля»: Под «справедливой долей» («ан-нисба аль-адила») на общих конгрессах понимается среднее число между:

а) результатом соотношения количества населения в определенной административно-территориальной единице, которую представляют делегаты ее конгрессов, к количеству населения, проживающего в более крупной АТЕ, в вышестоящем конгрессе которой принимают участие указанные делегаты в качестве членов;

б) результатом соотношения между сторонниками НКС в этой АТЕ и числом сторонников в более крупной АТЕ, куда первые делегируются.

Это означает соотношение численности населения и сторонников НКС в штатах Судана, в провинциях по отношению к штатам, областях по отношению к провинциям, в районах по отношению к областям.

Например, представительство района (минтака) на Общем местном конгрессе (муатамар махаллий аам) рассчитывается следующим образом:

– представительство района, население которого составляет 10 тыс. чел., соотносится с количеством населения в области, которое насчитывает 100 тыс. чел., что дает при подсчете $100000 : 10000 = 10\%$;

– число сторонников (мавалин) НКС в районе, которое составляет 6 тыс.чел., соотносится с числом сторонников в области, составляющем 80 тыс. чел. – $80\,000 : 6\,000 = 7,5\%$;

– «справедливая доля» представительства составляет среднее число между двумя долями $(10 + 7,5) : 2 = 8,75\%$;

– число участников местного конгресса определяется решением соответствующего консультативного комитета, предположим, 2 тыс. чел.

– таким образом, представительство района на Общем местном конгрессе области составит: $8,75 : 100 \times 2000 = 175$ членов (37, с.10).

79. В соответствии с разделом 3 Части III указанного «Положения...» численность Общенационального генерального конгресса определяется решением Консультативного совета Конгресса. Съезд Конгресса собирается следующим образом: 60% из числа членов конгресса, делегированных от конгрессов в штатах таким образом, чтобы доля каждого штата была в соответствии со «справедливой долей»...; 20% – из числа членов Конгресса, делегированных от общенациональных функциональных профессиональных конгрессов, следующим образом: социально-культурный конгресс – 4%, экономический конгресс – 4%, женский конгресс – 8%, молодежно-студенческий – 4%; 10% – из числа членов Конгресса, делегированных от функциональных и специализированных общенациональных конгрессов следующим образом: конгресс по обороне и безопасности – 3%, конгресс по вопросам юстиции – 3%, конгресс по вопросам общественного управления – 2%, конгресс по международным отношениям – 2%; 10% – из числа членов Конгресса, выбранных по списку, который включает наиболее выдающихся общественных деятелей, рекомендуемых комитетом Совета Конгресса..., а также всех сторонников НКС из членов Национального совета (парламента), федеральных министерств и руководителей других государственных органов, формируемых в соответствии с конституцией страны (37, с.11-12).

80. В разделе «Общие рекомендации» этого документа предлагаются следующие меры:

– защита общества и создание иммунитета от «культурного» нашествия, осуществляемого различными путями и средствами;

– поддержка движения за религиозность и благочестие посредством повышения роли религиозного служения и воспитания нации;

– внимание национальному строительству и исправление негативных моментов посредством образования, распространения информации, а также протекционизма в отношении множества суданских культур;

– укрепление исламского законодательства и разъяснение границ применения шариата.

В разделе «Рекомендации в отношении политической структуры общества» записаны следующие пункты:

– перевод религиозного, расового и культурного разнообразия в стране в позитивное русло в интересах построения сильного и сплоченного общества;

– ослабление местнического, общинного и партийного экстремизма, а также племенного сепаратизма через воспитание религиозности и терпимости;

– развитие органов народного управления, их выборы через советы;

– обеспечение развития дервишеских орденов и проповеди суфизма, борьба с сектантством и самоизоляцией от общества;

– установление братских отношений между исламскими группами, направление их на служение интересам религии и общества, напоминание мусульманам и христианам об объединяющих их религиозных основах, призыв к терпимости и диалогу;

– восстановление исторической роли мечети как центра общественной деятельности (27, с.21-22).

81. В частности, Хасан ат-Тураби заявил на съезде: «Вероучения достигли предела стагнации и умирают. Они исчерпали свои возможности и не могут больше связывать людей – мусульман, христиан, представителей других божественных религий, а также азиатских и африканских верований. Чем дальше развивается цивилизация, тем больше они отстают, сходят на нет и исчезают. Сегодня в Судане люди освобождаются от груза традиций, которые их обременяли, и опыта, который им навязывался, – они устраняют религию из политики, экономики, науки и искусства. Это – революция, она освобождает общество и объединяет его. Вероучения разделяются на церкви у христиан, хотя Христос был един, на общины у мусульман, хотя Мухаммед призывал их следовать единым путем. Сегодня в Судане начинается революция среди мусульман, в ходе которой мы преодолеваем влияние суфийских тарикатов. Мы следуем одним путем, а что касается ярой приверженности сектам, то мы заявляем: мы не сунниты и не шииты и не разделены по мазхабам. Это – революция, это – обновление, это освобождение от традиционализма. Здесь, в Судане, сейчас происходит революция против конституции, оставленной нам Великобританией, которая всегда определяла нашу жизнь за исключением переходных периодов. Сейчас мы освобождаемся от нее и в соответствии с нашими национальными ценностями и нашей волей утверждаем нашу конституцию. Ее не разрабатывали искусники, и она не является монополией учредительного собрания, но стала результатом народного референдума, отражением желания народа устроить свою общественную жизнь. Она впервые написана народом на своем языке, а не переведена с западных языков, как мы видим в арабских и африканских конституциях. Естественно, она учитывает весь опыт двух миров – западного и восточного» (234, 08.10.99 г.).

82. Далее аль-Башир заявил: «Одной из самых больших проблем Судана является вмешательство в его внутренние дела. Известно, что существуют региональные и международные силы, и прежде всего США, которые пытаются использовать проблемы юга Судана для свержения нашего правительства. Мы предпринимаем новые шаги, направленные на достижение мира на юге Судана. Прежде всего мы предоставляем южным

суданцам право на самоопределение. Мы предлагаем им либо остаться в рамках федерального Судана, либо отделиться на правах самостоятельного государства. Если бы такие условия были приняты, то не осталось бы никакой основы для продолжения военных действий. Если прекратится иностранное вмешательство в дела Судана, то война будет прекращена в самое ближайшее время» (208, 28.10.99 г.).

83. Обвинения США в поддержке Суданом международного терроризма сводятся к следующему: «Международный радикальный терроризм известен также как интернациональный экстремизм и представляет собой транснациональный феномен... Приверженцы терроризма, как правило, приносят традиционные различия в жертву деятельности по достижению единых целей, а именно: социальных перемен под лозунгами их собственных убеждений и верований, а также посредством насильственных действий... Лица, установленные по делу о взрыве Всемирного торгового центра 26 февраля 1993 г., были представлены несколькими национальностями: египтяне, иракцы, иорданцы, палестинцы, а также американские граждане. Среди лиц, выявленных как исполнители взрыва в Нью-Йорке 24 июня 1993 г., было несколько суданцев, один иорданец, один пуэрториканец и несколько египтян...». «Мы не можем также исключить постоянной актуальной угрозы интересам США со стороны стран, традиционно оказывающих поддержку терроризму. Эти страны продолжают использовать насилие и угрозы в качестве средства к достижению собственных целей. На самом деле явление международного терроризма продолжает набирать силу, отчасти благодаря поддержке, оказываемой со стороны суверенных государств, таких как Судан и Иран. Эти государства покровительствуют террористам путем подготовки, предоставления убежища, поставок оружия, а также иной материальной поддержки радикальным террористам. Судан продолжает предоставлять убежище международным террористам и поддерживать отношения с несколькими экстремистскими группировками» (7, с.7,14).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники, официальные материалы, статистические издания

1. L'accord entre L'Angleterre et L'Egypte sur Le Sudan. // «Le journal d'Egypte», 13.02.1953.
2. Bank of Sudan. Report for year ending 31st December, 1966. Khartoum, Republic of the Sudan, March, 1967.
3. Economic Survey for 1957. Khartoum, 1958.
4. Report on The Administration of The Sudan for The Year 1949. London, 1952.
5. Report by The Governor – general on The Administration, finances and conditions of The Sudan in 1946. Khartoum.
6. Sudan Almanac 1956. An official Handbook. Khartoum.
7. Terrorism in the United States. Terrorist Research and Analitical Center, National Security Division, Federal Bureau of Invistigation, U.S.Department of Justise. Washington, D.C., 1994.
8. Terrorist Threat Assessment and Antipathy Report. The 1996 Summer Olimpic Games. U.S.Department of Justice, Federal Bureau of Investigation. Atlanta, Georgia. 1996.
9. Интихабат 1965 аля дуу аль-аркам (Результаты выборов 1965 г.). – Хартум, 1965 (на араб. яз.).
10. Канун машруа аль-Гезира. Нимра 16 санат 1950 (Закон № 16 «О проекте «Аль-Гезира» 1950 г.) // «Хукумат ас-Судан», май 1950, № 818, Хартум (на араб. яз.).
11. Аль-Ляиха ад-дахилийя. Аль-Джамыйя ат-таасисийя (Устав Учредительного собрания). Хартум, 1966 (на араб. яз.).
12. Машруа дустур джумхурият ас-Судан (Проект конституции Республики Судан). – Хартум, апрель 1998 (на араб. яз.).
13. Машруа имтидад Манакиль. Визарат аш-шуун аль-иджтимаийя. Джумхурият ас-Судан (Проект развития Манакиля. Министерство социальной политики Республики Судан). – Хартум, 1957 (на араб. яз.).
14. Машруа Эйзенхауэр. Джумхурият ас-Судан. Визарат аль-хариджийя. Ракм 3 (Проект Эйзенхауэра. Республика Судан. Министерство иностранных дел. № 3). – Хартум, [б.г.] (на араб. яз.).
15. Мулаххас аль-мудавалят аль-усбуий. Аль-барляман ас-суданий ас-сани. Маджлис ан-нуваб. Ад-даура аль-уля. Мин йоум 26 иля 29 мая 1959. Нимра 3 (Еженедельная стенограмма дебатов на заседаниях второго суданского парламента. Палата депутатов. Первая сессия: с 26 по 29 мая 1959 г., № 3). – Хартум, [б.г.] (на араб. яз.).

16. Ан-нашра ас-сакафийя. Визарат аль-маариф аль-умумийя. (Культурный бюллетень. Министерство просвещения.). – Каир, 1952, № 1 (на араб. яз.).

17. Сиясат ас-Судан аль-хариджийя. Джумхурият ас-Судан. Визарат аль-хариджийя (Внешняя политика Судана. Республика Судан. Министерство иностранных дел). – Хартум, [б.г.] (на араб. яз.).

18. Ас-Судан ва аль-Джамиа аль-арабийя. Джумхурият ас-Судан. Визарат аль-хариджийя (Судан и Лига арабских государств. Республика Судан. Министерство иностранных дел). – Хартум, [б.г.] (на араб. яз.).

19. Таадад ас-сукьян аль-авваль фи ас-Судан 1955/56. Джумхурият ас-Судан. Визарат аш-шуун аль-иджтимаийя. (Результаты первой переписи населения в Судане 1955/56 гг. Министерство социальной политики Республики Судан). – Хартум, 1958 (на араб. яз.).

20. Таквим ас-Судан ли санат 1967 (Республика Судан. Ежегодник). – Хартум, 1967 (на араб. яз.).

21. Ат-Такрир аль-истратиджий ас-суданий, 1997 (Суданский стратегический отчет за 1997 год). – Хартум, 1998 (на араб. яз.).

22. Ат-Такрир ас-санавий ли Банк Омдурман аль-ватаний (Годовой отчет Национального банка Омдурмана). – Омдурман, апрель 1998 (на араб. яз.).

23. Такрир ляджнат такассы аль-хакаик ан аль-мудирийят аль-джанубийя. Аль-Джамийя ат-таасисийя (Отчет комиссии по расследованию событий в южных провинциях. Учредительное собрание). – Хартум, 1966 (на араб. яз.).

24. Такрир ляджнат ат-тахкык аль-идарий фи хавадис аль-джануб фи угустус сана 1955 (Отчет комиссии по административному расследованию событий на Юге в августе 1955 г.). – Хартум, 1956 (на араб. яз.).

Документы политических партий и профсоюзных организаций

25. Statement of The Central Committee of The Communist Party of The Sudan on The Situation in The Southern Provinces. Supt. 24th. 1965 (машинописный текст).

26. Барнамадж Аль-Хизб аль-иштиракий ад-димукратый. Машруа ат-танзым (Программа Социалистической демократической партии. Организационный проект). [Б.м.], [б.г.](машинописный текст на араб. яз.).

27. Варакат аль-муджтамаа ва салахуу ва афиятуху ва муассасатуху ва адлюху.// Аль-муатамар ат-таасисий аль-амм. Аурак аль-муатамар (Документ: «Благополучие общества, его праведность, устои и справедливость».// Всеобщий учредительный съезд. Документы съезда.). – Хартум, октябрь 1999 г. (на араб. яз.).

28. Далиль аль-муатамар ат-таасисий (Справочник Учредительного съезда). – Хартум, октябрь 1999 г. (на араб. яз.).

29. Дирасат никабийя. Иттихад аль-уммаль (Профсоюзные исследования. Союз рабочих). Кн.2. – Хартум, [б.г.] (на араб. яз.).

30. Дустур Аль-Хизб аль-ватаний аль-иттихадий (Программа Национально-юнионистской партии). – Хартум, 1956 (на араб. яз.).

31. Дустур хизб Аль-Умма ли санат 1964 (Программа партии Аль-Умма от 1964 г.). [Б.м.], [б.г.] (на араб. яз.).

32. Дустур Хизб ат-тахаррур аль-ватаний (Программа Партии национального освобождения). – Хартум, 1958 (на араб. яз.).

33. Аль-Ляиха ад-дахилийя ли хизб Аль-Умма 1945 аль-муаддаля 1964 (Устав партии Аль-Умма 1945 г. с изменениями от 1964 г.). [Б.м.], [б.г.] (на араб. яз.).

34. «Мухакamat аль-хауна – химаят ас-саура!». Маншурат аль-кыда ас-саурийя ли Аль-хизб аш-шуюый ас-суданий («Суд над предателями – защита революции!>). Листовка Революционного командования Коммунистической партии Судана). [Б.м.], 24.01.1965 г. (машинописный текст на араб. яз.).

35. Нахву афак джадида. Барнамадж хизб Аль-Умма ам 1965 (К новым горизонтам. Программа партии Аль-Умма 1965 г.). – Хартум, [б.г.] (на араб. яз.).

36. Ан-Нашра аль-яумийя. Аль-Муатамар аль-ватаний. Аль-муатамар аль-кауми ат-таасийй. (Ежедневный информационный бюллетень работы общенационального учредительного съезда Национального конгресса Судана). Суданское агентство новостей – СУНА. 07.10.1999 г., № 1 (на араб. яз.).

37. Ан-низам аль-асасий ва ляихат ат-таквин ва аль-амаль ва аль-адджиза ас-сиясийя, 1998. Аль-муатамар аль-ватаний (Устав и Положение о составе, организации работы и деятельности политических органов Национального конгресса 1998 г.). – Хартум, [б.г.] (на араб. яз.).

38. Рисаля мин Ас-Садык аль-Махди иля ас-сейид... (Послание Ас-Садыка аль-Махди господину...). Омдурман, 28.01.1965 г. (на араб. яз.).

39. Ат-Таадилят аля ан-низам аль-асасий ва аль-ляиха. Аль-Муатамар ат-таасийй аль-амм (Изменения к программе и уставу. Всеобщий учредительный съезд Национального конгресса Судана). – Хартум, октябрь 1999 (на араб. яз.).

40. Тарикан фи ат-танмийя аль-иктисадийя. Аль-Хизб аш-шуюый. Накд тахлилий ли ас-сияса аль-иктисадийя ва аль-малия ли ан-низам арахин. Хытаб аль-устаз Абд аль-Халик Махджуб фи мунакашат мизаният 1968 (Два пути экономического развития. Коммунистическая партия Судана: критический анализ экономической и финансовой политики прежнего режима. Выступление Абд аль-Халика Махджуба в ходе дебатов по обсуждению бюджета на 1968 г.). [Б.м.], [б.г.] (на араб. яз.).

41. Аль-Удван аль-инглизий аль-амрикий аль-исраилий. Аль-Хейа аль-барляманийя ли аль-хизб аш-шуюый ас-суданий (Англо-американо-израильская агрессия. Парламентская фракция Коммунистической партии Судана). [Б.м.], июнь 1967 (на араб. яз.).

42. Аль-Хизб аль-иштиракий юкаддим машруа барнамаджихи ва нимази ад-дахилий (Проект программы и устава Социалистической партии). [Б.м.], 1967 (на араб. яз.).

43. Хизб аль-умма юкаддим кифахаху ат-таарихий (Партия Аль-Умма и ее историческая борьба). [Б.м.], [б.г.] (на араб. яз.).

44. Аль-Хизб аш-шувый ас-суданий хауля канун аль-ислах аз-зираый (Коммунистическая партия Судана о Законе о земельной реформе). – Хартум, [б.г.] (на араб. яз.).

45. «Аль-Якза я джамахир 21 октобр!» Маншурат аль-кыда ас-саурийй ли аль-хизб аш-шувый ас-суданий («Будьте бдительны, народные массы, 21 октября!». Листовка Революционного командования Коммунистической партии Судана). [Б.м.], 20.01.1965 г. (машинописный текст на араб. яз.).

Литература

46. Андрианов Б.В. Население Африки. – М., 1964.

47. аль-Барави, Рашид и Улейш, Мухаммед Хамза. Экономическое развитие Египта в новое время. – М., 1954.

48. Борисов А.Б. Роль ислама во внутренней и внешней политике Египта (XX век). – М., 1991.

49. Бочкарев Г.И. Социальная структура суданского города. – М., 1980.

50. Вобликов Д.Р. Республика Судан (1956 – май 1969 г.). – М., 1978.

51. Грядунов Ю.С. Новые горизонты Судана. – М., 1969.

52. Гусаров В.И. Социально-экономическое развитие Судана. – М., 1983.

53. Демократическая Республика Судан: Справочник. – М., 1973.

54. Дмитриевский Ю.Д. Англо-египетский Судан. – М., 1951.

55. Жданов Н.В., Игнатенко А.А. Ислам на пороге XXI века. – М., 1989.

56. Игнатенко А.А. Халифы без халифата. – М., 1988.

57. Ислам в СНГ. / ИВ РАН. – М., 1998.

58. «Исламский фактор» в международных отношениях в Азии. – М., 1987.

59. Ислам в Западной Африке. – М., 1988.

60. История Судана в новое и новейшее время. – М., 1992.

61. Каддафи М. Зеленая книга. – М., 1989.

62. Кирилина С.А. Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX – начало XX в.). – М., 1989.

63. Киселев В.И. Путь Судана к независимости. – М., 1958.

64. Кобищанов Ю.М. История распространения ислама в Африке. – М., 1987.

65. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М., 1995.

66. Малащенко А.В. Мусульманский мир и СНГ. – М., 1996.
67. Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России. – М., 1998.
68. Мельник В.А. Политология. Минск, 1996.
69. Мирский Г.И. Роль армии в политической жизни стран «третьего мира». – М., 1989.
70. Новейшая история арабских стран Африки. 1917-1987 гг. – М., 1990.
71. Пензин Д.Я. Судан. – М., 1965.
72. Политические партии Африки. – М., 1970.
73. Примаков Е.М. История одного сговора. – М., 1985.
74. Проблемы национально-освободительного движения. Материалы международного симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения В.И.Ленина. – Алма-Ата. 1969; Москва, 1970.
75. Смирнов С.Р. История Судана (1821-1956). – М., 1968.
76. Сорокин А.А. Аграрный вопрос в Судане. – М., 1979.
77. Степанянц М.Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока (XIX-XX вв.). – М., 1974
78. Филоник А.О. Аграрный строй Судана (1820-1971). – М., 1975.
79. Черников В.Д. Проблема перехода к рыночной экономике дорыночных стран. Опыт Египта и Судана. – М., 1997.
80. Шпажников Г.А. Религии стран Африки. – М., 1967.
81. Abbas Mekki. The Sudan Question. London, 1952.
82. El-Amin, Mohammed Nuri. The Emergence And Development of The Leftist Movement In The Sudan During The 1930's And 1940's. Khartoum University Press, 1984.
83. El-Barawy, Rashed. Egypt, Britain And The Sudan. – Cairo, 1952.
84. Cameron J. The African Revolution. – London, 1961.
85. Choueiri, Youssef. Islamic Fundamentalism. – Boston, 1990.
86. Culwik G.M. Diet in The Gezira Irrigated Area. Khartoum, 1951.
87. Duverger M. Les Partis politiques. Paris, 1951.
88. Esposito, John. The Islamic Threat: Myth or reality? – New-York, 1992.
89. Henderson K.D.D. The Making of The Modern Sudan. – London, 1953.
90. Hodgkin T. African Political Parties. Harmoudsworth, 1961.
91. Al-Lootah, Saeed Ahmed. Why Do We Learn ? The Islamic Institution For Education. 1955.
92. Nagib, Mohammed. Egypts destiny. London, 1955.
93. Oduho J. and Deng W. The Problem of The Southern Sudan. – Oxford, 1963.
94. Paul A. A History of The Beja Tribes of The Sudan. – Cambridge, 1954.
95. Population and human resources development in the Sudan. – Iowa, 1994.

96. Trimmingham J. Spencer. Islam in the Sudan. – London, 1983.
97. Абдин, Абд аль-Маджид. Таарих ас-сакафа аль-арабия фи ас-Судан мунзу нашатиha иля аль-аср аль-хадис. Ад-дин. Аль-иджтимаа. Аль-адаб (История арабской культуры в Судане со времени возникновения до современности: Религия, социальный аспект, литература). – Каир, 1953 (на араб. яз.).
98. Абу Зейд, Бакр бен Абдалла. Хукм аль-интима иля аль-фирак ва аль-ахзаб ва аль-джамаат аль-исламия (Суждение о принадлежности к исламским сектам, партиям и группам). – Эр-Рияд, 1410 х. (на араб. яз.).
99. Али, Мухаммед Мустафа аш-Шейх. Аль-Джануб (Юг Судана). – Хартум, 1956 (на араб. яз.).
100. аль-Амин, Маамун Мухаммед. Ас-Судан ва муамарат аль-истиимар (Судан и заговоры колониализма). – Каир, 1957 (на араб. яз.).
101. Асакир, Абд аль-Фаттах. Аль-ХакаиK би аль-васаик ан джамаат аль-Ихван аль-муслимин (Документальные свидетельства о группировке «Братья-мусульмане»). – Каир, 1996 (на араб. яз.).
102. Ахмед, Хасан Мекки Мухаммед. Харакат аль-Ихван аль-муслимин фи ас-Судан 1944-1969 (Движение «Братья-мусульмане» в Судане в 1944-1969 гг.). – Хартум, 1982 (на араб. яз.).
103. аль-Банна, Хасан. Машакилюна фи дуу ан-низам аль-исламия – маджмуат расаиль аль-имам аш-шахид (Наши проблемы в свете исламского строя: Сборник посланий имама-мученика). [Б.м.], [б.г.] (на араб. яз.).
104. аль-Бахнасауи, Салем. Ислам и нация. (Стенограмма основного доклада на международной конференции «Роль мусульман в духовном возрождении России»). Москва, 5-6 июня 1999 г.
105. Башир, Башир Махмуд. Муатамар аль-хариджиин (Конгресс «выпускников»). – Хартум, 1988 (на араб. яз.).
106. Башир, Мухаммед Омар. Таарих аль-харака аль-ватания фи ас-Судан 1900-1969 (История национального движения в Судане в 1900-1969 гг.). Хартум, 1980 (на араб. яз.).
107. аль-Беджави, Мухаммед Дин Ахмед Исмаил. Кифах беджа (Борьба беджа). Ч.1. [Б.м.], 1953 (на араб. яз.).
108. Бухейт, Джаафар Мухаммед Али. Аль-Идара аль-британия ва аль-харака аль-ватания фи ас-Судан 1919-1939 (Британская администрация и патриотическое движение в Судане в 1919-1939 гг.). – Хартум, 1987 (на араб. яз.).
109. Вудул Дж.Й. ва Абд аль-Латыф Абд ар-Рахман. Сувар мин ас-Судан (Картини Судана). – Хартум, 1955 (на араб. яз.).
110. Дарар, Дарар Салех. Таарих ас-Судан аль-хадис (Новая история Судана). [Б.м.], [б.г.](на араб. яз.).
111. Дарар, Мухаммед Салех. Таарих Суакин ва аль-Бахр аль-ахмар (История Суакина и Красного моря). – Хартум, 1981 (на араб. яз.).
112. Дахир, Мухаммед Камиль. Ад-Даава аль-ваххабия ва асруха фи аль-ислам аль-хадис (Проповедь ваххабитов и ее влияние на современный ислам). – Бейрут, 1993 (на араб. яз.).

113. Джали, Ахмед Мухаммед Ахмед. Таифат аль-Хатмийя (Секта Аль-Хатмийя). – Бейрут, 1992 (на араб. яз.).

114. аль-Джихни, Маниа бен Хаммад. Аль-Маусуа аль-муяссара фи аль-адьян ва аль-мазахиб ва аль-ахзаб аль-муасыра (Энциклопедия современных конфессий, религиозных школ и партий). Т.1. – Эр-Рияд, 1418 х. (на араб. яз.).

115. аль-Кадир, Яхья Мухаммед Абд. Шахсыят мин ас-Судан (Видные деятели Судана). Ч.1,2,3. – Хартум, 1987 (на араб. яз.).

116. аль-Кадир, Мухаммед аль-Хейр Абд. Нашат аль-харака аль-исламиий аль-хадиса фи ас-Судан 1946-1952 (Деятельность современного исламского движения в Судане в 1946-1952 гг.). – Хартум, 1999 (на араб. яз.).

117. аль-Кадир, Мухаммед аль-Хейр Абд. Иттиджахат хадиса фи аль-фикр аль-ильманий (Современные направления в светской мысли). – Хартум, 1999 (на араб. яз.).

118. аль-Кардави, Юсеф. Аль-Ихван аль-муслимун 70 аман фи ад-даава ва ат-тарбия ва аль-джихад («Братья-мусульмане»: 70 лет проповеди, воспитания и священной войны). – Каир, 1999 (на араб. яз.).

119. Касим, Аун аш-Шариф. Аль-Ислям ва аль-арабийя фи ас-Судан (Ислам и арабизм в Судане). – Бейрут-Хартум, 1989 (на араб. яз.).

120. Кафи, Мухаммед Харун. Низаа ас-Судан (Война в Судане). – Хартум, 1999 (на араб. яз.).

121. Кемаль Хадж Саид Джавади. Ихвон аль-мусульмин дар эстехане тарих: Х.Банна – С.Кутб (Египетские «Братья-мусульмане» на карте истории: от Хасана аль-Банны до Сейида Кутба). – Тегеран, 1979 (на перс.яз.).

122. Кутб, Сейид. Мукаввамат ат-тасаввур аль-исламиий (Ценности исламского представления). – Каир-Бейрут, 1986 (на араб.яз.).

123. Махджуб, Абд аль-Халик. Амама махаким ад-диктатурийя (Перед судом диктатуры). – Хартум, 1965 (на араб. яз.).

124. аль-Махди, Мандуз. Таарих ас-Судан мин акдам аль-усур иля кьям аль-ахзаб ас-сиясийя (История Судана от древних времен до появления политических партий). – Хартум, 1956 (на араб. яз.).

125. Махмуд, Хасан Сулейман. Таарих ас-Судан мин акдам аль-усур иля аль-аан (История Судана с древних времен до сегодняшнего дня). – Каир, 1957 (на араб. яз.).

126. Мекки, Хасан. Аль-Харака аль-исламиий фи ас-Судан 1969-1985 (Исламское движение в Судане в 1969-1985 гг.). – Хартум, 1999 (на араб. яз.).

127. аль-Мухами, Ахмед Хейр. Кифах джейль (Борьба поколения). – Хартум, [б.г.] (на араб. яз.).

128. Мухаммед, Мухаммед Аввад. Ас-Судан аш-шималий суккянуху ва кабаилуху (Северный Судан: население и племена). – Каир, 1951 (на араб. яз.).

129. Набиля, Хасан. Малямих мин аль-муджтамаа ас-суданий (Черты суданского общества). [Б.м.], 1959 (на араб. яз.).

130. Николс В. Аш-Шаикыйя (Племена Аш-Шаикыйя). – Хартум, 1956 (на араб. яз.).

131. ан-Нур, Фатих. Ат-Тиджанийя ва аль-мустакбаль (Тиджанийя и будущее). Эль-Обейд – Кордофан – Судан, 1997 (на араб. яз.).

132. Рияд, Хенри. Муджаз таарих ас-султа ат-тишриййя фи ас-Судан (Краткая история законодательной власти в Судане). – Бейрут-Хартум, 1967 (на араб. яз.).

133. Салям, Хильми. Ана ва саурат юлюю (Я и июльская революция). – Каир, 1986 (на араб. яз.).

134. ас-Сауви, Салах. Мада шарыйят аль-интима иля аль-ахзаб ва аль-джамаат аль-исламиyyа (Степень соответствия шариату принадлежности к исламским партиям и группам). – Каир, 1993 (на араб. яз.).

135. Саурат шааб. Ситт санават мин ан-нидаль дыдда аль-хукм аль-аскарий ар-раджъый (Революция народа. Шесть лет борьбы против реакционного военного правления). [Б.м.], [б.г.] (на араб. яз.).

136. Сулейман, Сулейман Мухаммед. Кабилят ад-динка ва ан-нуир (Племена динка и нуэр). – Каир, [б.г.] (на араб. яз.).

137. ат-Тайеб, Хасан ат-Тайеб. Музакират ан аль-харака аль-уммалыйя (Записки о рабочем движении). – Хартум, 1989 (на араб. яз.).

138. Таха, Абд ар-Рахман Али. Ас-Судан ли ас-суданиин (Судан – для суданцев). [Б.м.], 1955 (на араб. яз.).

139. ат-Тураби, Хасан Абдалла. Хытаб аль-умма аль-исламиyyа иля ахль аль-миляль аль-ухра (Обращение исламской общины к другим конфессиям). – Хартум, 1986 (на араб. яз.).

140. ат-Тураби, Хасан Абдалла. Кадая ат-таджид: нахву манхадж усулий (Проблемы обновления ислама: по пути фундаментализма). – Хартум, 1990 (на араб. яз.).

141. ат-Тураби, Хасан Абдалла. Аль-Хивар маа аль-Гарб (Диалог с Западом). – Хартум, 1994 (на араб. яз.).

142. ат-Тураби, Хасан Абдалла. Ат-Тафсир ат-таухидий (Толкование единобожия). Ч.1,2,3. – Хартум, 1998 (на араб. яз.).

143. Аль-Усуль аль-фикрийя ва аль-амалиyyа ли вахдат аль-амаль аль-исламиyyа (Теоретические и практические основы объединения деятельности в пользу ислама). [Б.м.], 1976 (на араб. яз.).

144. Хадж, Зин аль-Абдин ва Яхья Джад Карим. Имтидад аль-маарака (Продолжение битвы). – Хартум, 1957 (на араб. яз.).

145. Халифа, Тауфик Мухаммед. Аль-Хаят фи ас-Судан бейна аль-габа ва аль-хадр (Жизнь в Судане: между джунглями и цивилизацией). Египет, [б.г.] (на араб. яз.).

146. аль-Хамамсы, Джаляль ад-Дин. Маза фи ас-Судан? (Что происходит в Судане?). – Каир, 1945 (на араб. яз.).

147. Хасабу, Абд аль-Магид Абу. Джаниб мин таарих аль-харака аль-ватанийя фи ас-Судан (Из истории национального движения в Судане). Ч.1. – Хартум, 1987 (на араб. яз.).

148. Хейкал, Мухаммед Бек Хусейн. Ашарат айям фи ас-Судан (Десять дней в Судане). – Каир, 1927 (на араб. яз.).

149. Хейр, Мухаммед Ахмед Хамид Мухаммед. Аль-Хатмийя: аль-ақыда ва ат-таарих ва аль-минхадж (Аль-Хатмийя: ее история, доктрина и метод). – Хартум, 1987 (на араб. яз.).

150. Хусейн, Таха Мухаммед. Нахву Судан джадид (О новом Судане). – Каир, [б.г.] (на араб. яз.).

151. аш-Шакаа, Мустафа. Аль-Ислам биля мазахиб (Ислам без вероучений). – Каир, 1997 (на араб. яз.).

152. аш-Шейх, Раафат Гунейми. Мыср ва ас-Судан фи аль-алякат ад-дуалийя (Египет и Судан в международных отношениях). – Каир, 1979 (на араб. яз.).

153. Шубейка, Мекки. Ас-Судан фи аль-карн (Судан за век). – Каир, 1957 (на араб. яз.).

Статьи в научных сборниках, журналах и периодической печати

154. Абрамова И.О. Социально-экономическое развитие Судана в период независимости. // История Судана в новое и новейшее время. – М., 1992.

155. Андрианов Б.В. Население. // Демократическая Республика Судан (справочник). – М., 1973.

156. Васильев Л. Ислам: направления, течения, секты. // Азия и Африка сегодня. – М., 1980. – № 1.

157. Грядунов Ю.С. Политические партии. // Демократическая Республика Судан. – М., 1973.

158. Игнатенко А.А. Исламизация по-чеченски. // Независимая газета, 20.11.1997 г.

159. Иорданский В. Судан между прошлым и будущим. // За рубежом. – 1969. – № 43.

160. Кобищанов Ю.М. Становление режима кондоминиума и развитие Судана в начале XX в. // История Судана в новое и новейшее время. – М., 1992.

161. Косач Г.Г. Социалистические идеи на Арабском Востоке (конец XIX – начало XX в.). // Актуальные проблемы мирового революционного процесса. – М., 1988.

162. Левин О.В. Политическое развитие Судана в период независимости. // История Судана в новое и новейшее время. – М., 1992.

163. Макаров Д.А. Судан в годы второй мировой войны. Подъем национально-освободительного движения и обострение политической борьбы в 1946-1955 гг. // История Судана в новое и новейшее время. – М., 1992.

164. Мейер М.С. Проблемы модернизации социально-экономических структур стран Азии и Африки. // Вестник Московского университета. Сер.: Востоковедение. – 1992. – № 2.

165. Милославская Т.П. Начальный этап деятельности ассоциации «Братьев-мусульман». // Религии мира. История: Ежегодник. – М., 1982.
166. Мирский Г.И. Авторитаризм и демократия: две модели ?// «ПОЛИС» («Политические исследования»). – 1996. – № 6.
167. Пиотровский М.Б. Исторические судьбы мусульманского представления о власти.// Социально-политические представления в исламе. – М., 1987.
168. Поляков К.И. Роль дервишеских орденов в политической жизни Судана. // Вестник Московского университета. Сер.: Востоковедение. – 1992. – № 4.
169. Поляков К.И. Угроза радикализма (Мусульмане ищут политические пути, альтернативные западным). // НГ-Религии – Независимая газета, 16.09.1998 г.
170. Поляков К.И. Предпосылки зарождения исламского фундаментализма в Судане в 50-60-е годы. // Ближний Восток и современность. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. – М., 1998.
171. Поляков К.И. Идеология исламских фундаменталистов в Судане. // Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке: Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. – М., 1999.
172. Поляков К.И. Хасан ат-Тураби: во главе исламских фундаменталистов в Судане. // Ближний Восток и современность. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. – М., 1999.
173. Поляков К.И. Политические условия появления «Братьев-мусульман» в Судане.// Арабский сборник. Институт востоковедения РАН. – М., 1999.
174. Поляков К.И. Жизнь и смерть отца «мусульманского братства» (Сейид Кутб, его идеи, последователи и борьба с «глобальным мировым злом»). // НГ-Религии – Независимая газета, 21.10.1998 г.
175. Поляков К.И. Король Фахд между улемами и капитализмом (Оппозиция правящему режиму Саудовской Аравии готова распространить по миру идеи самого радикального фундаментализма). // НГ-Религии, 27.01.1999 г.
176. Поляков К.И. Йеменские экстремисты и Россия (Племенные вожди покровительствуют экспорту исламской революции). // НГ-Религии, 24.02.1999 г.
177. Поляков К.И. Исламизм: две точки зрения на проблему (Факторы, способствующие росту политического экстремизма). // НГ-Религии, 28.04.99 г.
178. Поляков К.И., Хасянов А.Ж. Надежды Ближнего Востока (По какому пути пойдет палестинское государство: исламизма или арабского национализма?). // НГ-Религии, 12.05.99 г.
179. Поляков К.И. Пути и капканы «исламской революции» (С чем сталкивается российское общество на Северном Кавказе?). // НГ-Религии, 25.08.99 г.

180. Рыбаков В.В. Ислам и гражданское общество. // Мировая экономика и международные отношения. 1996. – № 8.
181. Рябов М.В. Влияние системообразующих факторов социума на религиозную ситуацию в районах традиционного ислама. // Общественные науки и современность. – М., 1996. – № 3.
182. Сажин В.И. К вопросу о цивилизациях, исламе и войнах.// Ближний Восток и современность. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. – М., 1998.
183. Ас-Саид, Рифаат. «Эволюция» исламского фундаментализма. // Колодец. – 1998. – № 1.
184. Салим, Ахмед. Уже не тупик, а пропасть.// Партии научного социализма в Азии и Африке (видные представители прогрессивных сил африканского и азиатского континентов о своих странах и партиях). – Прага, 1983.
185. Смирнова Г.И. Развитие Судана в период между двумя мировыми войнами. // История Судана в новое и новейшее время. – М., 1992.
186. Стоклицкий С. Арабский капитализм: варианты развития. // Азия и Африка сегодня. – 1989. – № 4.
187. Умнов А.Ю. Религия возвращения.// Ближний Восток и современность. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. – М., 1996.
188. Умнов А.Ю. Традиционализм против фундаментализма. // Независимая газета, 15.11.1996 г.
189. Уорберг Г. Ислам и политика в общественной жизни Судана. Из книги: Гэбриэл Уорберг. Ислам, национализм и коммунизм. Лондон, 1978. // Ислам и политика. Сборник информационных материалов. Институт общественных наук при ЦК КПСС. – М., 1980.
190. Факторы дестабилизации религиозно-политической ситуации в Дагестане: Материалы «круглого стола». // НГ-Религии, 17.06.1998 г.
191. Фахрутдинова Н.З. «Религиозный фактор» в политической борьбе в Африке (на примере арабских стран). // Африка в современном мире. – М., 1989.
192. Чернов П.В. Динамика политической роли ислама в России и СНГ: закономерности, тенденции, противоречия.// Россия – СНГ – Азия (Проблемы и перспективы сотрудничества). – М., 1993.
193. Шевченко М.Л. Судан: мусульмане, католики, англикане, копты. // Независимая газета, 19.03.1998 г.
194. Шейнис В.Л. Актуальные проблемы развития стран «третьего мира» в контексте нового политического мышления: Материалы «круглого стола». // Вестник Московского университета. Серия 12. – 1989. – № 3.
195. Шпажников Г.А. Религии. // Демократическая Республика Судан. – М., 1973.
196. Coleman J.S. The Emergence of African Political Parties. // Africa Today. – Baltimore, 1955.
197. Warburg G. Popular Islam and Tribal Leadership in The Socio-Political Structure of The North Sudan. //Social and Political Structure in The Arab World. – New York, 1973.

198. Аль-Лива аль-абъяд амама аль-махахим 1925 // «Мираат ас-Судан». (Лига «Белого знамени» перед судом в 1925 г. // «Зеркало Судана»). – Хартум, 1957. – № 4.

199. ат-Тайеб, Али Ахмед. Новиков Е. Ад-Дин лиль-ллах ва аль-ватан ли аль-джамиа. // «Дирасат иштиракийя» (Религия – Аллаху, Родина – всем. // «Социалистические исследования»). [Б.м.], 1987, № 7.

200. ат-Тураби, Хасан Абдалла. Мустакбаль аль-ислам фи ас-Судан. // фи китаб: Аль-ислам фи ас-Судан (Будущее ислама в Судане.// в кн.: Ислам в Судане). Хартум, 1987 (на араб. яз.).

Периодика

201. «Вестник МГУ». М.

202. «Время». М.

203. «За рубежом». М.

204. ИТАР-ТАСС

205. «Коммерсантъ Daily». М.

206. «Международная жизнь». М.

207. «Мировая экономика и международные отношения». М.

208. «Независимая газета». М.

209. «НГ-Религии». М.

210. «Новое время». М.

211. «Радонеж». М.

212. «Africa report». L.

213. «La Bourse egyptienne». Le Caire.

214. «Daily Express». L.

215. «Daily Telegraph». L.

216. «Economist». L.

217. «Egyptian Gazette». Cairo.

218. «Financial Times». L.

219. «Jeune Afrique». P.

220. «Le Jour». P.

221. «Le Journal d'Egypte». Le Caire.

222. «Le Monde». P.

223. «Les Nouvelles d'Egypte». Le Caire.

224. «Newsweek». N-Y.

225. «Le Progres egyptien». Le Caire.

226. «Roma». R.

227. «Sudan Star». Khartoum.

228. «Sudan Times». Khartoum.

229. «Times». L.

230. «Yorkshire Post». Y.

231. SUNA (Хартум).

232. UN Integrated Regional Information Net Work (Inte– rnet).

- 233. «Аль-Айям». Хартум.
- 234. «Аль-Анба». Хартум.
- 235. «Аль-Ахбар». Каир.
- 236. «Ахбар аль-Яум». Хартум.
- 237. «Аль-Ахрам». Каир.
- 238. «Аль-Баляг». Каир.
- 239. «Аз-Заман». Каир.
- 240. «Аль-Истикляль». Хартум.
- 241. «Аль-Кувват аль-мусалляха». Хартум.
- 242. «Аль-Майдан». Хартум.
- 243. «Ар-Рай аль-амм». Хартум.
- 244. «Аль-Мысри». Каир.
- 245. «Ан-Ниль». Хартум.
- 246. «Ас-Судан аль-хадис». Хартум.
- 247. «Саут ас-Судан». Хартум.
- 248. «Аль-Умма». Хартум.
- 249. «Аль-Хартум». Хартум.
- 250. «Химаят аль-Хартум». Хартум.

SUMMARY

This book, written by Dr. of History Konstantin I. Polyakov, deals with the islamic fundamentalism movement in Sudan. He continues researches in the sphere of the modern political history of Sudan, the foundation and development of the first national parties in the country, the influence of Islam on these processes.

The book contains data concerning ethnical and religious factors which gave a possibility for ideology of the islamic fundamentalism to appear in Sudan. The main point of the book is the influence of the major religious communities, the Moslem orders, West and East-Christian churches playing the role of social groups which have its distinguishable interests in ideological and political struggle inside the Sudanese society.

The book also creates the detailed picture of social conditions in which the first Sudanese political groups were formed, including the «Moslem brothers» association. Great attention in the book is paid to the questions connected with the sources of appearing and development of the «Islamic Revival» ideas, its relations with representatives of other ideological movements in Sudan. The considerable part of the book is dedicated to the history of obtaining the power by the islamic fundamentalists and analyzing the perspectives of their activities in the future.

In context of consideration of the problem of islamic fundamentalism in Sudan the author makes an attempt to determine the significance of Sudanese experience for supporters of «Islamic Revival» movements in Russia, and analyses political, social-economical and psychological preconditions for possible success of the «Moslem brothers» Association in the Russian Federation.

The editor-in-chief of this book is Prof. Dr. of History Gennadiy V. Goryatchkin.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ
И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып.3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Сирийская Арабская Республика".

19. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
20. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 4.
21. "Турция: современные проблемы экономики и политики".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества (израильская модель)".
25. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
26. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (совместно с ИВ РАН).
27. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока".
29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия".
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
33. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки".
Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.

37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии".
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 7.
42. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
43. **Е.Я.Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг."
53. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
54. "Политическая элита Ближнего Востока".
55. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 9.
56. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей.
57. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки".
58. **Аль-Харири Мухаммад** "Налоговые системы Сирии и Египта".

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy
of Sciences
4. "The contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI–th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev** and
A.Fedorchenko
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and **N.Rogozhina**
12. "The Arab World in the end of the XX–th century", (collection of
essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin** and **V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of
essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
16. "The contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)

17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "The Syrian Arab Republic"
19. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
20. "The contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)
21. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
26. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov** and **A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
27. "The contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria** and **A.Yakovlev**
33. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik** and **V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "The contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
42. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**
44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
54. "Political Elite in the Middle East"
55. "The contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
56. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
57. "Processes of Integration in Northern Africa Countries Economy" by **V.Azatian** and **A.Tkachenko**
58. "Tax Systems of Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**